56668

8(с) Р
5262

56668

ФОНД

904.90 Е/5

599598

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Дмитрія Кругляшова
Екатеринбургъ.

К. К.
№ 3332
1945
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ЕКАТЕРИНБУРГСКАГО АЛЕКСѢЕВСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА
8927
П-91

П. И. Бартеневъ.

ПУШКИНЪ

ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ

Проверено
Инв. № 981
54
6094
Инв. № 5540
Уральского Научно-Исследовательского Педагогического Института
БИБЛИОТЕКА

Безплатное приложеніе къ «Русскому Архиву» за 1913 годъ

4 р. 70 к

МОСКВА
MCMXIV

8(с)р
5262

Научная библиотека
Уральского
Государственного
г. Свердловск

599598

Москва. Синодальная типографія. 1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ

„Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное,“ вспомнилъ Достоевскій слова Гоголя въ знаменитой рѣчи своей, произнесенной 8-го іюня 1880 г., прибавивъ отъ себя и „*пророческое*.“ Въ настоящее время нѣтъ нужды настаивать на значеніи Пушкина; достаточно посмотрѣть, съ какой задушевностью относится къ нему всякій Русскій, а все возрастающее количество ученыхъ трудовъ, посвященныхъ великому Поэту, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о явственной осознанности этого значенія. Оправдались слова вѣщаго Тютчева, сказанныя имъ надъ могилой Пушкина еще въ тридцать седьмомъ году:

„Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ.“

При выпускѣ въ свѣтъ книги П. И. Бартенева „Пушкинъ въ Южной Россіи“, напечатанной въ 1861 году, и составляющей нынѣ рѣдкость доступную лишь книголюбцамъ, имѣлось въ виду то особливо теплое чувство къ Пушкину, которое отличаетъ и объединяетъ всѣхъ Русскихъ, любящихъ словесность. Не мнѣ судить о книгѣ дѣда моего, имя коего принадлежитъ исторіи, позволю себѣ указать лишь на то, какое значеніе можетъ имѣть

она нынѣ, среди обилія ученыхъ трудовъ по тому же вопросу. Когда уходимъ мы въ даль вѣковъ отъ людей выдающихся, затуманивается истинный ихъ обликъ, замѣняемый порой тѣмъ представленіемъ, какое составили себѣ о нихъ потомки, воскрешающіе великія тѣни рѣзцомъ, кистью, либо перомъ. И чѣмъ замѣчательнѣе человѣкъ, тѣмъ чаще встрѣчается подмѣна. Стоитъ лишь вспомнить, что среди множества изображеній. „Иного властителя нашихъ думъ“—Наполеона нѣтъ двухъ похожихъ одно на другое.

Мы теперь почти не въ силахъ смотрѣть на Пушкина просто какъ на человѣка, такъ ослѣпительно сіяніе славы, такъ значительно пророчество имъ принесенное; съ другой стороны нѣтъ человѣка способнаго объять во всей цѣлокупности его значеніе. Большинство пишущихъ о Пушкинѣ создаютъ свой ликъ, кумиръ рукотворенный. Въ настоящей книгѣ читатели найдутъ образъ Пушкина такой, какимъ остался онъ въ памяти современниковъ, найдутъ образъ нерукотворный.

П. Б. (младшій).

Москва.
20-го Генваря
1914 г.

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

(Матеріалы для его біографіи, собранные П. И. Бартеневымъ).

1820—1823.

Въ предлагаемой статьѣ я намѣренъ передать собранныя мною свѣдѣнія о жизни Пушкина на Югѣ Россіи, въ Екатеринославѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи. Разсказъ мой обнимаетъ собою немного больше трехъ лѣтъ, именно съ Мая мѣсяца 1820 по Іюнь 1823 года. Время это отмѣчено въ исторіи русской словесности и русской внутренней жизни самыми свѣжими, благоуханными цвѣтами Пушкинской поэзіи; въ эти три года вполнѣ развернулся блистательный геній Пушкина, и его имя пронеслось во всѣ концы Россіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ настоящему предмету моего разсказа, я почитаю нужнымъ изложить сколько возможно подробнѣе обстоятельства удаленія Пушкина изъ Петербурга.

Въ „*Матеріалахъ для біографіи Пушкина*“, составленныхъ П. В. Анненковымъ, о первой ссылкѣ Пушкина разсказывается слѣдующимъ образомъ (стр. 69—70). „Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга была его

собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже къ счастію неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непремѣнно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства". Вотъ почти все, сказанное г. Анненковымъ о ссылкѣ Пушкина; къ этому онъ прибавляетъ только, что Пушкина сослали къ Инзову, и что онъ былъ обязанъ Карамзину смягченіемъ своей участи. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку, потому что въ этихъ словахъ высказано довольно общее мнѣніе о Пушкинѣ и о тогдашнемъ времени; но мнѣ кажется, что внимательное историческое разсмотрѣніе дѣла не дозволяетъ *вполнѣ* согласиться съ такимъ отзывомъ почтеннаго критика и біографа, и что многія обстоятельства должны извинить молодого Пушкина.

Прежде всего, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ учился въ Царскосельскомъ Лицеѣ, а Лицей и учрежденъ былъ именно для того, чтобы приготовлять *дѣятелей государственной службы*, слѣдовательно возбуждалъ и поддерживалъ въ своихъ воспитанникахъ участіе и вниманіе къ общей, государствен-

ной жизни отечества. Любимымъ профессоромъ лицеистовъ былъ Куницынъ:

Куницыну дань сердца и вина,
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ на пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена.

А чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность этотъ поистинѣ достопамятный человѣкъ? Онъ провозглашалъ во всеуслышаніе, въ Высочайшемъ присутствіи, въ рѣчахъ на актахъ Лицея, и въ печатныхъ статьяхъ своихъ, мысли и соображенія о необходимости коренныхъ преобразованій, и получалъ награды отъ высшаго начальства. [1])

---

[1]) О жизни А. П. Куницына сохранилось, по крайней мѣрѣ въ печати, очень мало извѣстій. Знаемъ только, что онъ учился въ Германіи и въ 1820-хъ годахъ потерпѣлъ на службѣ. Изъ трудовъ его намъ извѣстны рѣчь при открытіи Лицея, книга *Естественное Право* и нѣсколько статей въ журналахъ, напримѣръ въ *Сынъ Отечества* 1818 года. № 18, стр. 202—211: о *Конституціи*, съ эпиграфомъ: Certe id firmissimum longe imperium est, quo obedienter gaudent, и №№ 23 и 24: *Разсмотрѣніе рѣчи г. президента академіи наукъ* (С. С. Уварова, говорившаго въ публичномъ засѣданіи главнаго педагогическаго института, 22 марта 1818 г., о восточныхъ языкахъ и всемірной исторіи). Въ этой послѣдней статьѣ между прочимъ сказано: „Вѣкъ лжи и лести, кажется, оканчивается. Нынѣ и владыки міра говорятъ и любятъ правду; о царяхъ судятъ съ благоговѣніемъ, но по чистотѣ сердца; пусть одни наемники продолжаютъ искусство лести“.

Въ числѣ другихъ преподавателей Лицея нѣкто Будри былъ родной братъ Марата; онъ былъ похожъ на него лицемъ и разсказывалъ ученикамъ разные анекдоты о немъ. Учитель военныхъ наукъ, инженеръ-полковникъ Эльснеръ, служилъ прежде адъютантомъ у Костюшки. Стало быть, съ малыхъ лѣтъ, Пушкинъ привыкалъ размышлять и бесѣдовать о различныхъ направленіяхъ внутренней и внѣшней государственной политики.

Въ послѣдніе годы своей лицейской жизни Пушкинъ сблизился съ нѣкоторыми офицерами именно изъ тѣхъ полковъ, которые довольно долгое время стояли во Франціи и которые возвратились на родину съ новыми понятіями. Весною 1818 г. Императоръ Александръ открывалъ сеймъ въ Варшавѣ и произнесъ знаменитую рѣчь свою, которая отозвалась во всей Европѣ и еще сильнѣе должна была подѣйствовать на русскую молодежь... Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что русская государственная жизнь, въ силу нашего окончательнаго, тѣснаго сближенія съ Европой, шла рука объ руку съ общею европейскою жизнью, или, вѣрнѣе, служила ей постояннымъ отголоскомъ. А что тогда происходило въ Европѣ? Вартбургскій праздникъ, союзы студентовъ во имя добродѣтели, революціонныя попытки въ Неаполѣ, Сардиніи, Испаніи, возстаніе Грековъ, и рядомъ съ этимъ ограниченіе печати, Карлсбадскія совѣщанія, неограниченная власть Меттерниха, конгрессы съ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, смерть Коцебу и герцога Беррійскаго.

Итакъ Пушкинъ, и по воспитанію своему, и по связямъ дружескимъ, и наконецъ по врожденному призванію, какъ поэтъ, естественно долженъ былъ отражать въ себѣ общее настроеніе своихъ современниковъ, и раздѣлялъ съ ними какъ опрометчивость, заносчивость, рѣзкость въ сужденіяхъ и поступкахъ, такъ и лучшія ихъ качества. Многіе пріятели Пушкина умѣли молчать, и смыкались въ закрытые масонскіе и политическіе кружки, а у молодого поэта всякое горячее движеніе души, всякій взрывъ нетерпѣнія или негодованія высказывался почти что невольно въ оригинальныхъ проказахъ, въ эпиграммахъ и чудныхъ стихахъ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ,
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... [2]).

Другой вопросъ, хорошо ли было это направленіе высшаго русскаго общества. Кажется намъ, что довольно вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ гр. Л. Н. Толстымъ въ повѣсти *Два гусара*, изображающей тогдашнее время и наше.

---

[2]) Изъ стихотворенія Пушкина *Аріонъ* (1830). См. сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, VII, 41. Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе.

Возвращаясь къ Пушкину, должно еще вспомнить, что не одни общія, но и частныя, даже личныя условія тогдашней его жизни способны были раздражать его и въ свою очередь порождали то безпокойное состояніе души и вызывали тѣ возмутительные поступки и стихи, изъ-за которыхъ онъ пострадалъ. Его семейныя отношенія были въ то время далеко не успокоительны. По смерти нѣжно любившей его бабушки (1817), Марьи Алексѣевны Ганибаловой, семья его состояла изъ отца, матери, старшей сестры и младшаго брата. Съ Ольгой Сергѣевной, подругой своего дѣтства, онъ уже не могъ быть теперь такъ близокъ, какъ прежде—естественное слѣдствіе долговременной разлуки: они отвыкли другъ отъ друга, пока Пушкинъ учился въ Лицеѣ, а сестра выростала въ Москвѣ. Братъ, впослѣдствіи такъ заботливо любимый имъ, въ то время былъ еще очень молодъ и не жилъ дома: его отдали въ благородный пансіонъ при тогдашнемъ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. О матери Пушкина не сохранилось никакихъ особенныхъ свѣдѣній; но общую основу семейному узлу давалъ все-таки отецъ,—а это былъ человѣкъ, по общему отзыву современниковъ, соединявшій со многими любезными качествами нравъ мелочной и до крайности раздражительный. Пріятный и острый собесѣдникъ въ обществѣ, онъ, какъ часто случается съ подобнаго рода людьми, бывалъ иногда тяжелъ въ домашней жизни. Молодой Пушкинъ часто нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему, а тѣхъ 700 рублей, которые онъ получалъ, числясь на службѣ въ коллегіи

иностранныхъ дѣлъ [3]), даже при тогдашней дороговизнѣ денегъ, не могло быть достаточно для привычекъ, вынесенныхъ имъ изъ Лицея, и для той жизни, которую онъ повелъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ самъ Сергѣй Львовичъ, по своему характеру и воспитанію, не могъ заниматься хозяйствомъ, получалъ мало дохода съ своихъ довольно, впрочемъ, значительныхъ имѣній, и попеременно, то мотая, то скупясь, никогда не умѣлъ сводить концовъ съ концами. Отсюда разныя непріятности. Одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина [4]), разсказывалъ, какъ Александру Сергѣевичу приходилось упрашивать, чтобы ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками, и какъ Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои старые, временъ Павловскихъ. Съ другой стороны, родители Пушкина не могли, конечно, радоваться его проказамъ, и смотрѣли неблагосклонно на его разнообразныя связи. Какая-то пріятельница дома, старая дѣвушка, графиня Е. В., имѣла неосторожность передавать матери Пушкина дурные слухи, ходившіе про него въ городѣ. Говорятъ, что Пушкинъ послѣ насмѣялся надъ ней въ первыхъ стихахъ

---

[3]) Каждому воспитаннику Лицея, до опредѣленія его на штатное мѣсто, Императоръ Александръ приказалъ выдавать ежегодно отъ 700 до 800 рублей. Пушкинъ, окончившій курсъ во второмъ разрядѣ, получалъ до самаго 1824 г. по 700 р. Кромѣ того, на первое обзаведеніе недостаточнымъ воспитанникамъ назначена была сумма въ 10,000 р., но этимъ вспоможеніемъ Пушкинъ, вѣроятно, не воспользовался.

[4]) С. А. Соболевскій. П. Б. (младшій).

пятой пѣсни Руслана и Людмилы, гдѣ она изображена подъ именемъ Дельфиры [5]). Вообще Пушкинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, и въ стихахъ и въ письмахъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о какихъ-то повредившихъ ему сплетняхъ. Но главнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ была все-таки денежная несостоятельность молодого Пушкина. „Мнѣ больно видѣть—говоритъ онъ самъ въ одномъ письмѣ къ брату—[6]) равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ (которыхъ, вѣрно бъ, ни ты, ни я не пожалѣли для слуги)“. Словомъ, Пушкинъ, вышедши изъ Лицея, очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ часто находятся молодые

---

[5]) Отъ него же:

Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры....
А та—подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ,
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ,
И другомъ сердца назоветъ;
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею не знакомъ.

[6]) См. *Библіографическія записки*, 1858 г., столб. 41.

люди нашего времени, возвращающіеся подъ родительскій кровъ изъ богатыхъ и роскошныхъ учебныхъ заведеній; разница въ томъ, что тутъ примѣшивалась досадная мелочная скупость, которая только раздражала Пушкина. Иногда онъ довольно зло и оригинально издѣвался надъ нею. Однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и Сергѣй Львовичъ. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ, и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ жъ было наготовиться денегъ для такого проказника? [7])

Общественныя отношенія Пушкина были также весьма неловки. По рожденію и лицейскому воспитанію принадлежа къ высшему кругу, обративъ на себя общее вниманіе еще на ученической скамейкѣ, дружась и проводя время съ людьми богатыми и знатными, честолюбивый юноша естественно желалъ удержаться въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. „Пушкинъ—разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ его друзей—либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыбкою выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. „Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ

---

[7]) Слышано отъ В. П. Горчакова.

народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія.“ Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами“ [8]). Самъ онъ долженъ иногда сознавать двусмысленность подобныхъ сближеній, которая при скудости денежныхъ средствъ, могла ставить его въ неловкія положенія и, безъ сомнѣнія, сильно тревожила и огорчала его.

Мѣтко сказанное слово, какая-нибудь задорная эпиграмма, стихи, прельщавшіе своею свѣжестью и новизною, всѣмъ равно понятные по содержанію, дѣлая изъ Пушкина самаго пріятнаго собесѣдника, быстро расходились по столицѣ и по Россіи. Общее одобреніе окрыляло поэта и вызывало новыя проказы, новыя остроты и новые запрещенные стихи....

Когда они распространились, начались, кажется, настоящіе розыски мѣстнаго начальства: Пушкинъ былъ приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору графу Милорадовичу. „Когда привезли Пушкина—говоритъ И. И. Пущинъ, свидѣтельству котораго преимущественно слѣдуетъ вѣрить,—графъ Милорадовичъ приказываетъ полиціймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: „Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.“

---

[8]) *Записки* И. И. Пущина, въ 8 № *Атенея* 1859 г., стр. 526.

(Пушкинъ понялъ, въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevalerseque“, и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія. По другимъ разсказамъ, графъ Милорадовичъ расхаживалъ по комнатѣ, перечитывалъ стихи, по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ ихъ, и прерывалъ чтеніе хохотомъ. Это также очень похоже на любезнаго и веселаго Милорадовича, который, можетъ быть, вспомнилъ свою молодость и собственныя шалости.

Между тѣмъ Пушкинъ не унимался. Такъ, напримѣръ, въ театрѣ, онъ вынималъ портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ (это могло быть около масляницы 1820 года) [9]). Жалобы на него наконецъ дошли до Царя. Мы въ правѣ думать, что Государь, ученикъ Лагарпа, не безъ сожалѣнія, не безъ внутренней борьбы, рѣшился изречь приговоръ стихотворцу, воспитаннику своего любезнаго Лицея. Имя Пушкина было уже давно извѣстно Императору Александру. Онъ зналъ и прощалъ его лицейскія шалости. До его просвѣщеннаго слуха доходила и прелесть стиховъ Пушкина, изъ которыхъ одни, гдѣ говорилось *про рабство, падшее по манію царя*, по собственному его желанію, были доставлены ему въ подлинномъ спискѣ сочинителя. Онъ много

[9]) Однимъ изъ такихъ сосѣдей былъ Аркадій Родзянка, см. *Русскій историческій сборникъ*, т. II, стр. 104.

слышалъ о молодомъ стихотворцѣ отъ директора Лицея Энгельгардта, и имя Пушкина могло поминаться въ бесѣдахъ Государя съ Карамзинымъ, въ уединенныхъ прогулкахъ по царскосельскимъ садамъ. Но въ эту пору, въ первые мѣсяцы 1820 года обстоятельства измѣнились... Тогдашнія дѣла Европы, убіеніе Августа Коцебу (23 марта 1819 г.), возстаніе въ Испаніи, смерть герцога Беррійскаго, не могли не укоренить въ Императорѣ Александрѣ того убѣжденія, что, блюдя за спокойствіемъ умовъ за границей, по обязательствамъ Священнаго Союза, онъ не долженъ равнодушно смотрѣть на попытки къ раздраженію ихъ въ Россіи. Почти въ это время, прусское правительство приказало арестовать извѣстнаго политическаго писателя Герреса за его статьи въ Рейнскомъ Меркуріи. Итакъ, слѣдовало унять Пушкина. Преданіе увѣряетъ, будто нѣкоторые предлагали отдаленную снѣжную пустыню Соловецкаго монастыря мѣстомъ ссылки поэту; но я думаю, что, если и послышалось такое строгое предложеніе, Императоръ Александръ самъ отвергъ его. Пушкинъ былъ лицеистъ, и потому Государь захотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ бывшимъ его начальникомъ, Энгельгардтомъ. Встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройтись съ собою. „Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему, Пушкина надобно сослать... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла“. Благородный директоръ Лицея отвѣчалъ на это:

„Воля Вашего Величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе Ваше, Государь, лучше вразумитъ его“ [10]).

Карамзинъ, другой истинно благородный человѣкъ, въ свою очередь замолвилъ слово за Пушкина. Объ этомъ ходатайствѣ между прочимъ просилъ Карамзина П. Я. Чадаевъ. Узнавши, что Пушкину грозитъ опасность, Чадаевъ поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ увидать его (это было утромъ, а по утрамъ, занимаясь своею исторіею, Карамзинъ никого не принималъ), разсказалъ ему все дѣло и упрашивалъ съѣздить къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, графу Каподистріи [11]). По другому, тоже вполнѣ достовѣрному разсказу, Пушкинъ самъ, еще раньше Чадаева, приходилъ къ Карамзину (по выходѣ изъ Лицея онъ рѣже сталъ бывать у него), разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушивалъ дружескіе упреки и наставленія. „Можете ли вы, сказалъ Карамзинъ, по край-

---

[10]) Передано самимъ Е. А. Энгельгардтомъ И. И. Пущину. См. *Записки* послѣдняго, стр. 528 и 529. Самъ Пушкинъ, вѣроятно, впослѣдствіи только узналъ о заступничествѣ Энгельгардта и приписывалъ свое избавленіе Чадаеву и Карамзину.

[11]) Слышано отъ П. Я. Чадаева.

ней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что въ продолженіе года ничего не напишите противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи". Пушкинъ далъ ему слово, и сдержалъ его: не раньше 1821 года прислалъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои: *Кинжалъ* [12]).

Но заступничество и Энгельгардта и Карамзина могло только смягчить, а не отмѣнить наказаніе. Пушкинъ, собственно говоря, не былъ сосланъ, а только переведенъ на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Его послали, какъ выражаются Англичане, перемѣнить воздухъ, провѣтриться. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ сочли это удаленіе ссылкою.

Пушкинъ наскоро собрался въ дорогу и не успѣлъ даже, какъ должно, проститься съ своими пріятелями. Сергѣй Львовичъ квартировалъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева (послѣ сенатора Трофимова): изъ этого дома Пушкина проводили до Царскаго Села два товарища, баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Родители дали ему надежнаго слугу, человѣка довольно пожилыхъ лѣтъ, именемъ Никиту.

Видъ на проѣздъ, полученный Пушкинымъ вмѣстѣ съ прогонами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, помѣченъ 5 числомъ Мая 1820 года [13]). Время стояло жар-

---

[12]) Отъ гр. Д. Н. Бл. У Карамзиныхъ тотчасъ догадались, кто авторъ *Кинжала*.

[13]) У Анненкова, въ *Матеріалахъ*, стр. 10.

кое. На перекладной, въ красной рубашкѣ и опоясѣ, въ поярковой шляпѣ, скакалъ Пушкинъ по такъ называемому бѣлорусскому тракту [14]) (на Могилевъ и Кіевъ). Что долженъ былъ чувствовать молодой человѣкъ, такъ внезапно оторванный отъ шумныхъ и разнообразныхъ удовольствій столицы, отъ многочисленныхъ друзей своихъ.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... Она за мной!
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ оживляла путь *нѣмой*
Волшебствомъ тайнаго разсказа.

Въ половинѣ Мая, или около, онъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и съ письмомъ отъ гр. Каподистріи явился къ своему новому начальнику, попечителю колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову [15]). Пришлось поселиться въ довольно бѣдномъ городѣ слишкомъ за полторы тысячи верстъ отъ Петербурга безъ знакомствъ, безъ всякихъ удобствъ жизни, въ грязной жидовской хатѣ. Но опасенія Энгельгардта не сбылись. Невзгода не сокрушила Пушкина, не ослабила души его; напротивъ, этотъ быстрый переломъ судьбы только поднялъ и освѣжилъ молодую и сильную жизнь. Какая-то насмѣшливость надъ своею участью, равнодушіе или желаніе казаться равнодушнымъ выражается въ отвѣтѣ Пушкина на дружескій выговоръ Чадаева, зачѣмъ, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не простился

---

[14]) *Записки* Пущина, стр. 527.
[15]) *П. З.* 1861 г. стр. 124.

съ нимъ. „Мой милый,—писалъ ему Пушкинъ—я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило ли будить тебя *изъза такой бездѣлицы*“ [16]). Съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ судьбѣ, „съ непреклонностью и терпѣніемъ своей гордой юности“ (какъ послѣ онъ самъ выражался), началъ Пушкинъ новую жизнь въ Новороссійской глуши. Послѣ тревожной и въ то же время разсѣянной столичной жизни ему полезно было уединеніе. Онъ это самъ чувствовалъ, началъ осматриваться и снова принялся за поэтическую работу. Но тяжелое одиночество, безвыходность положенія, безъ сомнѣнія, тяготили эту горячую, жаждавшую впечатлѣній, душу. Ничего свѣтлаго, никакой перемѣны впереди. Что могло быть скучнѣе для него губернской жизни и занятій въ канцеляріи Инзова, если и поручались ему какія нибудь занятія? По пословицѣ, бѣда не приходитъ одна. Къ скукѣ екатеринославской жизни прибавилась болѣзнь. Отъ нечего дѣлать, Пушкинъ вздумалъ выкупаться въ Днѣпрѣ и жестоко простудился. Но онъ по личному опыту могъ сказать впослѣдствіи:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись:
Въ день унынія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

---

16) Самаго письма не сохранилось, и покойный П. Я. Чадаевъ передавалъ намъ слова по памяти. Послѣ извѣстной исторіи съ статьею въ *Телескопѣ*, Чалаевъ сжегъ переписку. Уцѣлѣло только одно письмо Пушкина на французскомъ языкѣ, съ разборомъ извѣстныхъ филос. писемъ Чадаева.

Уральского Научно-Исследовательского Института
БИБЛИОТЕКА
Педагогического Института

Такъ точно было съ нимъ. Тяжелая жизнь вдругъ смѣнилась для него самымъ завлекательнымъ, веселымъ путешествіемъ, безъ заботъ и хлопотъ, со всѣми удобствами, даже съ роскошью въ обществѣ людей любезныхъ и почтенныхъ. Во второй половинѣ Мая мѣсяца 1820 года проѣзжалъ черезъ Екатеринославъ на Кавказскія воды Николай Николаевичъ Раевскій съ семействомъ. Это тотъ самый Раевскій, который въ сраженіи подъ Смоленскомъ вывелъ въ дѣло двухъ почти малолѣтнихъ сыновей своихъ, который прославился и личною храбростію и способностями искуснаго полководца, подъ Лейпцигомъ, подъ Роменвилемъ и въ другихъ битвахъ. Въ это время онъ командовалъ 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Младшій сынъ его (тоже Николай Николаевичъ), тогда ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, находившійся въ отпуску, подружился съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, и тамъ оказалъ ему какія-то важныя (намъ неизвѣстныя) услуги. Узнавъ, вѣроятно, по письму изъ Петербурга, о ссылкѣ поэта, а можетъ быть и видѣвшись съ нимъ въ его проѣздъ черезъ Кіевъ, онъ поспѣшилъ сыскать его въ Екатеринославѣ [17]). „Едва я, по

[17]) Письмо къ брату, отъ 24 сентября 1820 г. (см. *Библіографическія записки* 1858 года), Пушкинъ начинаетъ: „Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты

Инв. № 3540

пріѣздѣ въ Екатеринославъ, расположился послѣ дурной дороги на отдыхъ—разсказываетъ сопровождавшій генерала Раевскаго медикъ Рудыковскій—ко мнѣ, запыхавшись, вбѣгаетъ младшій сынъ генерала. „Докторъ, я нашелъ здѣсь моего друга; онъ боленъ, ему нужна помощь, поспѣшите со мною“. Нечего дѣлать, пошли. Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на досчатомъ диванѣ, сидитъ молодой человѣкъ, небритый, блѣдный и худой. „Вы нездоровы?“—спросилъ я незнакомца.—„Да,докторъ, немножко пошалилъ, купался, кажется, простудился“. Осмотрѣвши тщательно больного, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ передъ нимъ лежала бумага. „Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?“ Пишу стихи.—Нашелъ, думалъ я, время и мѣсто. Посовѣтовавши ему на ночь. напиться чего-нибудь теплаго, я оставилъ его до другого дня. Мы остановились въ домѣ губернатора К. Поутру гляжу—больной ужъ у насъ: говоритъ, что онъ ѣдетъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нами. За обѣдомъ нашъ гость веселъ и безъ умолку говоритъ съ младшимъ Раевскимъ по французски. Послѣ обѣда у него ознобъ, жаръ и всѣ признаки пароксизма. Пишу рецептъ—„докторъ, дайте что-нибудь получше; дряни въ ротъ не возьму“. Что будешь дѣлать? прописалъ слабую микстуру. На рецептѣ нужно написать кому. Спрашиваю: Пушкинъ.

знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя) предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь, я легъ въ коляску больной, черезъ недѣлю вылѣчился“.

Фамилія незнакомая, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Лѣчу какъ самаго простого смертнаго и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится“ [18]). Молодому Раевскому ничего не стоило уговорить отца взять съ собою Пушкина. Воспитанникъ князя Потемкина, женатый на внучкѣ Ломоносова, имѣвшій своимъ адъютантомъ поэта Батюшкова, почтенный генералъ и самъ, безъ сомнѣнія, радъ былъ оказать услугу молодому поэту. Одно его слово Инзову, и все уладилось. Болѣзнь была самымъ законнымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе, что о ссылкѣ ничего не говорилось въ офиціальной перепискѣ. Инзовъ уволилъ своего чиновника въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ Пушкинъ прожилъ въ Екатеринославѣ всего недѣли двѣ. Отъ этого города остался въ его поэтической памяти одинъ только образъ: два скованные разбойника, убѣжавъ изъ Екатеринославской тюрьмы, спаслись въ цѣпяхъ вплавь по Днѣпру. Пушкинъ впослѣдствіи повторилъ эту картину въ своей поэмѣ „Братья Разбойники“:

Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ,
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами [19]).

---

[18]) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1841 г., № 1-й. Рудыковскій говоритъ, что они выѣхали изъ Кіева 19 Мая.

[19]) См. соч. *Пушкина*, V, 30. Въ Кишиневѣ кто-то усомнился, чтобы скованные разбойники могли переплыть рѣку.

Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго доктора Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его, Марія (лѣтъ 14) и дѣвочка Софья, при нихъ англичанка миссъ Мятенъ и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родомъ татарка, удержавшая въ выговорѣ и въ лицѣ свое восточное происхожденіе). Все это общество помѣщалось въ двухъ каретахъ и коляскѣ. Пушкинъ сначала ѣхалъ съ младшимъ Раевскимъ въ коляскѣ, а потомъ генералъ пересадилъ его къ себѣ въ карету, потому что его сильно трясла лихорадка [20]). „На Дону (вѣроятно въ Новочеркасскѣ)—продолжаетъ г. Рудыковскій—мы обѣдали у атамана Денисова. Пушкинъ меня не послушался, покушалъ бланманже, и снова заболѣлъ. „Докторъ, помогите!“—Пушкинъ, слушайтесь!—„Буду, буду!“ Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы. „Не ходите, не ѣздите безъ шинели“.—„Жарко, мочи нѣтъ“.—„Лучше жарко, чѣмъ лихорадка.“—Опять сильные пароксизмы. „Докторъ, я боленъ“.—Потому что упрямы; слушайтесь.—„Буду, буду!“ Пушкинъ выздоровѣлъ.

Путешественниковъ нашихъ вездѣ встрѣчали съ большимъ почетомъ; въ городахъ обыватели съ хлѣбомъ и солью выходили къ славному защитнику отечества. При этомъ старикъ Раевскій шутя говаривалъ Пушкину:

Пушкинъ кликнулъ своего слугу Никиту и велѣлъ разсказать, какъ они съ нимъ дѣйствительно видѣли это въ Екатеринославѣ. (Отъ В. П. Горчакова).

[20]) Нѣкоторыя подробности путешествія благосклонно переданы мнѣ одною изъ дочерей генерала Раевскаго, кн. М. Н. В—ой.

„Прочтите-ка имъ свои стихи! Что они въ нихъ поймутъ?“ Думая почему-то, что Пушкинъ принадлежитъ къ масонамъ, Раевскій подшучивалъ надъ нимъ, утверждая, что изъ ихъ совѣщаній не выйдетъ ничего путнаго. Достойно замѣчанія, что онъ взялъ слово съ обоихъ сыновей, ни за что не вступать ни въ какое тайное общество.

Въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца (1820), наши путешественники пріѣхали на Кавказскія минеральныя воды. Въ Пятигорскѣ ихъ ожидалъ старшій сынъ Раевскаго, отставной полковникъ Александръ Николаевичъ, прибывшій туда заранѣе [21]). Они всѣмъ обществомъ уѣзжали на гору Бештау пить желѣзныя, тогда еще малоизвѣстныя, воды, и жили тамъ въ калмыцкихъ кибиткахъ за недостаткомъ другого помѣщенія. Эти оригинальныя поѣздки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсѣмъ непохожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлѣній, жизнь въ кибиткахъ и палаткахъ, разнообразныя прогулки, ночи подъ открытымъ южнымъ небомъ, и кругомъ причудливыя картины горъ, новые нравы, невиданныя племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горскихъ Черкесовъ, а въ нѣсколькихъ часахъ пути упорная, жестокая война, съ громкимъ именемъ Ермолова,—все это должно было чрезвычайно какъ нравиться молодому Пушкину. Мы въ правѣ даже думать, что втайнѣ онъ благословлялъ судьбу, которая такъ неожиданно и противъ воли заставила его промѣ-

[21]) Рудыковскій ошибается, говоря, что генералъ Раевскій ѣхалъ на Кавказъ съ *обоими* сыновьями.

нять на Кавказъ петербургскую, душную и только безплодно-раздражающую жизнь. Къ удовольствіямъ путешествія прибавлялось еще всегда радостное и свѣжительное чувство выздоровленія: Пушкинъ бралъ ванны и оправлялся отъ болѣзни. Всею душею поддался онъ тогда впечатлѣніямъ кавказской природы:

Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ....
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зелепѣющій Машукъ,
—Машукъ, податель струй цѣлебныхъ,
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой:
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды...

„Въ Горячеводскъ,—разсказываетъ далѣе г. Рудыковскій,—мы пріѣхали всѣ здоровы и веселы. По прибытіи генерала въ городъ, тамошній комендантъ къ нему явился, и вскорѣ прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. Всѣ читали, любопытствовали. Послѣ нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то

писалъ... На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц., который былъ при минеральныхъ водахъ. „Вы, лейбъ-медикъ, пріѣхали съ генераломъ Р.?“ —„Послѣднее справедливо, но я не лейбъ-медикъ“.—„Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта, бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выдти дурныя послѣдствія.“—Спрашиваю книгу, смотрю, тамъ въ свитѣ генерала вписаны: двѣ его дочери, два сына, лейбъ-медикъ Рудыковскій и недоросль Пушкинъ. Насилу я убѣдилъ коменданта все это исправить. Генералъ порядочно пожурилъ Пушкина за эту шалость. Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались“.

Черезъ девять лѣтъ, вторично посѣтивъ Кавказъ, Пушкинъ такъ вспомнилъ свое первое путешествіе. „Въ Ставрополѣ,—говоритъ онъ,—увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины кавказской цѣпи. Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ были; дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красные слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки... Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогоро-

женныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ. Я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р. (Александръ Раевскій), прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами и наконецъ исчезъ во мракѣ...“

„Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ—разсказываетъ Пушкинъ брату своему, вскорѣ послѣ возвращенія оттуда,—воды мнѣ были очень нужны, чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія, впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ, дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не

приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи."

Въ этихъ словахъ такъ и отзываются разговоры въ обществѣ Раевскихъ о Кавказѣ, о тамошней войнѣ и объ ея значеніи для Россіи. Посольство Ермолова въ Персію было еще въ свѣжей памяти. Отъ генерала Раевскаго Пушкинъ, конечно, наслушался разсказовъ о подвигахъ Циціанова, Котляревскаго и Ермолова, тогдашняго главнокомандующаго кавказскихъ войскъ. Послѣдній приходился родственникомъ Раевскому и былъ его товарищемъ по службѣ. Всѣхъ троихъ Пушкинъ помянулъ впослѣдствіи въ Эпилогѣ къ *Кавказскому Плѣннику*.

Поэмой этой, которую Пушкинъ замыслилъ еще во время своего путешествія, онъ дорожилъ потомъ именно какъ картиною Кавказа. И дѣйствительно, описательная часть *Кавказскаго Плѣнника* свидѣтельствуетъ, что молодой Пушкинъ не былъ праздникомъ путешественникомъ, пріѣхавшимъ только полѣчиться да погулять. Нужно было много умнаго вниманія и наблюдательности, чтобы такъ схватить главнѣйшія черты края. Что касается собственно до внѣшней поэтической работы, то, кажется, въ два мѣсяца кавказской жизни Пушкинъ мало писалъ. И до письма ли тутъ было? Рожденный и воспитанный въ равнинахъ, и очутившійся вдругъ среди заоблачныхъ горъ, онъ былъ слишкомъ пораженъ великолѣпіемъ и новизною картины и только набирался впечатлѣній.

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній,
Она прошла, пора стиховъ *и проч.*

Съ Кавказа, сколько мнѣ извѣстно, Пушкинъ послалъ въ печать только два небольшія дополненія къ Руслану и Людмилѣ и Эпилогъ этой поэмы. Надо замѣтить, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не успѣвъ выдать въ свѣтъ Руслана и Людмилы. Извѣстный любитель словесности и художествъ, А. Н. Оленинъ, лично знавшій Пушкина, желая на дѣлѣ показать любовь свою къ его таланту, самъ сочинялъ рисунки къ Руслану и Людмилѣ, а Н. И. Гнѣдичъ, съ которымъ Пушкинъ сошелся у Оленина, принялъ на себя хлопоты изданія. Самая рукопись оставлена была у брата, Льва Сергѣевича, который, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ С. А. Соболевскимъ, доканчивалъ печатаніе. Послѣдній разсказываетъ, что много было труда разбирать шестую пѣснь, не перебѣленную сочинителемъ. Поэма появилась въ исходѣ Мая или въ началѣ Іюня мѣсяца (цензурное дозволеніе

И. Тимковскаго дано 15 Мая 1820). Посылая свои добавленія къ двумъ мѣстамъ шестой (послѣдней) пѣсни, всего 17 стиховъ, Пушкинъ могъ думать, что они вмѣстѣ съ Эпилогомъ еще поспѣютъ въ Петербургъ прежде отпечатанія книжки. Но поэма уже вышла, и новые стихи ея появились въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ, въ *Сынѣ Отечества* (№ 39), который издавался Н. И. Гречемъ. А можетъ быть и то, что Пушкинъ, уже получивъ отъ Гнѣдича [22]) на Кавказѣ печатный экземпляръ Руслана и Людмилы, и будучи недоволенъ текстомъ, послалъ пропущенныя мѣста шестой пѣсни, печатавшейся, какъ выше сказано, съ черновой рукописи. Во всякомъ случаѣ видна заботливость о своемъ произведеніи и осмотрительность при появленіи въ печати, наслѣдованныя Пушкинымъ отъ Карамзина, Батюшкова и Жуковскаго. Что касается Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, то въ немъ Пушкинъ захотѣлъ выразить благодарное чувство свое. Это былъ голосъ съ Кавказа Карамзину, Чадаеву и вообще петербургскимъ друзьямъ. Раевскіе тоже могли относить къ себѣ слѣдующіе стихи:

Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возратила миръ,

[22]) Въ письмѣ къ барону Дельвигу отъ 23 Марта 1821 г. Пушкинъ говоритъ, что Гнѣдичъ доставилъ ему *дѣвственную* Людмилу.

Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Подъ эпилогомъ означено: „26 іюня. 1820. Кавказъ“.

Выше замѣчено, что кавказская поѣздка дала Пушкину богатый запасъ поэтическихъ впечатлѣній. Питаясь чувствами нѣмыми, наблюдательный и впечатлительный поэтъ принялъ на душу всю роскошь и разнообразіе новыхъ для него картинъ. Разсказывая намъ впослѣдствіи о судьбахъ своей Музы, онъ говоритъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой при лунѣ
За мной скакала на конѣ.

Или:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ оспротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ.

Быть можетъ, къ воспоминаніямъ объ этой жизни принадлежатъ и стихи 1828 г. *Не пой, красавица при мнѣ.*

Увы! напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой бѣдной дѣвы.

Глубокая задушевность этихъ стиховъ заставляетъ думать, что они связаны съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ случаемъ, и въ нихъ, можетъ быть, заключена какая нибудь біографическая черта. Но подробностей, разумѣется, нечего спрашивать. Во всякомъ случаѣ поэтическій отчетъ о своемъ путешествіи Пушкинъ даетъ въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*.

И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада—
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда...
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ
Влачася межь угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены,
По бѣлымъ хижиномъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны:
Елени дремлютъ надъ водами,

Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

То же самое отчасти повторено въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ письма къ брату.—Къ поэтическимъ замѣткамъ и воспоминаніямъ о Кавказѣ принадлежитъ, наконецъ, четверостишіе въ альбомѣ Онѣгина, любопытный образчикъ Пушкинской наблюдательности:

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣетъ;
Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтренный и пылкій нравъ. [23])

Поѣздка на Кавказъ ограничивалась минеральными водами: дальше въ глубь Кавказа Пушкинъ не ѣздилъ въ этотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ Августа путешественники наши окончили купанья и отправились на южный берегъ Крыма. Путь ихъ лежалъ по землѣ черноморскихъ козаковъ, вдоль береговъ Кубани, вблизи немирныхъ черкесскихъ ауловъ. Тутъ опять новыя картины и новыя, небывалыя впечатлѣнія. „Видѣлъ я берега Кубани—продолжаетъ Пушкинъ въ письмѣ, изъ котораго выше приведенъ отрывокъ,—любовался нашими козаками; вѣчно верхомъ,

---

[23]) Или, въ другомъ мѣстѣ:
Но все пропало!... рѣзвый нравъ....
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 козаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала, и тамъ гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ козакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова.“

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
Въ горахъ безмолвіе почное;
Козакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, козакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

„Съ полуострова Тамана, древняго Тьмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Здѣсь увижу я слѣды Пентикапеи, думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ; замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее ли основаніе башни не знаю. За нѣсколько верстъ остановились на *Золотомъ холмѣ*: ряды камней, ровъ почти сравнявшійся съ землею, вотъ все, что осталось отъ города Пентика-

пеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и подобно старику Виргилію разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущенной [24]). Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ *Юрзуфъ*, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи [25]). Корабль плылъ передъ горами, покрытыми

---

[24]) Пушкинъ называетъ городъ Ѳеодосію Кефой. Броневскій передъ тѣмъ занималъ должность Ѳеодосійскаго градоначальника. Онъ былъ литераторъ, и вдобавокъ мартинистъ того времени. Въ жизни Сперанскаго, т. 2, стр. 149, сказано, что Броневскій имѣлъ съ Сперанскимъ религіозно-мистическую переписку. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Броневскимъ, авторомъ плохой книжки: *Путешествіе изъ Петербурга въ Трієстъ.*

[25]) Это Элегія—*Погасло дневное свѣтило.* Пушкинъ окончилъ ее: „Черное море. 1820. Сентябрь“.

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ.
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами, вездѣ мелькали татарскія селенія. Онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли."

Этотъ переѣздъ и трехнедѣльная жизнь въ Гурзуфѣ оставили Пушкину лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами. Изъ Керчи до Гурзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. По словамъ одной изъ спутницъ, въ ночь передъ Гурзуфомъ Пушкинъ расхаживалъ по палубѣ въ задумчивости и что-то бормоча про себя.

Н. И. Гречъ вскорѣ напечаталъ Элегію въ одной изъ Ноябрьскихъ книжекъ *Сына Отечества* (№ 46). Намеки, можетъ быть, біографическаго значенія, находившіеся въ этой Элегіи, остаются для насъ памятны, и оттого мы не можемъ себѣ объяснить, почему Пушкинъ не захотѣлъ выставить подъ ней имени, а потомъ въ собраніи стиховъ своихъ, 1826 года, опять для прикрытія, означилъ піесу *Подражаніемъ Байрону*.—Для біографа особенно любопытно и часто весьма бываетъ важно слѣдить, подъ какими произведеніями поэтъ выставлялъ имя, и въ какихъ, напротивъ, скрывалъ свою подпись. Эти послѣднія большею частью содержатъ въ себѣ чисто-личныя ощущенія и задушевную думу Пушкина. Можетъ быть, онъ познакомился съ семьею генерала Раевскаго, съ его дочерьми, еще раньше поѣздки на Кавказъ, еще въ Петербургѣ:

Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...

Прекрасны, вы брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я.
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ межъ хижинокъ Татаръ... [26])
Какой во мнѣ проснулся жаръ,
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!

Года черезъ три Пушкинъ нѣсколько равнодушнѣе разсказывалъ объ этомъ путешествіи барону Дельвигу, но за то сообщилъ еще нѣсколько подробностей. „Изъ Азіи—пишетъ онъ,—переѣхали мы въ Европу на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову* гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пентикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „Вотъ Чатырдагъ!“ сказалъ мнѣ капитанъ. Я не

---

[26]) Очевидно, говорится о домѣ, въ которомъ жило семейство Раевскаго.

различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прикрѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ..... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море и блескъ и воздухъ полуденный“ [27]).

Юрзуфъ или Гурзуфъ—очаровательный уголокъ Южнаго Крымскаго берега, нынѣ извѣстный богатыми виноградниками. Онъ лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Ялою и Ялтою. Горы небольшимъ полукругомъ облегаютъ тамошнее море. Съ сѣвера загораживаетъ Чатырдагъ, съ востока Аюдагъ заслоняетъ отъ палящихъ лучей солнца; оттого въ Гурзуфѣ такой превосходный умѣренный климатъ и такая роскошь растительности. М. П. Погодинъ обязательно сообщилъ намъ видъ Юрзуфа, снятый со стороны моря. Тутъ вниманіе особенно останавливается на одной скалѣ, которая поднимается надъ самымъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, и представляетъ собою удивительную игру природы: въ очертаніяхъ скалы, даже и безъ особенной рѣзвости воображенія, нельзя не признать изображенія

---

[27]) Письмо это писано, вѣроятно, въ 1824 году, для *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* Дельвига, гдѣ оно и появилось въ 1826. Оно было вызвано появившеюся въ 1823 г. книгою И. М. Муравьева-Апостола *Путешествіе по Тавриді въ 1820 году*, по которой Пушкинъ хотѣлъ провѣрить собственныя впечатлѣнія.

человѣческаго лица, и притомъ весьма схожаго съ бюстами Императора Александра I. Гурзуфъ расположенъ на скатѣ. Лучшая дача, нынѣ владѣніе И. И. Фундуклея, принадлежала тогда бывшему одесскому генералъ-губернатору герцогу Ришелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житье своему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухэтажный домъ, съ двумя балконами, одинъ на море, другой въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка.

Тутъ семья Раевскаго вся была въ сборѣ, кромѣ его матери, жившей въ Кіевской деревнѣ, и сына Александра, который остался на Кавказѣ. (Это мы должны замѣтить). Нашихъ путешественниковъ ожидали въ Гурзуфѣ супруга Раевскаго, Софья Алексѣевна, урожденная Константинова, внучка Ломоносова, и двѣ отлично образованныя и любезныя дочери, Екатерина Николаевна (старшая всѣмъ, нынѣ вдова Орлова) и Елена Николаевна, тогда лѣтъ 16-ти, высокая, стройная, съ прекрасными голубыми глазами. Братъ Николай скоро познакомилъ съ ними своего молодого пріятеля. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Кромѣ того Байронъ былъ почти ежедневнымъ его чтеніемъ: Пушкинъ продолжалъ учиться по англійски, съ помощью Раевскаго-сына. Но большая часть времени, разумѣется, происходила въ прогулкахъ, въ морскомъ купаньи, поѣздкахъ въ горы, въ веселыхъ оживленныхъ бесѣдахъ, которыя постоянно велись на

французскомъ языкѣ. Пушкинъ часто разговаривалъ и спорилъ съ старшею Раевскою о литературѣ. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна [28]), хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ-Скотта по французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны.

„Мой другъ—писалъ Пушкинъ брату—счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества.“

И Раевскіе не могли не полюбить молодого поэта, потому что сумѣли открыть въ немъ высокій умъ, нѣжное привязчивое сердце, благородную гордость души. Не смотря на французское воспитаніе, старикъ Раевскій былъ настоящій русскій человѣкъ, любилъ русскую рѣчь, по собственной охотѣ и, можетъ быть, черезъ

[28]) Елена Николаевна Раевская пережила Пушкина; она не выходила замужъ и скончалась въ Италіи лѣтъ 12 тому назадъ.

Батюшкова, служившаго при немъ адъютантомъ и черезъ своего родственника Д. В. Давыдова, знакомъ былъ съ нашею словесностью, зналъ и цѣнилъ простой народъ, сближаясь съ нимъ въ военномъ быту и въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ, между прочимъ, любилъ заниматься садоводствомъ и домашнею медициною. Въ этихъ отношеніяхъ онъ далеко не походилъ на своихъ товарищей по оружію, русскихъ знатныхъ сановниковъ, съ которыми случалось встрѣчаться Пушкину и которымъ очень трудно было понять, что за существо поэтъ, да еще русскій. Раевскій какъ-то особенно умѣлъ сходиться съ людьми, одаренными свыше. Такъ точно на Кавказѣ же онъ приблизилъ къ себѣ и навсегда привязалъ къ своему семейству извѣстнаго доктора Мейера. По отношенію къ Пушкину генералъ Раевскій важенъ еще для насъ какъ человѣкъ съ разнообразными и славными преданіями, которыми онъ охотно дѣлился въ разговорѣ. Недавнопрошедшая исторія Россіи прошла въ глазахъ у него. Онъ былъ родной по матери племянникъ графа Самойлова, генералъ-прокурора при Екатеринѣ; онъ началъ службу при другомъ своемъ родственникѣ, представителѣ вѣка, князѣ Потемкинѣ и пользовался особенною любовью его. Вблизи Гурзуфа находится Артекъ, опустѣлая и нѣкогда великолѣпная дача Потемкина, и уже одно это должно было часто наводить разговоры на Потемкина и его время. Отсюда у Пушкина такое близкое знакомство съ новою Русскою исторіей. Отъ Раевскаго онъ наслушался разсказовъ про Екатерину, XVIII вѣкъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ были записаны Пуш-

кинымъ и дошли до насъ какъ важныя историческія черты и въ то же время какъ доказательства высокой любознательности поэта. Достойно замѣчанія, что въ 1829 г., когда умеръ Раевскій, Пушкинъ писалъ письмо къ графу Бенкендорфу, ходатайствуя объ увеличеніи пенсіи его семейству: такъ хотѣлось ему чѣмъ-нибудь заплатить долгъ благодарнаго сердца.

„Старшій сынъ его—продолжаетъ разсказывать своему брату Пушкинъ, увлекаемый признательностью къ пріютившему его семейству—будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго“. Еще нѣсколько подробностей передаетъ Пушкинъ въ упомянутомъ письмѣ къ барону Дельвигу. „Въ Юрзуфѣ, говоритъ онъ, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество“.

Одну черту этого разсказа Пушкинъ повторилъ потомъ въ Онѣгинѣ, говоря о своей Музѣ:

Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во тьмѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Творцу міровъ!

А кипарисъ, любимецъ Пушкина, до сихъ поръ цѣлъ; онъ выросъ теперь огромнымъ, статнымъ деревомъ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ. Съ нимъ подружился, его любилъ поэтъ, и подъ счастливымъ южнымъ небомъ этого одного достаточно, чтобы съ этимъ кипарисомъ связалось поэтическое сказаніе. Постоянные обитатели Гурзуфа, тамошніе Татары увѣряютъ, что когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ, къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ; съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялись посѣщенія пернатаго пѣвца; но поэтъ умеръ, и соловей больше не прилетаетъ [29]).

Къ воспоминаніямъ о жизни въ Гурзуфѣ несомнѣнно относится тотъ женскій образъ, который безпрестанно является въ стихахъ Пушкина, чуть только онъ вспомнитъ о Тавридѣ, который занималъ его воображеніе три года сряду, преслѣдовалъ его до самой Одессы, и тамъ только смѣнился другимъ. Въ этомъ нельзя не убѣ-

---

[29]) См. „Крымскія письма Евгенія Туръ“ въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1854 года, письмо 5-е.

диться, внимательно слѣдя за стихами того времени. Но то была святыня души его, которую онъ строго чтилъ и берегъ отъ чужихъ взоровъ, и которая послужила внутреннею основою всѣхъ тогдашнихъ созданій его генія. Мы не можемъ опредѣлительно указать на предметъ его любви; ясно однако, что встрѣтилъ онъ его въ Крыму и что любилъ безъ взаимности.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала.
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Въ Элегіи: *Рьдѣетъ облаковъ летучая гряда* уже явно заключена біографическая подробность, какая именно, мы теперь не знаемъ:

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія [30]) волны.

---

[30]) Такъ было въ первоначальномъ текстѣ, Пушкинъ замѣнилъ слово *таврическія* словомъ *полуденныя*; точно также

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный.
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Когда, противъ воли Пушкина, напечатаны были въ 1824 году, въ *Полярной Звѣздѣ*, три послѣдніе приведенные нами стиха, Пушкинъ огорчился такимъ обнародованіемъ его тайны и писалъ издателю Бестужеву: „Мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой.... Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.... Что жъ она подумаетъ? Обязана ли она знать, что она мною не названа... что элегія доставлена тебѣ Богъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ“.

Къ Гурзуфу, кажется относится и стихотвореніе: *О дѣва роза, я въ оковахъ*, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о соловьѣ, влюбленномъ въ розу. По всему вѣроятію, онъ писалъ тамъ свои замѣчанія о донскихъ и черноморскихъ козакахъ, упоминаемыя имъ въ письмѣ къ брату и теперь утраченныя, и тамъ же занялся и набросалъ первые отрывки новой поэмы, *Кавказскій Плѣнникъ* [31]).

въ предыдущемъ стихотвореніи вмѣсто *оливъ* онъ поставилъ *деревъ*.

[31]) На одномъ изъ черновыхъ набросковъ *К. Плѣнника* сохранилась помѣтка: „1820 августа 21.“

Пушкинъ прожилъ на южномъ берегу три недѣли, если не ошибаемся до второй половины сентября. Какъ ни хороша была тамошняя жизнь, но срокъ отпуска кончался. Раевскій долженъ былъ возвратиться на службу въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ, и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ. Путь лежалъ по крутымъ скаламъ Кикениса. „По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ—пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу—держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя еще находился въ Тавридѣ, и еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня риѳмы“. Пушкинъ разумѣетъ свое посланіе къ Чадаеву: *Къ чему холодныя сомнѣнья*, подъ которымъ находимъ отмѣтку: „Съ морского берега Тавриды“, и въ двухъ стихахъ котораго данъ отчетъ о тогдашнемъ состояніи души его:

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

„Въ Бахчисарай—продолжаетъ онъ—пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes [32]). Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по камнямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня, по ветхой лѣстницѣ, въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было...

Лихорадка меня мучила“.

Пока Пушкинъ странствовалъ, во внѣшнемъ положеніи его устроилась новая перемѣна, какъ и прежде, случайная и также благопріятная. Возвращаться изъ Крыма пришлось ему не въ Екатеринославъ, откуда отпустилъ его Инзовъ, а въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ. Тогдашній намѣстникъ Бессарабской области, А. Н. Бахметевъ, испросилъ себѣ продолжительный отпускъ, для излѣченія отъ ранъ, а должность его, 15 Іюня 1820 года, поручена была временно Инзову, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перецѣлъ туда и по-

---

[32]) Вѣроятно это та самая женщина, про которую Пушкинъ говорилъ, что поэма его *Бахчисарайскій Фонтанъ* есть не что иное, какъ переложеніе въ стихи ея разсказа. Буква К*. поставлена въ печати можетъ быть для прикрытія.

печительный комитетъ о колонистахъ южнаго края [33]). Читатели убѣдятся изъ дальнѣйшаго разсказа нашего, какъ важно было для Пушкина это обстоятельство: вмѣсто однообразной губернской жизни, онъ очутился почти въ пограничномъ городѣ, съ самымъ пестрымъ населеніемъ, представлявшимъ множество предметовъ для его наблюдательности, познакомившимъ его съ разнохарактерными явленіями русской жизни. Кавказъ и Крымъ воспитали въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; кишиневская жизнь развернула передъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей: тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью и пріобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю.

Въ Кишиневъ онъ пріѣхалъ не прямо изъ Крыма. Ему, вѣроятно, не хотѣлось скоро разстаться съ Раевскими, и онъ проводилъ ихъ еще до Кіевской губерніи, до села Каменки, гдѣ жила мать старика Раевскаго, урожденная графиня Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова. Съ нею жили два ея сына отъ этого брака, Александръ и Василій Львовичи, изъ которыхъ первый былъ женатъ на веселой и любезной француженкѣ, графинѣ Грамонъ. Пушкинъ съ нею очень скоро сошелся; но это первое посѣщеніе Каменки было не продолжительно.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Пушкинъ прибылъ на житье въ Кишиневъ, какъ видно по письму его къ

[33]) См. біографію Инзова, въ изданіи: *Александръ I и его сподвижники.*

брату, въ которомъ онъ описывалъ свое путешествіе: оно писано на первыхъ порахъ кишиневской жизни, 24 сентября 1820 г. „Теперь я одинъ, въ Пустынной для меня Молдавіи“, замѣчаетъ Пушкинъ. Но вскорѣ Кишиневъ пересталъ быть для него пустынею.

Прежде всего слѣдуетъ сказать объ отношеніяхъ его къ Инзову, которыя теперь только и начались, потому что краткій срокъ Екатеринославской жизни Пушкинъ едва успѣлъ съ нимъ познакомиться. Иванъ Никитичъ Инзовъ (1768—1845) былъ питомецъ князя Николая Никитича Трубецкого, памятнаго своею дружескою связью съ типографщикомъ Новиковымъ и съ мартинистами Екатерининскаго вѣка. Инзовъ образовался и служилъ въ молодости адъютантомъ при князѣ Н. В. Репнинѣ, тоже мартинистѣ. Онъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, вполнѣ опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человѣколюбіе. Такъ называемые иностранные поселенцы южнаго края, и особенно отошедшіе отъ насъ недавно Болгаре, до сихъ поръ почитаютъ память этого добраго начальника. Въ Болгарскихъ поселеніяхъ, въ возникшемъ подъ его попечительствомъ Бѣлградѣ (1822) и теперь, во многихъ семействахъ, сберегаются портреты Ивана Никитича. Имя его съ признательностію помянется въ будущей исторіи нашихъ сношеній съ славянскими братьями. Но Инзовъ, вѣроятно, чуждъ былъ нынѣшнихъ понятій о племенномъ сближеніи; онъ хлопоталъ и пекся о Сербахъ и Болгарахъ по чувству долга и по внушенію прекрасной души

своей. Это былъ человѣкъ не хитраго разума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко; но его искренняя привѣтливость, умѣнье уживаться съ людьми и мирить ихъ, неподкупная честность и прямота характера заслужили ему любовь подчиненныхъ и уваженіе людей равныхъ и начальства. Сверхъ того Инзовъ былъ очень образованъ и начитанъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи. Онъ тотчасъ оцѣнилъ молодого Пушкина, чутьемъ сердца понявъ высокое благородство его природы, и вмѣсто того, чтобы быть строгимъ надзирателемъ за его поведеніемъ, сдѣлался снисходительнымъ и попечительнымъ заступникомъ. Выше упомянуто, что Пушкинъ явился къ нему съ письмомъ отъ гр. Каподистріи; что это было за письмо, намъ неизвѣстно; но можно догадываться, что чья-нибудь дружеская предусмотрительность (Энгельгардта или Карамзина, который могъ встрѣчаться съ Инзовымъ еще въ прошломъ вѣкѣ, у Н. Н. Новикова) указала высшему начальству на Инзова, какъ на человѣка, къ которому всего лучше было послать Пушкина. Поэтъ, столь щекотливый въ сношеніяхъ вообще съ людьми, и особливо съ поставленными выше его, никогда не имѣлъ причины пенять на своего начальника, напротивъ отзывался о немъ съ нѣжнымъ участіемъ, а Инзовъ, въ свою очередь, очень жалѣлъ, когда потомъ Одесса переманила къ себѣ Пушкина, и когда онъ уѣхалъ отъ него къ гр. Воронцову.

Въ Кишиневѣ вся власть соединилась въ рукахъ Инзова: кромѣ должности полномочнаго намѣстника

Бессарабской области, онъ, съ Іюля мѣсяца 1822 года, правилъ всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, такъ какъ тамошній генералъ-губернаторъ, графъ Ланжеронъ, тоже отпросился въ долгій отпускъ къ водамъ. Для насъ это обстоятельство важно, потому, что живя при Инзовѣ, Пушкинъ (хотя, вѣроятно, и не имѣлъ никакихъ служебныхъ обязанностей) находился въ средоточіи управленія обширнымъ и важнымъ краемъ, зналъ изъ первыхъ рукъ все, что̀ дѣлалось въ тѣхъ мѣстахъ, а Бессарабія и вообще Новороссія въ то время представляли много любопытнаго. Пушкинъ впослѣдствіи имѣлъ полное право жалѣть объ истребленіи своихъ тогдашнихъ записокъ. Такъ, напримѣръ, греческое возстаніе и мѣры нашего правительства по отношенію къ этому событію, были во всѣхъ подробностяхъ извѣстны Пушкину, что видно между прочимъ изъ его разсказа *Кирджали*, отчасти слышаннаго имъ отъ правителя канцеляріи Инзова, М. И. Лекса [34]).

Бессарабія всего только восемь лѣтъ какъ поступила подъ власть Россіи; Инзовъ былъ вторымъ ея намѣстникомъ. Подъ турецкимъ управленіемъ и долго послѣ Кишиневъ оставался большимъ хуторомъ: у тамошнихъ простолюдиновъ онъ до сихъ поръ слыветъ подъ именемъ *Кишла*, что по молдавански, говорятъ, значитъ *овчарня*. Онъ былъ выбранъ средоточіемъ власти по указанію знаменитаго экзарха Гавріила Бодони, ко-

[34]) См. соч. Пушкина, V, 497. „Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто.“

торый и учредилъ въ тамошнемъ монастырѣ свою митрополію. Кишиневъ лежитъ въ серединѣ области, на рубежѣ степной и горной Бессарабіи [35]), почти на границахъ двухъ губерній, Херсонской и Подольской. Во время Пушкина онъ состоялъ почти изъ одного, такъ называемаго, стараго города, раскинутаго по плоскимъ и грязнымъ берегамъ небольшой рѣки Быка, съ тѣсными, кривыми улицами, грязными базарами, низенькими лавками и небольшими домиками, крытыми черепицей, но зато со множествомъ садовъ изъ пирамидальныхъ тополей и бѣлыхъ акацій. Въ старомъ городѣ все время и жилъ Пушкинъ. Нынѣшній верхній, правильный или новый городъ, построенный на плоской возвышенности, тогда еще только возникалъ: тамъ находилась митрополія, два, три хорошихъ дома, въ томъ числѣ домъ Крупенскаго, гдѣ помѣщались театръ и присутственныя мѣста и цѣлый особый кварталъ Булгарія, занятый недавними переселенцами-Болгарами.

Населеніе Кишинева, въ то время, было до чрезвычайности пестрое. Главную массу составляли, если не ошибаемся, Молдаване, Жиды и Болгаре; но тутъ же жили Греки, Турки, наши Малороссіяне, Нѣмцы; попадались и Караимы, Арнауты, Французы, и даже Итальянцы, каждый съ своимъ говоромъ, съ своими обычаями, въ своихъ нарядахъ. Настоящихъ Русскихъ переселенцевъ было еще мало. Большую часть русскаго населенія

[35]) См. статью Надеждина въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., статью Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1855 г., № 4; статью В. П. Горчакова, тамъ же 1850 г., № 2 и пр.

составляли солдаты и чиновники. Военный постой еще болѣе разнообразилъ картину. Бессарабская область занята была корпусами второй арміи.

Кишиневское общество, посреди котораго Пушкинъ проводилъ большую часть времени, слагалось также изъ нѣсколькихъ довольно рѣзкихъ отдѣловъ. Тутъ были прежде всего чиновники мѣстнаго управленія, адъютанты Инзова и его канцелярія. Правителемъ ея былъ *Лексъ*, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ-то въ разговорѣ при Пушкинѣ назвали Лекса.

Михаилъ Иванычъ Лексъ—
Прекрасный человѣкъ-съ,

быстро подхватилъ Пушкинъ, и это присловье на долго оставалось при имени Лекса. Изъ чиновниковъ, состоявшихъ при Инзовѣ, Пушкинъ былъ особенно друженъ съ недавно умершимъ *Николаемъ Степановичемъ Алексѣевымъ*, переведеннымъ на службу въ Кишиневъ изъ Москвы и съ нимъ вмѣстѣ часто посѣщалъ чиновника горнаго вѣдомства *Эльфректа*, страстнаго охотника до старинныхъ монетъ. Изъ мѣстныхъ властей слѣдуетъ упомянуть еще о вице-губернаторѣ *Крупянскомъ* и другомъ *Алексѣевѣ*, областномъ почтмейстерѣ.—Второй отдѣлъ Кишиневскаго общества составляли молдаванскіе бояре, одни занимавшіе должностныя мѣста въ городѣ, какъ напр., изъ знакомыхъ Пушкина губернаторъ *Катакази*, женатый на сестрѣ кн. А. Ипсиланти, и членъ верховнаго правленія *Егоръ Кириловичъ Варѳоломей*; другіе просто зажиточные помѣщики, жившіе въ Кишиневѣ для удовольствія: *Прункулъ*, *Балшъ* и другіе.—

Въ третьемъ, самомъ замѣчательномъ для насъ отдѣлѣ были люди военные. Въ Кишиневѣ квартировалъ тогда штабъ 16-й пѣхотной дивизіи, принадлежавшей къ 6-му корпусу второй арміи (корпусный командиръ—*Сабанѣевъ* въ Тирасполѣ). Начальникомъ этой дивизіи, слѣдовательно, первымъ военнымъ лицомъ въ городѣ, былъ, до половины 1822 г., генералъ-маіоръ *М. Ѳ. Орловъ*, передъ тѣмъ служившій въ Кіевѣ начальникомъ корпуснаго штаба при Н. Н. Раевскомъ. Одною изъ бригадъ дивизіи, состоявшей подъ начальствомъ Орлова, тоже до половины 1822 года, командовалъ *Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ*, человѣкъ весьма образованный и начитанный, служившій прежде въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку и почитавшійся масономъ. Изъ состоявшихъ при Орловѣ штабъ-офицеровъ слѣдуетъ назвать, какъ болѣе или менѣе близкихъ знакомцевъ Пушкина—*Друганова, Колокуцкаго, Охотникова, Липранди*, и дивизіоннаго квартирмистра *Владиміра Петровича Горчакова*, воспитанника московской Муравьевской школы колонновожатыхъ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ Тульчина, гдѣ жилъ главнокомандующій 2-й арміи, графъ Витгенштейнъ, пріѣзжали въ Кишиневъ для съемки плановъ новоприобрѣтеннаго края и проживали тамъ офицеры генеральнаго штаба, изъ которыхъ назовемъ двоюродныхъ братьевъ *Полторацкихъ: Алексѣя Павловича и Михаила Александровича* (съ первымъ Пушкинъ былъ очень близокъ), *Валерія Тимоѳеевича Кека*, и за послѣдніе мѣсяцы кишиневской жизни Пушкина—*Александра Ѳомича Вельтмана*. Надо замѣтить, что Киши-

невъ лежитъ на пути военныхъ сообщеній: изъ Бендеръ, Тирасполя, Тульчина, Херсона и другихъ мѣстъ являлись туда генералы и офицеры по дѣламъ службы или проѣздомъ. По близости расположенъ былъ и 7-й корпусъ, входившій въ составъ второй арміи. Такъ напримѣръ, въ Апрѣлѣ 1821 г. зачѣмъ-то пріѣзжалъ изъ Тульчина, адъютантъ гр. Витгенштейна П. И. Пестель, о которомъ въ бумагахъ Пушкина уцѣлѣла замѣтка: „Утро провелъ съ П. Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste mais ma raison s'y refuse. Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафизической, политической, нравственный и проч.. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю [36])". Къ кишиневскимъ гостямъ вѣроятно принадлежалъ и нынѣшній посолъ въ Парижѣ П. Д. Киселевъ, тогдашній начальникъ штаба 2-й арміи при гр. Витгенштейнѣ. Познакомившись еще въ Петербургѣ, Пушкинъ въ это время, кажется, сблизился съ нимъ. Наконецъ, въ числѣ постоянныхъ жителей Кишинева, за первое время тамошней жизни Пушкина, должно упомянуть также о семействѣ покойнаго Молдавскаго господаря, кн. Ипсиланти, состоявшемъ изъ вдовы княгини, изъ дочери, бывшей за губернаторомъ Катакази, и нѣсколькихъ братьевъ флигель-адъютанта, безрукаго князя Александра, князей

[36]) *Библіографическія Записки*, 1859 года, № 5, столб. 120. Французская фраза, вѣроятно, была сказана Пушкинымъ въ разговорѣ съ П., про самого себя. Онъ послѣ не разъ выражалъ эту мысль, напримѣръ, въ стихахъ: *Ты, сердцу непонятный мракъ.*

Николая, Георгія и Дмитрія, которые всѣ находились въ русской службѣ. Пушкинъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ [37]).

Со всѣми изъ названныхъ лицъ Пушкинъ былъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, и болѣе или менѣе въ дружескихъ связяхъ. По своей живой общительной природѣ, онъ никогда не могъ быть одиночкой, всегда любилъ многолюдныя собранія, постоянно являлся на кишинев-

---

[37]) Въ описанія кишиневскихъ знакомствъ и жизни Пушкина мы руководствуемся отчасти изустными разсказами и указаніями добраго пріятеля его *В. П. Горчакова*, за которые обязаны ему великою признательностію. Онъ съ любовію и нѣжнымъ участіемъ къ памяти Александра Сергѣевича передавалъ намъ разныя подробности, которыя были необходимы для пониманія прошедшей обстановки. Кромѣ того я пользовался печатными его статьями, *Выдержками изъ дневника*, въ *Москвитянинѣ* 1850 г. кн. 2, стр. 146—182; кн. 3-я, стр. 233—264 и кн. 7-я, стр. 166—198; и *Воспоминаніемъ о Пушкинѣ* въ 19 номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 1858 года. Нельзя не пожелать продолженія этихъ статей: никакое изслѣдованіе не можетъ замѣнить живыхъ и яркихъ свидѣтельствъ современника-очевидца.—Нѣсколько указаній заимствовано еще изъ статьи покойнаго профессора Одесскаго лицея, *К. Зеленецкаго*, „Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ, и примѣчанія къ описанію Одессы, въ Евгеніи Онѣгинѣ“ (Въ *Москвитянинѣ* 1854 г. № 9.) Зеленецкій говоритъ, что онъ ѣздилъ нарочно въ Бессарабію для собиранія свѣдѣній о Пушкинѣ и писалъ со словъ *Д. А. Вороновскаго*, *П. С. Пушлина*, покойнаго *Марини*, *В. П. Гординскаго*, *П. С. Леонарда*, *В. З. Писаренко* и студента *Ратко*.

скихъ вечерахъ и балахъ, и на холостыхъ пирушкахъ военной молодежи:

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

Приступая теперь къ разсказу о жизни Пушкина въ Кишиневѣ, я весьма затрудняюсь соблюденіемъ строгой хронологической послѣдовательности, которая по моему мнѣнію составляетъ первѣйшее условіе при передачѣ біографическихъ матеріаловъ. Затрудненіе это происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ скудости и отрывочности имѣющихся свѣдѣній. Да и вообще чрезвычайно трудно схватить главныя черты разсѣянной, тревожной, и разнообразной кишиневской жизни Пушкина. Писемъ, этихъ фотографическихъ снимковъ жизни, у насъ очень мало, а какія и дошли до насъ, тѣ большею частью одного литературнаго содержанія.

Сколько извѣстно, Пушкинъ прожилъ въ Кишиневѣ около трехъ лѣтъ, съ послѣднихъ чиселъ Сентября 1820 г. до весны 1823-го; но въ этотъ срокъ, какъ видно будетъ ниже, онъ очень часто отлучался, то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи. Пріѣхавъ въ Кишиневъ, онъ остановился въ одной изъ тамошнихъ глиняныхъ мазанокъ, у русскаго переселенца Ивана Николаева, состоявшаго при квартирной комиссіи и весьма извѣстнаго въ городѣ смышленаго мужика. Но Инзовъ скоро позаботился о лучшемъ для него помѣщеніи. Онъ далъ ему квартиру въ одномъ домѣ съ собою. Домъ этотъ, принадлежавшій боярину Доничу и нанимавшійся для намѣстниковъ на городскія деньги, находится въ концѣ

стараго Кишинева, на небольшомъ возвышеніи. Въ то время онъ стоялъ одиноко, почти на пустырѣ. Сзади примыкалъ къ нему большой садъ. расположенный на скатѣ, съ виноградникомъ. Кому любопытно, тотъ можетъ найти видъ его при Одесскомъ Альманахѣ 1840 года. Развалины до сихъ поръ цѣлы [38]). Это было довольно большое двухэтажное зданіе; вверху жилъ самъ Инзовъ, внизу двое-трое его чиновниковъ. При домѣ въ саду находился птичій дворъ со множествомъ канареекъ и другихъ птицъ, до которыхъ намѣстникъ былъ большой охотникъ. Разсказываютъ, что Пушкинъ изъ шалости и желая подтрунить надъ цѣломудріемъ своего стараго начальника-холостяка, нашелъ средство выучить одну изъ его сорокъ какимъ-то нескромнымъ словамъ [39]). Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, сзади, на право отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшотками, выходившія въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшій

---

[38]) Домъ этотъ подвергался нѣсколько разъ разрушенію отъ землетрясеній. Дальнѣйшія подробности о помѣщеніи Пушкина взяты изъ статьи Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1854 г. № 4. Г. Бергъ говоритъ, что домъ этотъ зовутъ въ Кишиневѣ домомъ Инзова, но что онъ принадлежитъ живущему за границей боярину Доничъ. Но на фотографическомъ снимкѣ съ него, прпслапномъ изъ Кишинева М. П. Погодину, находится надпись, въ которой сказано, что домомъ владѣлъ Инзовъ, и что на немъ до сихъ поръ лежитъ казенное запрещеніе по дѣлу о начетѣ на Инзова, отъ провіантскаго департамента.

[39]) Изъ записокъ Ф. Ф. Вигеля.

въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течетъ рѣчка Быкъ, образуя небольшое озеро. Лѣвѣе—каменоломни Молдаванъ, и еще лѣвѣе новый городъ. Вдали горы съ бѣлѣющимися домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненій въ стрѣльбѣ изъ пистолета, вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣрному и преданному слугѣ его Никитѣ, который между прочимъ остался въ памяти кишиневскихъ его пріятелей по двумъ стихамъ какого-то шуточнаго стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:
Въ митрополіи звонятъ.

Это значило, пора идти къ обѣднѣ, въ новый верхній городъ. Въ этомъ домѣ Пушкинъ прожилъ почти все время; онъ оставался тамъ и послѣ землетрясенія 1821 года, отъ котораго треснулъ верхній этажъ, что́ заставило Инзова на время перемѣститься въ другую квартиру. Воображенію Пушкина могла даже казаться заманчивою жизнь подъ развалинами. Впрочемъ, большую часть дня онъ обыкновенно проводилъ гдѣ нибудь въ обществѣ, возвращаясь къ себѣ почевать и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмомъ. Стола, разумѣется, онъ не держалъ, а обѣдывалъ у Инзова, у Орлова, у гостепріимныхъ кишиневскихъ знакомыхъ своихъ и въ трактирахъ. Такъ, въ первое время, онъ нерѣдко заходилъ въ такъ называемый *Зеленый трактиръ* въ верхнемъ городѣ, недалеко

отъ митрополіи. Тамъ прислуживала молодая молдаванка *Маріонилла*, и одну изъ ея пѣсенъ Пушкинъ переложилъ въ русскіе стихи—это *Черная Шаль* [40]).

По пріѣздѣ въ Кишиневъ, Пушкинъ уже засталъ тамъ *Михаила Ѳедоровича Орлова*. Они сошлись, вѣроятно, еще въ Кіевѣ или въ Петербургѣ, гдѣ Пушкинъ былъ довольно близко знакомъ съ его роднымъ братомъ, недавно умершимъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, которому и написалъ въ 1818 году извѣстное посланіе:

О ты, который сочеталъ
Съ душею пылкой откровенной,
Любезность, разумъ просвѣщенный *и пр.*

Раевскіе, безъ сомнѣнія, поручали Пушкина вниманію Орлова; но онъ и самъ радъ былъ знакомству съ поэтомъ. Орловъ славенъ своимъ горячимъ участіемъ ко всему, что выступаетъ изъ обыкновенной будничной жизни. Страсть къ просвѣщенію (онъ занимался въ Кіевѣ дѣлами библейскаго общества), страсть къ словесности и

---

[40]) Изъ Записокъ В. Г. Теплякова, см. *Общезанимательный Вѣстникъ* 1857, № 1. Въ печати подъ *Черною Шалью* выставлено 14 ноября 1820; но это, вѣроятно, число отсылки ея въ Петербургъ:—піеса написана нѣсколько раньше, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Пушкинъ былъ доволенъ ею и послалъ въ Петербургъ. Она появилась въ Апрѣльскомъ 15-мъ номерѣ *Сына Отечества* 1821 г., но съ ошибками; Пушкинъ разсердился и послалъ ее вторично въ 5-й номеръ *Благонамѣреннаго* 1821 г., гдѣ въ примѣчаніи и было сказано, что стихи перепечатываются ради ошибокъ, съ которыми ихъ напечатали въ *Сынѣ Отечества*.

науки (онъ участвовалъ въ Арзамасскомъ обществѣ подъ именемъ *Рейна* и писалъ сочиненіе о финансахъ), страсть къ искусствамъ (онъ былъ основателемъ московской школы Живописи и Ваянія), наконецъ къ высокой политической дѣятельности, всю жизнь волновали эту благородную душу. Подъ Аустерлицемъ онъ храбро дрался, и получивъ знакъ отличія въ одно время съ вѣстью о томъ, что бой проигранъ, горько заплакалъ. Участникъ 1812 года и заграничныхъ войнъ, онъ былъ близко извѣстенъ Государю, первый изъ русскихъ вступилъ въ Парижъ и договаривался о сдачѣ его, которую потомъ описалъ въ особой запискѣ [41]). Около 1820 года была самая живая пора его дѣятельности; его не даромъ называли цвѣтомъ русскихъ генераловъ. Онъ заботился о распространеніи грамотности между солдатами, старался смягчить грубыя отношенія къ подчиненнымъ, за что вскорѣ и пострадалъ. Въ Кишиневѣ онъ построилъ манежъ и въ новый 1822 годъ далъ въ немъ большой завтракъ, на которомъ, сверхъ обыкновенія, были угощены, тутъ же, въ однихъ стѣнахъ съ начальствомъ, всѣ нижніе чины. На первыхъ порахъ знакомства, Пушкинъ писалъ о немъ къ Чадаеву: „Le seul homme que j'aie vu qui est heureux à force de vanité,“ что, къ сожалѣнію, говорятъ, до нѣкоторой степени вѣрно [42]);

---

[41]) Записка эта, сочиненная по французски, была напечатана въ русскомъ переводѣ, но, къ сожалѣнію, не вполнѣ, въ альманахѣ *Утренняя Заря* 1843 г.

[42]) Слышано отъ П. Я. Чадаева.

но этотъ отзывъ не помѣшалъ впослѣдствіи Пушкину цѣнить и любить Орлова. Они тѣснѣе сблизились въ 1821 г., когда Орловъ женился на старшей дочери Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, любезной и высокоуважаемой пріятельницѣ Пушкина по Гурзуфу. Орловъ занималъ въ новомъ Кишиневѣ два большіе дома; у него, какъ у начальника, постоянно собирались военные люди, и кромѣ того пріѣзжали и гащивали Раевскіе, Давыдовы и родной братъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ, великанъ ростомъ, георгіевскій кавалеръ, безъ ноги по колѣно, котораго, какъ кажется, Пушкинъ хотѣлъ потомъ изобразить героемъ романа изъ русскихъ нравовъ. Пушкинъ цѣлые дни проводилъ въ умномъ и любезномъ обществѣ, собиравшемся у М. Ѳ. Орлова, и тамъ-то, за генеральскими обѣдами, слуги обносили его блюдами, на что онъ такъ забавно жалуется. Бесѣда опять таки шла на французскомъ языкѣ. „Пиши мнѣ по русски—требуетъ Пушкинъ отъ брата въ письмѣ отъ 27 Іюня 1821 г.— потому что, слава Богу, съ моими..... друзьями я скоро позабуду русскую азбуку“. Свобода обращенія, смѣлость, а иногда рѣзкость отвѣтовъ, небрежный нарядъ Пушкина, столь противоположный военной формѣ, которая такъ строго наблюдалась и наблюдается въ полкахъ, все это не разъ смущало нѣкоторыхъ посѣтителей Орлова. Однажды кто-то замѣтилъ генералу, какъ онъ можетъ терпѣть, что у него на диванахъ валяется мальчишка въ шароварахъ. Орловъ только улыбался на такія рѣчи; но одинъ разъ полушутя онъ сказалъ Пушкину, пародируя басню Дмитріева (*Башмакъ, мѣрка равенства*).

Твои, мои права одни,
Да мой сапогъ тебѣ не въ пору.

„Эка важность, сапоги!—возразилъ Пушкинъ; если мѣряться, такъ у слона больше всѣхъ сапоги“. Этимъ все кончилось, и размолвки между ними никогда не было.

Въ первыхъ числахъ Ноября 1820 года, кочевая труппа нѣмецкихъ актеровъ давала представленіе въ бѣдномъ Кишиневскомъ театрѣ, кое какъ освѣщенномъ сальными свѣчами. Въ числѣ посѣтителей находился молодой офицеръ генеральнаго штаба, В. П. Горчаковъ, недавно пріѣхавшій на службу къ Орлову, и изъ своихъ креселъ наблюдалъ новое общество. „Въ числѣ многихъ—разсказываетъ онъ—особенно обратилъ мое вниманіе вошедшій молодой человѣкъ, небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости, и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выраженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобою? какая грусть мрачитъ твою душу? Одежду незнакомца составляли черный фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и такого же цвѣта шаровары. Кто бы это, подумалъ я, и тутъ же узналъ отъ Алексѣева, что это Пушкинъ, знаменитый уже пѣвецъ Руслана и Людмилы. Послѣ перваго акта какой-то драмы, весьма дурно игранной, Пушкинъ подошелъ къ намъ: въ разговорѣ

съ Алексѣевымъ онъ довѣрчиво обращался ко мнѣ, какъ бы желая познакомиться.“ Замѣчаніе Горчакова, что игру актеровъ разбирать нечего, что каждый играетъ очень дурно, разсмѣшило Пушкина; онъ началъ повторять эти слова и тутъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ, содержаніе которому дали воспоминанія о петербургскихъ артистахъ, о Семеновой, Колосовой и другихъ. Поэтъ невольно задумался. „Въ этомъ расположеніи духа онъ отошелъ отъ насъ—замѣчаетъ В. П. Горчаковъ—и пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка остановился передъ какою-то дамою... мрачность его исчезла; ее смѣнилъ звонкій смѣхъ, соединенный въ непрерывною рѣчью... Пушкинъ безпрерывно краснѣлъ и смѣялся; прекрасные его зубы выказывались во всемъ блескѣ, улыбка не угасала.“

На другой день они опять встрѣтились у Ѳ. Ѳ. Орлова. „Въ это утро—продолжаетъ новый знакомецъ Пушкина—много было говорено о Молдаванской пѣснѣ *Черная шаль*, на дняхъ имъ только написанной. Не зная самой пѣсни, я не могъ участвовать въ разговорѣ. Пушкинъ это замѣтилъ, и по просьбѣ моей и Орлова, обѣщалъ мнѣ прочесть ее; но, повторивъ въ разрывъ нѣкоторыя строфы, вдругъ схватилъ рапиру и началъ играть ею: припрыгивалъ, становился въ позу... Въ эту минуту вошелъ Другановъ. Пушкинъ, едва давъ ему поздороваться съ нами, сталъ предлагать ему биться. Другановъ отказывался, Пушкинъ настоятельно требовалъ, и какъ живой ребенокъ сталъ шутя затрогивать его рапи-

рой. Другановъ начиналъ сердиться. Чтобъ предупредить раздоръ моихъ новыхъ знакомцевъ, я снова попросилъ Пушкина прочесть мнѣ молдаванскую пѣсню. Пушкинъ охотно согласился, бросилъ рапиру и началъ читать съ большимъ одушевленіемъ: каждая строфа занимала его, и, казалось, онъ вполнѣ былъ доволенъ своимъ новорожденнымъ твореніемъ... „Какъ же, замѣтилъ я, вы говорите: *въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ*, и потомъ: *вхожу въ отдаленный покой*?—„Такъ что жъ—прервалъ Пушкинъ, съ быстротою молніи, вспыхнувъ самъ какъ зарница,—это не значитъ, что я ослѣпъ.—Сознаніе мое, что это замѣчаніе придирчиво, что оно почти шутка, погасило мгновенный взрывъ Пушкина, и мы пожали другъ другу руки. При этомъ Пушкинъ, смѣясь, началъ мнѣ разсказывать, какъ одинъ изъ кишиневскихъ армянъ сердится на него за эту пѣсню.“ Читатели припомнятъ стихъ:

Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Въ это время М. Ѳ. Орловъ по должности ѣздилъ осматривать пограничную, охранительную линію по Дунаю и Пруту. Онъ возвратился въ Кишиневъ 8 Ноября. Офицеры поспѣшили ему представиться, это же былъ день его именинъ. Вмѣстѣ съ другими пришелъ и Пушкинъ. В. П. Горчаковъ передаетъ эту встрѣчу. Орловъ обнялъ Пушкина, и тотчасъ же сталъ декламировать: *Когда легковѣренъ и молодъ я былъ*. Въ числѣ кишиневскихъ новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкинъ засмѣялся и покраснѣлъ.—„Какъ, вы уже знаете?“ спросилъ онъ. „Какъ видишь,“ отвѣчалъ

тотъ.—„То-есть, какъ слышишь“, замѣтилъ Пушкинъ смѣясь. Генералъ на это замѣчаніе улыбнулся привѣтливо. „Но шутки въ сторону, продолжалъ онъ, а твоя баллада превосходна, въ каждыхъ двухъ стихахъ полнота неподражаемая,“ заключилъ онъ, и при этихъ словахъ выраженіе его лица приняло глубокомысленность знатока-мецената.“

Въ декабрѣ того же года В. П. Горчаковъ проѣзжалъ черезъ Кіевъ: тамъ уже твердили и повторяли наизусть Молдаванскую пѣсню.

Въ концѣ 1820 года, въ Кишиневѣ Пушкинъ написалъ еще два небольшія стихотворенія несравненно выше *Черной Шали*, это—*Виноградъ и Дочери Карагеоргія*. По поводу перваго изъ нихъ можно вспомнить, что любоваться виноградомъ Пушкинъ могъ изъ оконъ своей кишиневской комнаты:

Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

Что касается до превосходныхъ стиховъ къ дочери Сербскаго князя, я не знаю навѣрно, былъ ли Пушкинъ знакомъ съ нею, или писалъ только по слухамъ. Понятно, что его поэтическое вниманіе остановилось на грозномъ образѣ пастуха-героя, освободителя своей родины. Черный Георгій, за три года передъ тѣмъ погибшій отъ руки убійцъ, жилъ нѣкоторое время въ Россіи,

а его семейство долго потомъ оставалось, если не ошибаюсь, въ городѣ Хотинѣ, не далеко отъ Кишинева. Подобно Стенькѣ Разину, Пугачеву, Мазепѣ, Кирджали, Донъ-Жуану, этотъ герой съ характеромъ разбойника поразилъ воображеніе нашего Пушкина. Въ посланіи къ его дочери мѣтко схвачена его физіономія:

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой;
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.

Разсказы о Карагеоргіи Пушкинъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, въ послѣднюю Турецкую войну сражавшихся вмѣстѣ съ Сербами и въ Сербіи, а особливо отъ своего Кишиневскаго знакомца, отставного драгунскаго полковника, Алексѣя Петровича Алексѣева. Этотъ Алексѣевъ, старый служака и георгіевскій кавалеръ, былъ человѣкъ весьма оригинальный и добродушный, вѣчно въ полной формѣ, онъ нарочно стклонялъ отъ себя повышеніе по своей службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ, чтобы не мѣнять своего любимаго и дорогого мундира. Будучи областнымъ почтмейстеромъ, онъ первый узналъ всѣ новости и любилъ дѣлиться ими. Кромѣ того онъ охотно разсказывалъ про свою славную военную службу. Пушкинъ довольно часто бывалъ у него, и впослѣдствіи породнился: братъ жены Алексѣева, П. И. Павлищевъ женился на сестрѣ Александра Сергѣевича. Вообще надо замѣтить, что въ Кишиневѣ Пушкинъ встрѣчалъ Болгаръ и Сербовъ, обращалъ на нихъ

вниманіе, и оттого, можетъ быть, съ такимъ умѣніемъ перекладывалъ впослѣдствіи пѣсни Славянъ [43]).

---

[43]) Читатели могли замѣтить, какой важный матеріалъ для біографіи Пушкина представляютъ собственныя его сочиненія; иногда одно слово, одно прилагательное служатъ самымъ надежнымъ указаніемъ. Поэтому весьма нужно знать, когда именно что писано. Отчасти онъ самъ помогъ этому, расположивъ по годамъ стихи свои въ тѣхъ пяти книжкахъ, которыя вышли при его жизни, одна въ 1826 и четыре въ 1829—1835 годахъ. Тутъ главное хронологическое указаніе. Потомъ въ рукописяхъ его сохранились нѣкоторыя числовыя отмѣтки, ужъ не только годовъ, но и дней. Нѣкоторыя изъ нихъ переданы въ изданіи Анненкова и повторены въ изданіи Исакова. Но въ обоихъ этихъ лучшихъ изданіяхъ, стихотворенія Пушкина расположены только по годамъ, въ самыхъ же годахъ перепутаны и, слѣдовательно, опять таки не могутъ представлять точной поэтической лѣтописи, гдѣ иногда важны мѣсяцы и даже дни созданія піесы. Для будущаго изданія, которое, вѣроятно, не замедлитъ появиться, предлагаемъ для примѣра расположить стихи 1820 года въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Дориды
2. Дорида

} писаны еще въ Петербургѣ.

3. Эпилогъ къ Руслану и Людмилѣ.
4. Погасло дневное свѣтило.
5. Увы, зачѣмъ она блистаетъ.
6. О дѣва роза, я въ оковахъ.
7. Чадаеву съ морского берега Тавриды.
8. Фонтанъ Бахчисарайскаго дворца.
9. Нереида.
10. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
11. Виноградъ.

Новый 1821 годъ онъ встрѣтилъ, кажется, въ Кишиневѣ; но въ Февралѣ видимъ его въ Кіевѣ, куда онъ уѣхалъ, безъ сомнѣнія, чтобъ повидаться съ Раевскими. Туда еще долго рвалась душа его. Кто-то изъ знакомыхъ, неожиданно встрѣтясь съ нимъ въ Кіевѣ, спросилъ, какъ онъ попалъ туда. „Языкъ до Кіева доведетъ,“ отвѣчалъ Пушкинъ, намекая на причину своего удаленія изъ Петербурга. Въ Кіевѣ, 8 Февраля 1821 г., написалъ онъ свои стихи *Земля и море*, изъ которыхъ видно, что мысль его все еще жила у береговъ Тавриды; 14 Февраля написана *Муза* (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила). Къ этой же порѣ слѣдуетъ отнести стихотвореніе *Желаніе*, очевидно вызванное свиданіемъ съ Раевскими, и все проникнутое воспоминаніями о Гурзуфѣ:

Скажите мнѣ, кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?..
Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира

---

12. Черная шаль.

13. Дочери Карагеоргія.

Въ изданіи Анненкова, къ 1820-му году еще отнесены стихи *Записка къ Пріятелю* (о кухмистерѣ Тардифѣ), *Въ лѣсахъ Гиріи счастливой*, а въ изданіи Исакова еще *Платонисмъ*, но не сказано, на какомъ основаніи. Эти стихи могли быть написаны и нѣсколько раньше, и нѣсколько позже; ихъ надо отнести къ неизвѣстнымъ по времени, означивъ годъ предположительно.

Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

Конецъ Февраля мѣсяца Пушкинъ провелъ опять въ Каменкѣ у Давыдовыхъ, и въ это время сблизился съ женою Александра Львовича, какъ это видно изъ стиховъ къ Аглаѣ, весьма любопытныхъ въ біографическомъ отношеніи:

Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы... [44])

20 Февраля въ Каменкѣ онъ оканчиваетъ *Кавказскаго Плѣнника*, а 22 числа того же мѣсяца пишетъ стихи: *Я пережилъ свои желанья*, при которыхъ въ рукописи помѣтка: „Изъ поэмы Кавказъ.“

Кавказскій Плѣнникъ, по нашему мнѣнію, весьма важенъ по отношенію къ внутренней жизни сочинителя. Поэма, собственно, состоитъ изъ двухъ, довольно рѣзко отдѣляющихся частей: съ одной стороны—описанія Кавказа, которыя суть нечто иное, какъ отчетъ недавно совершеннаго путешествія, и которыми Пушкинъ былъ впослѣдствіи недоволенъ, называя ихъ голиковской прозой въ

---

[44]) Соч. Пушкина, VII, 27.
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,—
Вы—старшей дочери своей.
Я—своему меньшому брату.

сравненіи съ поэзіей Кавказской природы; съ другой —характеръ героя. Въ этомъ характерѣ безъ сомнѣнія есть нѣкоторыя, если не черты, то временныя ощущенія поэта. Пушкинъ тогда еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы совершенно отвлекаться отъ своей личности и въ изображеніе своихъ героевъ не вносить собственныхъ чувствъ. Конечно, тутъ участвовало вліяніе Байрона, съ которымъ онъ тогда былъ уже знакомъ; но по свойству молодого творчества, увлекаясь своимъ созданіемъ, поэтъ невольно поддавался тому настроенію, которое хотѣлъ описать въ главномъ лицѣ поэмы. Тутъ особенно любопытны откинутые въ печати эпиграфы *Кавказскаго Пленника* [45]), явно указывающіе на собственное элегическое состояніе, которымъ проникнуты и другія его произведенія 1821 года. Уныніе осталось на душѣ отъ неудовлетворенной любви; ожививъ въ своемъ воображеніи жизнь на Кавказѣ и въ Крыму, онъ жалѣетъ о ней, и стремится туда думою. Наконецъ, посылая *Пленника* В. П. Горчакову, онъ прямо говоритъ: „характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что *я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія*“. Пушкинъ не-

---

[45]) Эпиграфы эти приведены въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 95: Gieb meine Jugend mir zurück, и другой изъ итальянскаго, мало у насъ извѣстнаго поэта Пиндемонте: „О, счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу сладкой земли своего народа; сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ ему нѣтъ надежды увидѣть снова.“ Именно это чувство замѣчаемъ въ Пушкинѣ и когда онъ писалъ *Пленника* и еще года два послѣ.

доволенъ былъ этой новой поэмой, самъ лучше всѣхъ указывалъ на ея недостатки, и всетаки писалъ о *Плѣнникѣ*: „Признаюсь, люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца.“ Мы, конечно, не имѣемъ полной возможности слѣдить за тайнымъ ходомъ душевныхъ настроеній Пушкина; но смѣемъ догадываться, что страсть, столь пламенная въ Гурзуфѣ, теперь, за недостаткомъ взаимности и вслѣдствіе разлуки, ослабѣла и простыла, оставивъ ему какое-то разочарованіе. Онъ однако очень дорожилъ волновавшимъ его чувствомъ и долго таилъ про себя тѣ поэтическія замѣтки, въ которыхъ оно высказалось.

Внѣшнимъ содержаніемъ *Кавказскому Плѣннику* послужилъ разсказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника Нѣмцова, человѣка страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды разсказывалъ при Пушкинѣ, будто живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ Горцамъ и былъ освобожденъ Черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи *Кавказскаго Плѣнника* самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому [46]). Можетъ быть, также, образъ петербургской

[46]) Нѣмцовъ былъ пасынокъ извѣстнаго московскаго стихотворца и острякa, Алексѣя Михайловича Пушкина. Его жена, мать Нѣмцова, Елена Григорьевна (рожд. Воейкова) была очень дружна съ Жуковскимъ, который и передавалъ ей это уже по смерти Александра Сергѣевича. Слышано отъ ея внуки, Марьи Ивановны Постниковой, рожд. Пушкиной.

актрисы Истоминой, родомъ Черкешенки, за которой Пушкинъ ухаживалъ въ Петербургѣ и которую потомъ такъ блистательно вывелъ въ *Онѣгинѣ*, носился въ его воображеніи, когда онъ писалъ *Кавказскаго Плѣнника*.

Въ первыхъ числахъ Марта Пушкинъ уже былъ опять въ Кишиневѣ и жилъ безвыѣздно до Мая. Въ эти два мѣсяца онъ много работалъ. Вообще должно замѣтить, что только по наружности жизнь Пушкина могла казаться совершенно праздною и разсѣянною; мы знаемъ, какъ плодотворны бывали для него и самые досуги. Но не одна поэтическая мысль его находилась въ постоянной дѣятельности. Въ тиши своей комнаты онъ часто и много читалъ.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Выше упомянуто о библіотекѣ въ Гурзуфѣ; въ Кіевѣ у Раевскихъ и въ Каменкѣ у Давыдовыхъ безъ сомнѣнія тоже было довольно книгъ. Младшій Раевскій прислалъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ. Въ Кишиневѣ онъ бралъ книги у Инзова, у Орлова, Пущина, и всего чаще у Ивана Петровича Липранди, владѣвшихъ въ то время отличнымъ собраніемъ разныхъ этнографическихъ и географическихъ книгъ. Въ числѣ разнообразныхъ сочиненій, занимавшихъ Пушкина въ эту пору, прежде всего слѣдуетъ назвать Байрона, съ которымъ онъ началъ знакомство еще въ Пе-

тербургѣ, гдѣ учился по-англійски и бралъ для того у Чадаева книжку Газлита: *Разсказы за столомъ* (Hazlite, Table talk [47]). Самъ онъ признается, что, живя въ Кишиневѣ, сходилъ съ ума отъ Байрона. Другимъ его любимцемъ былъ тогда Овидій, котораго онъ читалъ, вѣроятно, во французскомъ переводѣ, потому что, по его же словамъ, по выходѣ изъ Лицея не раскрывалъ латинской книжки и могъ только—

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale.

Элегіи Овидія могли особенно нравиться Пушкину, между прочимъ, и потому, что въ собственной участи своей онъ любилъ находить нѣкоторое сходство съ судьбою римскаго поэта-изгнанника. Самая близость Овидіополя напоминала о немъ Пушкину.

Обыкновенно, Пушкинъ почиталъ осеннее время наиболѣе благопріятнымъ для своихъ литературныхъ работъ; весна, напротивъ, только раздражала его силы и лишала необходимаго для занятій покоя. Но 1821-й годъ былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Ни въ одну весну, сколько знаемъ, ему не случалось трудиться такъ много, какъ этотъ годъ. Погостивъ у Раевскихъ въ Кіевѣ, у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, онъ около трехъ мѣсяцевъ сряду прожилъ безвыѣздно въ Кишиневѣ. Тутъ ему, вѣроятно, приходилось чаще прежняго оставаться дома: М. Ѳ. Орловъ, въ обществѣ котораго онъ проводилъ обыкновенно цѣлые дни, теперь уѣхалъ жениться въ Кіевъ.

---

[47]) П. Я. Чадаева.

Можетъ статься, что собранія у Орлова и памятныя вечернія бесѣды въ Каменкѣ, гдѣ обсуживались разные общественные вопросы, заставляли молодого Пушкина пристальнѣе глядѣть на самого себя и въ то же время вообще направляли его мысли къ занятіямъ умственнымъ. Мы знаемъ, что уже въ Лицеѣ онъ начиналъ записывать важнѣйшіе случаи своей жизни [48]), и потомъ, когда одинъ изъ его товарищей (Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ) отправлялся въ кругосвѣтное плаваніе, онъ убѣдилъ его вести записки, и подалъ совѣтъ какъ слѣдуетъ вести ихъ. По его собственнымъ словамъ, онъ нѣсколько разъ принимался за ежедневныя записки, но отступался изъ лѣности (V, 3). Весною 1821 года видимъ его снова за этою работою, какъ показываютъ уцѣлѣвшіе отрывки тогдашняго дневника его, наприм. „3-го (Апрѣля). Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; совсѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе всѣхъ.“ (V, 9.) Кромѣ того, тогда же въ 1821 году, какъ самъ онъ сказываетъ, начата имъ автобіографія, которою потомъ онъ продолжалъ заниматься нѣсколько лѣтъ сряду. Она, къ несчастію, истреблена; по словамъ самого Пушкина, въ ней говорилъ онъ „о

---

[48]) Отрывки этихъ первоначальныхъ Записокъ Пушкина см. въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 20—23 и 26.

людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства“ (V, 3).

Къ этому же, вѣроятно, времени слѣдуетъ отнести большой отрывокъ статьи его, писанной не для печати, о Россіи въ XVII столѣтіи: онъ уцѣлѣлъ въ бумагахъ Кишиневскаго пріятеля его Н. С. Алексѣева. Тутъ Пушкинъ широкимъ взглядомъ обозрѣваетъ исторію нашего внутренняго развитія, и теперь черезъ сорокъ лѣтъ, нельзя довольно надивиться, съ какою мѣткостью, смѣлостью и трезвостью мысли судилъ 22-лѣтній юноша. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что отнятіемъ имѣній у духовенства и ограниченіемъ монастырскихъ доходовъ нанесенъ сильный ударъ просвѣщенію народному. Вообще отрывокъ этотъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не весь изданный, показываетъ, какъ разнообразно и дѣльно было тогдашнее чтеніе Пушкина.

Читалъ онъ большею частію съ перомъ въ рукахъ, очень часто дѣлая про себя разныя замѣтки и выписки.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей....
. . . . . душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Съ какимъ увлеченіемъ Пушкинъ предавался иногда работѣ, видно изъ его обращенія къ своей чернильницѣ:

Какъ часто, другъ веселья,
Съ тобою забывалъ

Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ.

Тутъ же онъ передаетъ намъ нѣсколько подробностей о самомъ ходѣ своего творчества:

Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный,
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ,
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То странность рѳмы новой,
Неслыханной дотоль.

Это писано 11-го Апрѣля 1821 г. и, разумѣется, не для печати. Піеса оканчивается воспоминаніемъ о Чаадаевѣ, къ которому въ это самое время Пушкинъ писалъ большое посланіе (начато 6-го, кончено 20 Апрѣля), столь замѣчательное не въ одномъ художественномъ смыслѣ, но и какъ душевная исповѣдь. Поэтъ разсказываетъ петербургскому другу о тогдашнемъ своемъ состояніи. Онъ былъ доволенъ этимъ произведеніемъ, и вскорѣ отослалъ его въ Петербургъ, гдѣ оно появилось въ *Сынѣ Отечества* (№ 35), съ полнымъ именемъ Пушкина:

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,

Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце
дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья;
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушая тишину,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружен умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись.
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись....

Вообще, нельзя не замѣтить, что Пушкинъ какъ-то отрезвѣлъ и успокоился на это время:

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ;
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ.

Пріѣхавъ снова въ Кишиневъ, онъ хочетъ оправдаться передъ друзьями, которые упрекали его за долгое молчаніе. Въ томъ же стихотвореніи *Къ чернильницѣ*, читаемъ:

Но здѣсь на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни

Заботливыхъ друзей....
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль и хореи
Для прозы почтовой....
Свои надежды, чувства,
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной,
И вѣтренной и нѣжной,
Сердца ихъ утѣшай.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ послѣднихъ трехъ стихахъ схваченъ характеръ его дружеской переписки.

Въ это же самое время Пушкинъ посылаетъ Д. В. Давыдову извѣстные стихи:

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наъздника читалъ, [49])

---

[49]) *Уставомъ Наъздника* Пушкинъ называетъ только что вышедшую тогда книжку Давыдова: *Опытъ теоріи Партизанскаго дѣйствія.* М. 1821. Пушкинъ прочиталъ ее и потому, что цѣнилъ талантъ Давыдова, и потому еще, что военное дѣло было не совсѣмъ чуждо ему: онъ безпрестанно проводилъ время съ офицерами.—Въ посланіи къ Давыдову, говорятъ, есть пропускъ. Пушкинъ легко могъ познакомиться съ Давыдовымъ еще въ Царскомъ Селѣ, въ обществѣ лейбъ-гусаровъ, и потомъ встрѣчаться у его родственниковъ въ Кіевѣ и Каменкѣ.

возобновляетъ сношенія съ петербургскимъ пріятелемъ своимъ Катенинымъ, и 5 Апрѣля пишетъ ему письмо со стихами объ актрисѣ Колосовой. Еще раньше, 23 Марта, послано большое письмо къ барону Дельвигу, прозой и стихами. „Что до меня, моя радость—пишетъ Пушкинъ, между прочимъ—скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Пльнникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать,—ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы,—но, что теперь ничего не пишу, а перевариваю воспоминанія, и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?“—„Другъ мой, есть у меня до тебя просьба—узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ—другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца. Въ этомъ найдутъ выгоду; но я чувствую, что мы будемъ друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.“ Пушкинъ, вѣроятно, подозрѣвалъ, что домашніе его станутъ твердить Льву Сергѣевичу, чтобы онъ не бралъ примѣра съ ссыльнаго брата. Между тѣмъ примѣръ былъ соблазнителенъ: Левъ Сергѣевичъ самъ принялся за стихи. Пушкинъ поспѣшилъ остановить, вѣроятно, замѣтивъ тотчасъ же отсутствіе насто-

ящаго дарованія. Въ этомъ случаѣ дружеское чувство не ослѣпляло его, какъ въ отношеніи къ Дельвигу и къ другимъ. Еще 24 Сентября 1820 г. онъ писалъ брату. „Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкой, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками, но влюбиться въ нее безразсудно.“—Или въ другомъ письмѣ: „Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость, не поэтъ).“ Надо замѣтить, что именно въ концѣ 1820 года Левъ Сергѣевичъ былъ исключенъ изъ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ, за то, что съ товарищами побилъ одного изъ надзирателей [50]). Это обстоятельство, конечно, только умножило въ Пушкинѣ сердечное, нѣжное участіе къ судьбѣ брата.

Можетъ быть, вскорѣ послѣ того, и какъ намъ кажется, въ 1821 г., возвратясь изъ Каменки, онъ написалъ къ брату то французское письмо, въ которомъ излагаетъ правила жизни, извлеченныя, какъ онъ говоритъ, изъ собственнаго опыта. Письмо это крайне замѣчательно, не потому, чтобы Пушкинъ самъ всегда слѣдовалъ высказаннымъ въ немъ правиламъ, а какъ изложеніе тогдашнихъ его понятій о связяхъ общественныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти убѣжденія были не тверды, и Пушкину случалось измѣнять имъ, но, во всякомъ

---

[50]) Слышано отъ одного изъ товарищей его, С. Л. С—каго.

случаѣ, они искренни и необыкновенно важны для оцѣнки его. Прежняя жизнь его заставляетъ думать, что онъ дѣйствительно могъ извлечь ихъ изъ собственнаго опыта. Не даромъ лучшіе друзья предостерегали его отъ сношеній со знатью. Приводимъ письмо вполнѣ, въ нашемъ переводѣ. „Въ твои лѣта—пишетъ Пушкинъ—слѣдуетъ подумать объ избираемомъ пути; я говорилъ тебѣ, почему военная служба, по моему мнѣнію, лучше всѣхъ другихъ. Во всякомъ случаѣ твоимъ поведеніемъ на долго опредѣлится и мнѣніе, которое о тебѣ составятъ, и, можетъ быть, твое счастіе.“

„Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Съ самаго начала думай о нихъ какъ только возможно хуже: весьма рѣдко придется тебѣ отставать отъ такого мнѣнія. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю и благороднымъ и добрымъ и которое вдобавокъ еще молодо. Презирай ихъ со всевозможною вѣжливостью; и тебя не будутъ раздражать мелкіе предразсудки и мелкія страсти, на которыя ты натолкнешься при вступленіи въ свѣтъ.

„Будь со всѣми холоденъ; черезчуръ сближаться всегда вредно; особливо берегись близкихъ сношеній съ людьми, которые выше тебя, какъ бы ни были предупредительны. Ихъ ласки тотчасъ очутятся у тебя на головѣ, и ты легко потерпишь униженіе, самъ того не ожидая.

„Не будь угодливъ, и гони отъ себя прочь чувство доброжелательства, къ которому ты, можетъ быть, наклоненъ. Люди не понимаютъ его и часто почитаютъ

за низость, потому что всегда рады судить о другихъ по себѣ.

„Никогда не принимай благодѣянія. Оно всего чаще выходитъ предательствомъ. Не нужно покровительства, оно порабощаетъ и унижаетъ.

„Мнѣ слѣдовало бы также предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но я не смѣю черствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ ея мечтаній. Что касается до женщинъ, то мои слова были бы совершенно для тебя безполезны. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ болѣе вѣроятности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ лишь старой обезьяны 18-го вѣка [51]). Относительно женщины, которую ты полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

---

[51]) Тоже самое Пушкинъ повторяетъ потомъ въ Онѣгинѣ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей,
. . . . . .
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ.
(Онѣгинъ, гл. IV, строфа 7).

Строфа эта появилась въ печати только въ 1828 году, т. е. около семи лѣтъ послѣ того, какъ она первоначально создалась въ головѣ поэта.

„Никогда не забывай умышленной обиды; тутъ не нужно словъ, или очень мало; за оскорбленіе никогда не мсти оскорбленіемъ.

„Коль скоро твое состояніе или обстоятельства не дозволяютъ тебѣ блистать въ свѣтѣ, не думай скрывать своихъ лишеній; лучше держись другой крайности: цинизмомъ въ наготѣ его можно внушить къ себѣ уваженіе и привлечь легкомысленную толпу, тогда какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ насъ смѣшными и вызываютъ презрѣніе.

„Никогда не занимай, лучше терпи нужду. Повѣрь, она не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; гораздо ужаснѣе то, что, занимая, иногда по неволѣ можно подвергнуть сомнѣнію свою честность.

„Правила, которыя предлагаю тебѣ, добыты мною изъ горькаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ отъ меня и чтобъ тебѣ не пришлось извлекать ихъ самому. Слѣдуя имъ, ты не испытаешь минутъ страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; она тяжела будетъ для моего тщеславія, но не пощажу его, какъ скоро дѣло идетъ о счастіи твоей жизни“ [52]).

---

[52]) Приводимъ отрывки изъ подлинника въ образчикъ того, какъ Пушкинъ владѣлъ тогда французскимъ языкомъ: „Je vous observerai seulement que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle..... Le cynisme dans son apreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanite nous rendent ridicules et meprisables.

Такъ думалъ или такъ хотѣлъ думать Пушкинъ на 22-мъ году жизни. Столкновенія съ людьми успѣли охолодить отъ природы мягкое и довѣрчивое сердце его. Возвращаясь къ нашему хронологическому разсказу, повторимъ замѣченное выше, что именно въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, т. е. весною 1821 года, видно, какъ Пушкинъ оглядывается на самого себя, хочетъ привести въ порядокъ и мысли, и отношенія, и дѣла свои. Самая наружность его нѣсколько измѣнилась противу прежняго. До сихъ поръ онъ ходилъ въ молдаванской шапочкѣ или фесѣ, съ обритою головою— слѣдствіе горячки. Теперь, по замѣчанію одного пріятеля, который съ нимъ встрѣтился послѣ трехмѣсячной отлучки, „фесъ замѣнили густыя, темнорусыя кудри, и выраженіе взора получило болѣе опредѣлительности и силы“ [53]). Такого рода минуты приходили къ нему довольно часто; но молодость и пылкость брали свое, и онъ мигомъ выбивался изъ ровной колеи жизни.

Тогда жилъ нѣкоторое время въ Кишиневѣ поэтъ *В. Г. Тепляковъ*, впослѣдствіи пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность своими Θракійскими элегіями и книгою

Les principes que je vois propose, je les dois à une douloureuse experience.... Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour rous antendrez ma confession. Elle pourra couter à ma vanié; mais ce n'est pas ce qui m'arreterait lorsqu'il s'agti dé l'interet de votre vie“. Письмо напечатано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г. № 1. Тамъ приложенъ и русскій переводъ, но онъ показался намъ не совсѣмъ вѣренъ.

[53]) См. выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

Воспоминанія о Болгаріи. Пушкинъ съ нимъ сблизился. Они вмѣстѣ восхищались Байрономъ. Въ обыкновенной жизни Тепляковъ былъ большой оригиналъ, ходилъ въ какомъ-то странномъ нарядѣ, и вездѣ носилъ съ собою тяжелую дубинку съ надписью: *Memento mori*. Пушкинъ прозвалъ его *Мельмотомъ-скитальцемъ* [54]). Тепляковъ также велъ дневникъ, и 1 Апрѣля 1821 г. записалъ: „Вчера былъ у Александра Сергѣевича. Онъ сидѣлъ на полу и разбиралъ въ огромномъ чемоданѣ какія-то бумаги.—„Здравствуй, Мельмотъ, сказалъ онъ, дружески пожимая мнѣ руку; помоги, дружище, разобрать мой старый хламъ, да чуръ—не воровать!“ Тутъ были старыя, перемаранныя лицейскія записки Пушкина, разныя неконченныя прозаическія статейки, стихи и письма Дельвига, Баратынскаго, Языкова и другихъ. Болѣе часа разбирали мы всѣ эти бумаги; но разбору конца не предвидѣлось. Пушкинъ утомился, вскочилъ на ноги и схватилъ всѣ разобранныя и неразобранныя нами бумаги въ кучу, сказалъ: „Ну ихъ къ чорту!“, скомкалъ ихъ кое-какъ и втискалъ въ чемоданъ.“

Тепляковъ выпросилъ себѣ на память стихи *Старица-пророчица* и небольшую статью въ прозѣ о Байронѣ. „Что тебѣ за охота возиться съ дрянью,—замѣтилъ Пушкинъ:—статейка о Байронѣ не помню когда

---

[54]) *Мельмотъ*—французскій романъ, сочиненіе Maturin. Пушкинъ очень любилъ этотъ романъ и называлъ его геніальнымъ произведеніемъ.—Выдержку изъ записокъ Теплякова см. въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ* 1857 г., № 6, стр. 221 и слѣд.

написана; а стихи *Старица—лицейскіе грѣхи*, я писалъ ихъ для Дельвига. Пожалуй возьми ихъ, да чуръ не печатать, разсержусь, прокляну на вѣкъ.“

Замѣтка о Байронѣ важна въ томъ отношеніи, что Пушкинъ хочетъ оправдать своего любимаго поэта отъ обвиненій въ безвѣріи [55]). Впослѣдствіи Пушкинъ ее передѣлалъ, и она появилась въ *Литературной газетѣ* Дельвига (1830, № 53). Любопытно, что Пушкинъ внимательно слѣдилъ за жизнью Байрона и въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ замѣчаетъ: „Байронъ много читалъ и распрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.“ (V, 22.)

Весною 1821 г. Пушкинъ былъ свидѣтелемъ событія чрезвычайнаго и имѣвшаго важное историческое значеніе. 11 Марта кн. Александръ Ипсиланти, съ тол-

---

55) „Вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“ VII, 154. Статейка о Байронѣ можетъ послужить образчикомъ тѣхъ замѣчаній и отмѣтокъ, которыми Пушкинъ часто сопровождалъ свое чтеніе.

пою сообщниковъ, перешелъ Прутъ, вступилъ въ Молдавію и поднялъ знамя возстанія противъ Турокъ. Можно себѣ представить, какъ много было толковъ въ Кишиневѣ, когда этотъ флигель-адъютантъ русской службы, пріятель М. Ѳ. Орлова, пошелъ воевать съ цѣлою Турецкою имперіею. Многіе не могли повѣрить, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ понялъ и оцѣнилъ всю важность начальнаго греческаго движенія. „2 Апрѣля, вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка—отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью Греками, я одинъ говорилъ какъ Грекъ. Всѣ отчаивались въ успѣхѣ предпріятія этеріи; я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ и что 2500000 Турокъ [56]) оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владимиреско не имѣетъ другого достоинства кромѣ храбрости; храбрости достанетъ и у Ипсиланти.“ (V, 9). Въ Кишиневѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Русскіе баталіоны, подъ начальствомъ Болховскаго, разставлены были на самомъ Прутѣ, на другомъ берегу котораго происходила знаменитая схватка подъ Скулянами, и все это въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Кишинева. Война съ Турціей казалась неизбѣжною; отношенія къ ней держались на волоскѣ.

[56]) Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина напечатано 25,000,000; странно не замѣтили этой опечатки: Пушкинъ не могъ не знать, что въ Европейской Турціи нѣтъ такого числа Турокъ.

Г. Анненковъ, имѣвшій доступъ къ бумагамъ Пушкина, говоритъ (Матеріалы, стр. 95), что онъ велъ журналъ греческаго возрожденія, но что вскорѣ бросилъ его. Если это было дѣйствительно такъ, то можетъ быть этотъ журналъ впослѣдствіи пригодился Пушкину для его статьи объ одномъ изъ участниковъ молдавскаго движенія, Кирджали. Въ ней находятся любопытнѣйшія подробности, собранныя и записанныя очевидно изъ первыхъ рукъ. Ипсиланти изображенъ именно такъ, какъ его послѣ обличила исторія. Набросанное Пушкинымъ описаніе дѣла подъ Скулянами имѣетъ всѣ достоинства подлинной исторической записки [57]). Разсказывая про арнаутовъ, бѣжавшихъ въ Россію послѣ молдавскаго разгрома, Пушкинъ прибавляетъ: „Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ.“ (V, 495).

Греки были разбиты, Молдавія успокоилась, и Русскія войска не двинулись въ походъ, какъ можно было ожидать. Наступило затишье, и Пушкинъ опять соскучился въ Кишиневѣ. Его живому нраву необходима была частая смѣна впечатлѣній. Еще въ Мартѣ 1821 г. онъ пишетъ Дельвигу: „Скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе... разнообразіе спасительно для души.“

[57]) Нѣкоторыя черты этого разсказа были переданы Пушкину В. П. Горчаковымъ, который по распоряженію начальства ѣздилъ подъ Скуляны для собранія свѣдѣній о происходившемъ сраженіи.

Въ половинѣ Мая видимъ его въ Одессѣ. Просто ли захотѣлось ему воспользоваться близостью и взглянуть на новый, веселый городъ, или ѣздилъ онъ туда для морского купанья, до котораго былъ великій охотникъ, только Инзовъ далъ ему новый отпускъ, и 15 Мая, какъ показываютъ его тетради, онъ пишетъ въ Одессѣ эпилогъ къ *Кавказскому Плѣннику* и посвященіе поэмы Н. Н. Раевскому-сыну (Матеріалы Анненкова, стр. 80). Поэма дѣйствительно принадлежала Раевскимъ, хотя Пушкинъ и замѣчаетъ: „Н. и А. Раевскіе, и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.“ (V, 29.) Посвященіе *Кавказскаго Плѣнника*, кажется намъ, по стиху довольно небрежно и слабо въ сравненіи съ самою поэмою.

Когда мнѣ бѣдствія грозили,
Я при тебѣ спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили;
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

Намъ ничего не извѣстно объ этой первой поѣздкѣ Пушкина въ Одессу; вѣроятно, она была непродолжительна [58]).

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, именно 18-го числа, 1821 года, въ Кишиневъ пришло извѣстіе о смерти Наполеона (23 Апрѣля ст. стиля). Намъ теперь трудно составить

[58]) Вѣроятно, онъ тогда же заѣзжалъ въ Аккерманъ и Овидіополь. Въ *Полярной Звѣздѣ*, 1823 года, въ Обозрѣніи русской словесности (стр. 25), Бестужевъ своимъ кудрявымъ слогомъ выражается про *Кавказскаго Плѣнника*, что онъ писанъ „въ виду сѣдовласаго Кавказа, и на могилѣ Овидіевой“.

понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ. Чудесный примѣръ его возбуждалъ отвагу въ молодыхъ людяхъ; ибо никакое начинаніе не было дерзкимъ въ сравненіи съ его поприщемъ. Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковывало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ съ дѣтства останавливать свои думы на немъ, и въ Лицеѣ писалъ стихи по случаю возвращенія его съ острова Эльбы. Съ нашествіемъ Французовъ, лично для Пушкина, связывались яркія воспоминанія его лицейской жизни. Теперь, когда не стало этого *властителя его думъ*, онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что̀ накопилось въ теченіе лѣтъ отъ размышленій о немъ и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи *Чудесный жребій совершился* по внѣшнимъ пріемамъ вышли чѣмъ то въ родѣ оды. Что касается внутренняго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ, ни тогда, ни долго послѣ, не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Кто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлые томы русскихъ сти-

твореній о немъ, и Пушкину пришлось писать на эту повидимому избитую тему [59]). Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное. Высоконравственная мысль оды уже одна дѣлаетъ величайшую честь поэту. Въ послѣдней строфѣ онъ захотѣлъ придать кончинѣ Наполеона современный политическій смыслъ. Впрочемъ эту послѣднюю идею, о невозможности послѣ Наполеона всемірнаго владычества, Пушкинъ думалъ развить въ особомъ стихотвореніи, которое не кончено имъ, но, по справедливому замѣчанію Анненкова, принадлежитъ несомнѣнно къ тому же времени и вызвано извѣстіемъ о смерти великаго человѣка. Этотъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ Наполеонъ сопоставленъ съ Императоромъ Александромъ, и какъ можно навѣрное догадываться, долженъ былъ передать ему завѣщаніе о свободѣ міра, особенно любопытенъ для насъ тѣми строфами, въ которыхъ описана физіономія Наполеона. Они показываютъ, какъ Пушкинъ прилежно вглядывался

---

[59]) См. *Сынъ Отечества* 1814, № 41.

Одомарателн всѣ сдѣлались судьями,
И каждый произнесъ свой строгій приговоръ,
Какъ нынѣ водится, Наполеону.
„Сорвемъ съ него корону!“
—Повѣсимъ!—Нѣтъ, сожжемъ!
Нѣтъ, это жестоко! Въ Каенну отвеземъ!
. . . . Нѣтъ, сказалъ насмѣшливый Филонъ,
Вы съ большей лютостью дни изверга скончайте,
На Эльбѣ вершами до смерти зачитайте:
Ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ!

въ его портреты, и какъ глубоко его образъ запечатлѣлся въ душѣ нашего поэта:

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей,
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученьемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго—по манію царей.
Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія и мужества и мощи
Владыкѣ полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Не изданныя доселѣ первыя, прекраснѣйшія строфы отрывка свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ слѣдилъ внимательно за современными событіями. Самую мысль подалъ ему отчасти Жуковскій въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ 1816 году для праздника англійскаго посла лорда Каткарта, который торжествовалъ тогда годовщину отреченія Наполеона:

И все, что рушилъ онъ, природа
Своей красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла [60]).

---

[60]) Г. Анненковъ напечаталъ эти превосходные стихи въ 7-мъ томѣ сочиненій Пушкина, и при томъ въ искаженномъ видѣ: вѣроятно, онъ такъ нашелъ ихъ въ рукописяхъ Пушкина. Весьма правдоподобно предположеніе, высказанное въ *Библі-*

Пѣвецъ мира и любви, Жуковскій какъ будто совѣстился обращаться съ упреками къ великому и еще живому человѣку и не захотѣлъ потомъ перепечатать этой піесы въ собраніяхъ своихъ сочиненій. Стоитъ замѣтить, что тѣнь Наполеона преслѣдовала лучшихъ русскихъ поэтовъ: кромѣ Пушкина, который нѣсколько разъ обращался къ нему, Наполеонъ внушилъ лучшія произведенія Лермонтову, Тютчеву и Хомякову. Оно и понятно: русскимъ людямъ легче другихъ оцѣнить великое явленіе западнаго міра. Имъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ честь безпристрастія: въ стихахъ названныхъ поэтовъ о Наполеонѣ нѣтъ и слѣдовъ народной ненависти, и господствуетъ полное примиреніе съ прошедшимъ. Возвращаясь къ Пушкину, надо сказать, что онъ долго не хотѣлъ напечатать своего стихотворенія, сокращалъ и исправлялъ его, и выпустилъ въ свѣтъ только въ 1826 г., въ первомъ собраніи стиховъ своихъ.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, гдѣ былъ и какъ проводилъ время Пушкинъ въ теченіе остального лѣта и въ началѣ осени 1821 года. Всего вѣроятнѣе, онъ продолжалъ жить въ Кишиневѣ, куда тогда возвратился М. Ѳ. Орловъ съ молодою супругою, и гдѣ, кажется, были сборы и смотры войскъ, Пушкинъ куда-то собирался въ дорогу, какъ видно по выраженію въ его

ографическихъ Запискахъ, что, когда Пушкинъ сочинялъ своего Наполеона, ему пришли въ голову стихи Жуковскаго, и онъ написалъ ихъ для себя, довѣряя единственно памяти; оттого и вышли ошибки.—Стихи эти вошли уже въ посмертное изданіе сочиненій Жуковскаго.

письмѣ къ брату отъ 27 Іюня 1821 г.: „Пиши ко мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ.“ „Пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности—продолжаетъ Пушкинъ:— Что такое *Сотвореніе міра* Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года[61])? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится, ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его, какъ должно.“ Надо напомнить читателямъ, что изо всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ тогда одинъ Ѳ. Н. Глинка печатно выразилъ свое сочувствіе ссыльному поэту, въ особомъ посланіи къ нему, появившемся въ *Сынъ Отечества* 1820 г. (№ 38).

Кто-то другая сдѣлалась предметомъ любви Пушкина, и онъ снова въ грустномъ расположеніи: 23 Августа этого года написана элегія:

Умолкну скоро я, но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью...

и потомъ, въ ночь съ 24 на 25 Августа, тоже элегическіе стихи:

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ,
И юности моей мятежное теченье...

---

[61]) Въ этихъ вопросахъ изложена была критика на Руслана и Людмилу, *Сынъ Отечества* 1820, № 44. Они написаны Д. П. Зыковымъ, см. у Анненкова, Матеріалы, стр. 67.

Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній,
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я...

Мы остановились на осени 1821 года. Пушкинъ въ это время обжился въ Кишиневѣ. Хотя мысли его постоянно рвались въ Петербургъ, и онъ безпрестанно ждалъ оттуда благопріятныхъ для себя вѣстей, но эта надежда получить свободу не оправдывалась; до поры, до времени онъ повидимому мирился съ своимъ положеніемъ, и часто всею душою отдавался мѣстнымъ интересамъ. Понятіе о тогдашнемъ Кишиневѣ можно отчасти составить вообще по нашимъ губернскимъ городамъ: та же жажда новостей съ сѣвера, то же усердіе слѣдовать во всемъ послѣдней модѣ, тѣ же мелочи и иногда сплетни во взаимныхъ отношеніяхъ. Но городъ, какъ мы уже замѣтили, былъ довольно оживленъ, благодаря пестротѣ полуевропейскаго народонаселенія, благодаря своему положенію почти на границѣ имперіи, и военному постою. Тамъ былъ и театръ и музыканты, и безпрестанно устраивались вечеринки и балы. Пушкинъ въ первый разъ въ жизни очутился въ такого рода средѣ, и съ любопытствомъ сталъ наблюдать эту губернскую жизнь. Гдѣ только собиралось большое общество, онъ былъ тутъ. Въ отношеніи къ Молдаванамъ-боярамъ, первымъ лицамъ мѣстнаго населенія, Пушкинъ не умѣлъ иногда скрывать чувствъ своего превосходства и не въ силахъ бывалъ также удерживаться отъ врожденной ему, русской насмѣшливости; но все же онъ посѣщалъ ихъ за неимѣніемъ другого общества въ этомъ родѣ, а нѣкоторыхъ, напримѣръ семейство Варѳоломея, даже и лю-

билъ за простую привѣтливость и радушное гостепріимство. Разсказываютъ также, что онъ былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ какого-то кишиневскаго негоціанта *В. А. К—ва,* и въ альбомѣ дочери его Нины Вонифатьевны, вышедшей потомъ за г. *Попандопуло,* сохранились хвалебные (но плохіе) стихи его, писанные 30 Октября 1820 года [62]). Не рѣдко хаживалъ онъ также обѣдать къ вице-губернатору Крупянскому, жена котораго, Екатерина Христофоровна, жила и кормила по-русски, что не могло не нравиться Пушкину, потому что ему надоѣдали плацинды и каймаки другихъ кишиневскихъ хлѣбосоловъ. Эта Крупянская, изъ царскаго рода Комненовъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и въ полутурецкомъ Кишиневѣ сохраняла привычки любезной Пушкину Петербургской жизни. Пушкинъ между прочимъ забавлялся сходствомъ своего лица съ ея восточною физіономіею. „Бывало, разсказываетъ В. П. Горчаковъ, нарисуетъ Крупянскую—похожа; разчертитъ ей вокругъ лица волоса,—выйдетъ самъ онъ; на ту же голову накинетъ карандашемъ чепчикъ—опять Крупянская“.

Одна изъ родственницъ Крупянскаго (урожденная Мило), была за чиновникомъ горнаго вѣдомства, статскимъ совѣтникомъ Эльфректомъ, и слыла красавицей. Пушкинъ хаживалъ къ нимъ и нѣкоторое время былъ

[62]) См. статью г. Грена въ *Общезанимъ. Вѣстникѣ.* 1857 г. № 1, стр. 25. Тамъ приведено и большое стихотвореніе это, не попавшее въ собранія сочиненій Пушкина; впрочемъ, стихи такъ слабы, что не вѣрится, какъ могъ ихъ написать Пушкинъ.

очень любезенъ съ молоденькою женою нумизмата, въ которую влюбился и его пріятель Н. С. Алексѣевъ и которая, окружая себя разными родственниками Молдаванами и Греками, желала казаться равнодушною къ русской молодежи. Эти отношенія послужили поводомъ посланію Пушкина къ Алексѣеву:

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты!
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты.

У молодой Эльфректъ была племянница Зоя, дѣвушка не очень привлекательной наружности. Пушкинъ, обращаясь къ Эльфректъ, писалъ:

Ни блескъ ума, ни стройность платья,
Не могутъ васъ обворожить:
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда—Зоя,
Женюсь, и буду вамъ родня.

Дальше слѣдовали такія подробности, что уже нельзя было отдать стиховъ той, кому они назначались [63]).

Кромѣ того, временными предметами вниманія, а иногда и минутной любви Пушкина въ Кишиневѣ была молодая молдованка *Россети*, которой ножки, какъ всѣ увѣрены тамъ, будто воспѣты въ первой главѣ Онѣгина, потомъ *Пульхерія Егоровна Варѳоломей*, вышедшая за

[63]) См. Выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

греческаго консула въ Одессѣ г. Мано; дѣвица *Прункулъ* и другія.

Случаи къ любезностямъ и болтовнѣ съ женщинами, до которой Пушкинъ всегда былъ большой охотникъ, всего чаще представлялись въ танцахъ. Пушкинъ охотно и много танцовалъ. Ему нравились эти пестрыя собранія, гдѣ турецкая чалма и венгерка появлялись рядомъ съ самыми изысканными, изъ Вѣны, парядами. Въ Кишиневѣ тогда славились и приглашались на всѣ вечера домашніе музыканты боярина Варѳоломея, изъ цыганъ. „Въ промежуткахъ между танцами—разсказываетъ В. П. Горчаковъ—они пѣли, акомпанируя себѣ на скрипкахъ, *кобзахъ* и *тростянкахъ*, которыя Пушкинъ по справедливости называлъ цѣвницами. И дѣйствительно, устройство этихъ тростянокъ походило на цѣвницы, какія мы привыкли встрѣчать въ живописи и ваяніи.... Пушкина занимала извѣстная молдаванская пѣсня *то юбиски питимасура*, и еще съ большимъ вниманіемъ прислушивался онъ къ другой пѣсни *ардема, фридема,* съ которою породнилъ насъ своимъ дивнымъ подражаніемъ въ поэмѣ Цыганы: *Жги меня, рѣжь меня*. Его занимала и *мититика*—пляска съ пѣніемъ, но въ особенности такъ называемый *сербешти*“ (сербская пляска)[64]). Пушкинъ попросилъ кого-то положить на ноты упомянутую цыганскую пѣсню, и впослѣдствіи напечаталъ эти ноты[65]).

---

[64]) См. Воспоминанія В. П. Горчакова въ *Москов. Вѣдомостяхъ*. 1858 г. № 19.

[65]) Въ *Москов. Телеграфѣ* 1825 г., № 21, гдѣ была помѣщена пѣсня Земфиры. *Телеграфъ* замѣтилъ при этомъ: „Прила-

Кстати о балахъ и танцахъ. Въ Кишиневѣ до сихъ поръ Пушкину приписываютъ разные стишки, и въ томъ числѣ слѣдующіе, которые мы приводимъ, потому что, хотя они, вѣроятно, и не его, но отчасти изображаютъ тамошнее общество:

Музыка Варѳоломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй живѣе,
И играй на славу *джокъ*.
Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой,
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Стамовой женой [66]).

Катакази—губернаторъ; *Стамо*, урожденная Симфераки—супруга одного дипломатическаго чиновника.

Вотъ еще стихи, уже въ самомъ дѣлѣ Пушкинскіе. Они принадлежатъ собственно къ Январю 1823 года, но этого рода отношенія оставались одни и тѣ же. Прошелъ слухъ, что въ одинъ изъ понедѣльниковъ Варѳоломей намѣренъ дать большой балъ и пригласить славныхъ музыкантовъ Якутскаго полка (стоявшаго передъ тѣмъ съ Воронцовымъ въ Мобежѣ). Пушкина, какъ и всѣхъ, занималъ этотъ балъ, и желая разузнать о немъ, онъ писалъ В. П. Горчакову записку:

гаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи".

[66]) См. статью Зеленецкаго, въ Москвит. 1854 г., № 9. Молдаванскій танецъ называется *джокъ*, а не *дрокъ*, какъ тамъ напечатано.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей [67]).

Выше замѣчено, что оживленію Кишинева много способствовали стоявшія въ немъ войска. Пушкинъ по цѣлымъ днямъ проводилъ съ офицерами генеральнаго штаба и 16-й дивизіи, и близко познакомился съ военнымъ бытомъ. „Жизнь армейскаго офицера извѣстна, разсказываетъ онъ въ повѣсти *Выстрѣлъ* (черты которой очевидно принадлежатъ Кишиневу). Утромъ ученье, манежъ, обѣдъ у полкового командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ—пуншъ и карты.“ Но осенью 1821 года, эта жизнь, хотя и шумная, но довольно однообразная, вдругъ получила новое движеніе и заволновалась. Пронесся слухъ, что войска двинутся въ походъ, и что объявлена будетъ война съ Турціей. Этой войны тогда нѣсколько разъ ожидали. И за границей, и у насъ, всѣ были увѣрены, что наши напряженныя отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что Императоръ Александръ открытымъ образомъ вступится за Грековъ, которые тогда начали борьбу

[67]) См. Воспоминанія В. П. Горчакова. Надо припомнить, что домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ, стоялъ почти на пустырѣ, и къ воротамъ надо было проходить довольно далеко.

уже въ самой Греціи и на островахъ Архипелага. На недавнемъ конгрессѣ въ Люблянахъ (Лайбахѣ) Меттернихъ едва-едва успѣлъ отвести глаза Императору Александру отъ Греціи. Слухи о войнѣ взволновали Кишиневъ и Пушкина. 29 Ноября пишетъ онъ стихи *Война*, изъ которыхъ можно заключать, что, по крайней мѣрѣ на ту минуту, вспыхнуло въ немъ давнишнее желаніе поступить въ военную службу.

Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня, нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою завладѣла....
Что жь медлитъ ужасъ боевой?
Что жь битва первая еще не закипѣла?...

Стихи эти появились въ печати, черезъ полтора года, безъ подписи.

Войны, сверхъ чаянія, опять не было. Русскіе полки, собранные у границъ имперіи и уже давно находившіеся въ полномъ составѣ и на, такъ называемомъ, военномъ положеніи, остались на своихъ мѣстахъ. Кишиневская,

для Пушкина довольно скучная, жизнь вошла въ прежнюю ровную колею.

Значительную долю времени Пушкинъ отдавалъ картамъ. Тогда игра была въ большомъ ходу, и особливо въ полкахъ. Пушкинъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ: всякая быстрая перемѣна, всякая отвага были ему по душѣ; онъ пристрастился къ азартнымъ играмъ и во всю жизнь потомъ не могъ отстать отъ этой страсти. Она разжигалась въ немъ надеждою и вѣроятностью внезапнаго большого выигрыша, а денежныя дѣла его были, особенно тогда, очень плохи. За стихи онъ еще ничего не выручалъ, и приходилось жить жалованьемъ и скудными присылками изъ родительскаго дому. Играть Пушкинъ началъ, кажется, еще въ лицеѣ; но скучная, порою, жизнь въ Кишиневѣ сама подводила его къ зеленому столу.

Страсть къ банку! Ни любовь свободы,
Ни Θебъ, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта,
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта,
Допрашивать судьбы завѣтъ,
На лѣво ль выпадетъ валетъ.
Уже раздался звонъ обѣденъ;
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я все тотъ же, бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголъ третьяго туза.

Играли обыкновенно въ штосъ, въ экарте, но всего чаще въ банкъ. Однажды Пушкину случилось играть съ однимъ изъ братьевъ З., офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ замѣтилъ, что З. играетъ навѣрное, и проигравъ ему, по окончаніи игры, очень равнодушно и со смѣхомъ сталъ говорить другимъ участникамъ игры, что вѣдь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти конечно разнеслись, вышло объясненіе, и З. вызвалъ Пушкина драться. Это былъ второй поединокъ въ жизни поэта[68]). Противники отправились на, такъ

---

[68]) Первый, по выходѣ изъ лицея, около 1818 года, съ лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекеромъ, котораго Пушкинъ очень любилъ, но надъ которымъ часто подшучивалъ. Кюхельбекеръ, какъ и многіе тогдашніе молодые стихотворцы, хаживалъ къ Жуковскому, и отчасти надоѣдалъ ему своими стихами. Однажды Жуковскій куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его послѣ спросили, отчего онъ не былъ, Жуковскій отвѣчалъ: „Я еще наканунѣ разстроилъ себѣ желудокъ: къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома“. Это разсмѣшило Пушкина, и онъ сталъ преслѣдовать неотвязчиваго поэта стихами:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно—
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И Кюхельбекерно, и тошно.

Выраженіе *мнѣ Кюхельбекерно* сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ взбѣсился и требовалъ дуэли. Никакъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять своего товарища; но тотъ неистово кричалъ: стрѣляй, стрѣляй! Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что невозможно

называемую, *малину*, виноградникъ за Кишиневомъ. Пушкина не легко было испугать; онъ былъ храбръ отъ природы и старался воспитывать въ себѣ это чувство. Не даромъ онъ записалъ для себя одно изъ наставленій кн. Потемкина Н. Н. Раевскому: „Старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.“ Еще въ лицеѣ учился онъ стрѣльбѣ въ цѣль, и въ стѣнахъ кишиневской комнаты своей насаживалъ пулю на пулю.— Подробности этого поединка, сколько извѣстно, второго въ жизни Пушкина, намъ не извѣстны; но нѣкоторыя обстоятельства его онъ самъ передавалъ въ повѣсти *Выстрѣлъ*, вложивъ разсказъ въ уста Сильвіо и приписавъ собственныя дѣйствія молодому талантливому графу. „Это было на разсвѣтѣ—разсказываетъ Сильвіо—я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника.... Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему на встрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣрили намъ двѣнадцать шаговъ.... Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня.“ И дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ

стрѣлять, потому что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились. (Изъ Записки о дуэляхъ Пушкина, написанной В. И. Далемъ вскорѣ послѣ кончины Пушкина). Яковъ—слуга Жуковскаго.

и въ томъ числѣ В. П. Горчакова, бывшаго тогда въ Кишиневѣ, на поединокъ съ З. Пушкинъ явился съ черешнями, и завтракалъ ими, пока тотъ стрѣлялъ. Но З. поступилъ не такъ, какъ герой Пушкинской повѣсти Сильвіо. Онъ стрѣлялъ первый и не попалъ. „Довольны вы?“,—спросилъ его Пушкинъ, которому пришелъ чередъ стрѣлять. Вмѣсто того, чтобы требовать выстрѣла, З. бросился съ объятіями. „Это лишнее“, замѣтилъ ему Пушкинъ, и не стрѣляя удалился [69]). Эту послѣднюю подробность (не называя противника) приводитъ и В. И. Даль въ своей замѣткѣ о кончинѣ Пушкина [70]).

Поединокъ съ З., разумѣется, тотчасъ сдѣлался предметомъ общаго говора, и поведеніе Пушкина чрезвычайно подняло его въ общемъ мнѣніи. Но Инзовъ, по должности, не имѣлъ права оставить этотъ случай безъ вниманія, и можетъ быть въ видѣ наказанія, и желая на время удалить Пушкина изъ Кишинева, отправилъ его, вѣроятно съ какимъ-нибудь служебнымъ порученіемъ, въ Аккерманскія степи. Впрочемъ, навѣрное мы этого не знаемъ, а только заключаемъ такъ по ходу дѣлъ. Несомнѣнно одно, что Пушкинъ, въ исходѣ 1821 г., видѣлъ устья Днѣстра, былъ въ Аккерманѣ и противолежащемъ Овидіополѣ. Старинная Аккерманская крѣпость расположена на мысу, который выдается въ Днѣстровскій лиманъ, и съ двухъ сторонъ омываема волнами, отражающими ея высокія башни. Видъ на лиманъ не-

---

[69]) Со словъ В. П. Горчакова.

[70]) *Москов. Медицин. Газета* 1860 г., № 49.

обыкновенно хорошъ. Н. И. Надеждинъ, посѣтившій эти мѣста лѣтъ черезъ двадцать, говоритъ, что одинъ учитель Аккерманскаго уѣзднаго училища показывалъ ему прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ цѣлую ночь, и что башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевой. „Не потому ли, прибавляетъ онъ, что поэтъ здѣсь, можетъ быть, велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнію Овидія? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о Римскомъ изгнанникѣ такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда виднѣется на краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ“ [71]).

Но мы знаемъ, что Овидій уже давно занималъ Пушкина. Еще въ посланіи къ Чадаеву, въ Апрѣлѣ 1821 г. онъ уже поминаетъ его. Сочиненія Овидія, вѣроятно, были съ нимъ въ Аккерманѣ. Какъ внимательно читалъ онъ ихъ, видно между прочимъ изъ примѣчанія къ первой главѣ Онѣгина и изъ критической статьи его въ *Современникѣ* о стихотвореніяхъ Теплякова, который тоже обращался къ тѣни Овидіевой. Изъ сочиненій Овидія послѣ Превращеній онъ отдаетъ особенное предпочтеніе Понтійскимъ элегіямъ. „Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы!... Овидій добродушно признается, что онъ и съ молоду не былъ охотникомъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою

---

[71]) *Одесскій Альманахъ* 1840 г., стр. 330.

шлемомъ и трепетной рукой хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. Lib. IV. El. I.)". При стихахъ своихъ къ Овидію Пушкинъ замѣчаетъ, сколько лѣтъ Овидій прожилъ въ изгнаніи. Стихотвореніе вышло плодомъ изученія; оттого-то онъ такъ любилъ его и предпочиталъ даже Наполеону. Въ немъ дѣйствительно много задушевности. „Каковы стихи къ Овидію?—пишетъ Пушкинъ къ брату по выходѣ ихъ въ свѣтъ—душа моя, и *Руслань*, и *Пленникъ*, и *Ночь*, и все—дрянь въ сравненіи съ ними". Въ нѣкоторыхъ стихахъ, обращенныхъ къ Овидію, слышится намекъ на собственную участь сочинителя, отчего, можетъ быть, въ печати Пушкинъ не выставилъ подъ ними своего имени (въ *Полярной Звѣздѣ* 1823 г.).

Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизустъ;
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ...
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните!

Около этого времени Пушкинъ дѣйствительно хлопоталъ о помилованіи и писалъ въ Петербургъ, чтобы ему выпросили позволеніе возвратиться въ столицу.

Подъ стихами къ Овидію выставлено 1821, Декабря 26. Что они писаны на предполагаемомъ мѣстѣ Овидіевой ссылки, видно изъ самаго стихотворенія.

Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ

Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторялъ твои, Овидій, нѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутыхъ мечтаньямъ измѣнялъ:
Ужъ пасмурный декабрь на Русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце яркое катилось надо мною.

Поѣздка въ Аккерманъ была непродолжительна, и къ новому году Пушкинъ возвратился въ Кишиневъ: его видѣли въ толпѣ офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ, 1-го Января 1822 года, на достопамятномъ праздникѣ, о которомъ мы говорили выше, и которымъ М. Ѳ. Орловъ открывалъ устроенный имъ манежъ своей дивизіи [72]). На святкахъ Кишиневъ особенно оживился, и Пушкинъ не пропустилъ случая потанцовать и повеселиться. Но вскорѣ по возвращеніи ему опять пришлось драться. На этотъ разъ противникомъ его былъ человѣкъ достойный и всѣми уважаемый. Это былъ полковникъ командиръ егерскаго полка *Семенъ Никитичъ Старовъ*, извѣстный въ арміи своею храбростью въ отечественную войну и въ заграничныхъ битвахъ. Старовъ вступился за своего офицера, котораго по его мнѣнію оскорбилъ Пушкинъ. Дѣло было такъ. На вечерѣ въ Кишиневскомъ *казино*, которое служило мѣстомъ общественныхъ собраній, одинъ молодой егерскій офицеръ приказалъ музыкантамъ гирать русскую кадриль; но Пушкинъ еще раньше усло-

[72]) Отъ В. П. Горчакова.

вился съ А. П. Полторацкимъ начинать мазурку, захлопалъ въ ладоши и закричалъ, чтобъ играли ее. Офицеръ-новичокъ повторилъ было свое приказаніе; но музыканты послушались Пушкина, котораго они давно знали, даромъ что онъ былъ не военный, и мазурка началась. Полковникъ Старовъ все это замѣтилъ, и подозвавъ офицера, совѣтовалъ ему требовать, чтобъ Пушкинъ, по крайней мѣрѣ, извинился передъ нимъ. Застѣнчивый молодой человѣкъ началъ мяться, и отговаривался тѣмъ, что онъ вовсе не знакомъ съ Пушкинымъ. „Ну такъ я за васъ поговорю“, возразилъ полковникъ, и послѣ танцевъ подошелъ къ Пушкину съ вопросами, вслѣдствіе которыхъ на другой день положено быть поединку.

Они стрѣлялись верстахъ въ двухъ за Кишиневомъ, утромъ въ девять часовъ. Секундантомъ Пушкина былъ Н. С. Алексѣевъ, а однимъ изъ совѣтниковъ и распорядителей И. П. Липранди, мнѣніемъ котораго поэтъ дорожилъ въ подобныхъ случаяхъ (вспомнимъ опять, что повѣсть *Выстрѣлъ* слышана отъ Липранди). Но погода помѣшала дѣлу; противники два раза принимались стрѣлять, и стало быть вышло четыре промаха: мятель съ сильнымъ вѣтромъ не давала возможности прицѣлиться какъ должно. Положили отсрочить поединокъ, и тутъ-то Пушкинъ, по дорогѣ, заѣхавъ къ А. П. Полторацкому и не заставъ его дома, написалъ экспромтъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по всей Россіи и повторяемый съ разными измѣненіями:

Я живъ,
Старовъ

Здоровъ,
Дуэль не конченъ [73]).

Незнавшіе подробностей дѣла, говорили, будто Пушкинъ не захотѣлъ воспользоваться своимъ выстрѣломъ и, разрядивъ пистолетъ на воздухъ, воскликнулъ:

Полковникъ Старовъ,
Славу Богу, здоровъ.

Къ счастію, поединокъ не возобновился. Полторацкому съ Алексѣевымъ удалось свести противниковъ въ рестораціи Николетти. „Я всегда уважалъ васъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ“, сказалъ Пушкинъ. „И хорошо сдѣлали, Александръ Сергѣевичъ, сказалъ въ свою очередь Старовъ; я долженъ сказать по правдѣ, что вы также хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете“. Такой отзывъ храбраго человѣка, участника 1812 года, не только обезоружилъ Пушкина, но привелъ его въ восторгъ. Онъ кинулся обнимать Старова, и съ этихъ поръ считалъ долгомъ отзываться о немъ съ великимъ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько

[72]) Изъ Воспоминаній В. П. Горчакова и вышеупомянутой записки В. И. Даля, который впрочемъ разсказываетъ нѣсколько иначе (онъ записывалъ съ чужихъ словъ): „На балѣ, гдѣ обращеніе гораздо вольнѣе нашего, полуевропейская образованность, барыни въ модныхъ вѣнскихъ нарядахъ, мужчины въ чалмахъ и огромныхъ шапкахъ,—Пушкинъ расшалился. Онъ взялъ даму на вальсъ, и захлопавъ крикнулъ музыкантамъ: вальсъ, вальсъ! Офицеръ подошелъ съ замѣчаніемъ, что будутъ танцовать не вальсъ, а мазурку. Пушкинъ отвѣчалъ: „Ну, я вальсъ, а вы мазурку“; музыка заиграла, и Пушкинъ провальспровалъ“.

дней, въ той же ресторацiи, молодые Молдаване, играя на билліардѣ и толкуя о недавней дуэли, позволили себѣ обвинять Старова въ трусости. Пушкинъ, игравшій тутъ же, тотчасъ имъ замѣтилъ, что онъ не потерпитъ такихъ отзывовъ, и что впередъ будетъ считать ихъ для себя личною обидою [74]). Но въ городѣ не всѣ знали о примиренiи Старова съ Пушкинымъ; о каждомъ изъ противниковъ разнеслись двусмысленные слухи, изъ которыхъ для Пушкина выросла новая и крайне непрiятная исторiя.

Между кишиневскими помѣщиками-Молдаванами, съ которыми велъ знакомство Пушкинъ, былъ нѣкто Балшъ. Жена его, еще довольно молодая женщина, вездѣ вывозила съ собою, несмотря на ранній возрастъ, дѣвочку-дочь, лѣтъ 13. Пушкинъ за нею ухаживалъ. Досадно ли это было матери, или можетъ быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то разсердилась и стала къ нему придираться. Тогда въ обществѣ много говорили о какой-то ссорѣ двухъ Молдаванъ: имъ слѣдовало драться, но они не дрались. „Чего отъ нихъ требовать!—замѣтилъ какъ-то Липранди, у нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько человѣкъ, да ихъ руками отдубасить противника“. Пушкина очень забавлялъ такой легкій способъ отмщенiя. Вскорѣ, у кого-то на вечерѣ, въ разговорѣ съ женою Балша, онъ сказалъ: „Экая тоска! Хоть бы кто нанялъ подраться за себя!“ Молдаванка вспыхнула. „Да вы деритесь лучше за себя“, возразила она.—„Да съ кѣмъ же?“—„Вотъ, хоть съ Старо-

---

[74]) Тамъ же.

вымъ; вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили". На это Пушкинъ отвѣчалъ, что если бы на ея мѣстѣ былъ ея мужъ, то онъ сумѣлъ бы поговорить съ нимъ; потому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ. Прямо отъ нея Пушкинъ идетъ къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызываетъ его и объясняетъ въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ разспросить жену, но та ему отвѣчала, что Пушкинъ наговорилъ ей дерзостей. „Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену", сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомѣріемъ, что Пушкинъ не вытерпѣлъ, тутъ же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша[75]). Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха вышла страшная, и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію Крупянскаго и П. С. Пущина (который командовалъ тогда дивизіей за отъѣздомъ Орлова), Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для того пришелъ къ Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда къ нему явился, въ длинныхъ одеждахъ своихъ, тяжелый Молдаванинъ, и вмѣсто извиненія началъ: „Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?" Не говоря ни слова, Пушкинъ далъ ему пощечину, и вслѣдъ за тѣмъ вынулъ

[75]) См. въ повѣсти *Выстрѣлъ* (стр. 171): „Офицеръ почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ, схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара."

пистолетъ. Прямо отъ Крупянскаго Пушкинъ пошелъ на квартиру къ Пущину, гдѣ его видѣлъ В. П. Горчаковъ, блѣднаго какъ полотно и улыбающагося. Инзовъ посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли; чѣмъ дѣло кончилось, не знаемъ. Дуэли не было, но еще долго послѣ этого Пушкинъ говорилъ, что не рѣшается ходить безъ оружія, на улицахъ вынималъ пистолетъ и съ хохотомъ показывалъ его встрѣчнымъ знакомымъ [76]).

Возмутительную исторію Пушкина съ Балшемъ мы относимъ къ Февралю мѣсяцу 1822 г. Она произошла, какъ можно соображать по разсказамъ о ней, около масляницы. Итакъ, въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, три исторіи, три вспышки необузданнаго африканскаго нрава: въ исходѣ 1821 года поединокъ съ З. изъ-за картъ, въ Январѣ 1822-го съ Старовымъ изъ-за свѣтскихъ отношеній. Можно себѣ представить, сколько въ Кишиневѣ пошло толковъ, какъ возмущались всѣ степенные люди поведеніемъ молодого человѣка, каково было кишиневскимъ Молдаванамъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго имъ въ лицѣ Балша. Пушкина стали бояться въ городѣ. Но за него былъ его добрый начальникъ, приставлявшій часовыхъ къ его комнатѣ, присылавшій ему книгъ для успокоенія и развлеченія. Инзовъ и еще нѣсколько человѣкъ въ Кишиневѣ хорошо знали, что Пушкину было можно и было за что про-

[76]) Подробности отъ В. П. Горчакова. Сущность этой исторіи передана Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ его статьѣ о братѣ въ *Москвит.* 1854, № 10, стр. 50—58, гдѣ названо и полное имя Балша.

щать его увлеченія. За безпорядочною жизнью, за необузданностью нрава, дерзкими рѣчами не скрывалось отъ нихъ существо, необычайно умное и свыше одаренное. Дѣло въ томъ, что уже въ это время въ Пушкинѣ замѣтно обозначилось противорѣчіе между его вседневною жизнью и художественнымъ служеніемъ. Уже тогда въ немъ было два Пушкина, одинъ—Пушкинъ-человѣкъ, а другой—Пушкинъ-поэтъ. Это раздвоеніе онъ хорошо сознавалъ въ себѣ; порою, оно должно было мучить его, и отсюда-то, можетъ быть, меланхолическій характеръ его пѣсенъ, та глубокая симпатическая грусть, которая примѣшивается почти ко всему, что̀ ни писалъ онъ, и которая невольно вызываетъ участіе въ читателѣ. Онъ былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался, и чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Справедливо отзывались близкіе друзья его, что его задушевныя бесѣды стоили многихъ его печатныхъ сочиненій, и что нельзя было не полюбить его, покороче узнавши. Но, по замѣчательному, и въ психологическомъ смыслѣ чрезвычайно важному, побужденію, которое для поверхностныхъ наблюдателей могло казаться простымъ капризомъ, Пушкинъ какъ будто не заботился о томъ, чтобы устранять названное противорѣчіе; напротивъ, прикидывался буяномъ, развратникомъ, какимъ-то яростнымъ вольнодумцемъ. Это состояніе души можно бы назвать *юродствомъ поэта*. Оно замѣчается въ Пушкинѣ до самой его женитьбы, и можетъ быть еще позднѣе. Началось оно очень рано, но становится ярко замѣтнымъ въ описываемую нами пору. „Какъ судить

о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ?—пишетъ онъ по поводу обвиненій Байрона въ безбожіи. Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія, часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями". (VII, 151).

Въ одно время съ дуэлями шла сильная внутренняя и художественная работа. По удаленіи изъ Петербурга, въ 1820 году, написано имъ, кромѣ Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, какъ мы видѣли, *десять* стихотвореній. Въ 1821 году онъ написалъ *Кавказскаго Пльнника* и кромѣ утраченной автобіографіи, дневника, записокъ о греческомъ возстаніи и мелкихъ прозаическихъ отрывковъ—*тридцать одно* стихотвореніе. Мы предлагаемъ расположить ихъ будущимъ издателямъ его сочиненій въ слѣдующемъ, по времени, порядкѣ. Жизнь Пушкина лучше всего выражается въ его сочиненіяхъ.

1. Земля и море. *Кіевъ, 8 Февраля.*
2. Желаніе.
3. Муза. *14 Февраля—5 Апрьля.*
4. Я пережилъ свои желанья. *Каменка, 22 Февраля.*
5. Дельвигу. (Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ). *Кишиневъ, 23 Марта.*
6. Катенину. (Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ). *5 Апрьля.*
7. Наперсница волшебной старины. (Муза).

8. Сѣтованіе. (Д. В. Давыдову).
9. Чадаеву. *Кишиневъ. 6—20 Апрѣля.*
10. П-лю,
11. Къ Чернильницѣ. *11 Апрѣля.*
12. Еврейкѣ. (Христосъ воскресъ, моя Ревекка). *12 Апрѣля, Кишиневъ.*
13. Кинжалъ.
14. Недвижный стражъ дремалъ.
15. Наполеонъ. *Іюнь.*
16. Десятая заповѣдь.
17. Умолкну скоро я. *23 Августа.*
18. Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ. *24—25 Августа.*
19. Гробъ юноши.
20. Къ Аглаѣ (И вы повѣрить мнѣ могли).
21. Иной имѣлъ мою Аглаю.
22. Война или Мечта воина. *29 Января.*
23. Овидію. *26 Декабря.*
24. Алексѣеву. (Мой милый, какъ несправедливы).
25. Къ портрету кн. Вяземскаго.
26. Примѣты.
27. Дѣва.
28. Подруга милая, я знаю отчего.
29. Діонея.
30. Красавицѣ передъ зеркаломъ.
31. Эпиграмма на Каченовскаго. (Клеветникъ безъ дарованья) [77]).

---

[77]) Послѣднія 8 стихотвореній принадлежатъ къ 1821 г., но къ какимъ мѣсяцамъ, мы пока опредѣлить не можемъ. Въ

Послѣ удаленія изъ Петербурга, въ полтора съ небольшимъ года болѣе сорока однихъ мелкихъ стихотвореній, да поэма, да сочиненія въ прозѣ. Но молодой Пушкинъ подавалъ собою примѣръ удивительной художественной воздержности. Безпорядочный, безпечный, порою легкомысленный въ жизни, онъ уже тогда былъ необыкновенно строгъ, осмотрителенъ и совѣстливъ какъ писатель. Изъ всѣхъ названныхъ трудовъ, онъ напечаталъ всего четыре стихотворенія, именно въ 1820 году элегію *Погасло дневное свѣтило,* и то безъ имени, а въ 1821-мъ появились въ Апрѣлѣ *Черная шаль,* въ Іюнѣ *Муза,* въ Сентябрѣ *Посланіе къ Чадаеву,* всѣ въ *Сынѣ*

зданіи Анненкова (II, 288) къ 1821 году отнесено еще стихотвореніе К *** *(Зачѣмъ безвременную скуку)*, и въ примѣчаніяхъ сказано, что, по свидѣтельству рукописей, оно написано къ *Илеѣеву;* но въ VII-мъ дополнительномъ томѣ того же изданія, въ росписи стиховъ (стр. 165) при немъ означено *К—керу.* Слова эти можно читать *Плещееву* или *Кюхельбекеру,* какъ и прочелъ Г. Н. Геннади, въ послѣднемъ Исаковскомъ изданіи. У насъ въ рукахъ собственноручный списокъ стихотворенія, доставленный г. Калошинымъ. Подъ нимъ Пушкинъ означилъ: *1 Ноября 1826. Москва.* Въ текстѣ, измѣненій нѣтъ противъ печатнаго, только во 2-мъ стихѣ вмѣсто *думою* Пушкинъ поставилъ было *грустію* и потомъ зачеркнулъ.—Ожидая поясненій, думаемъ, что, можетъ быть, стихи и дѣйствительно написаны въ 1821 году, а въ 1826 Пушкинъ написалъ ихъ просто кому-нибудь въ знакъ памяти: его тогда часто просили писать въ альбомы, и чтобы отдѣлаться, онъ иногда писалъ свои старые стихи. Напечатаны они въ первый разъ въ 1821 г. въ *Московскомъ Вѣстникѣ,* № 2.

Отечества, съ полнымъ именемъ, съ обозначеніемъ мѣста и времени [78]). Это были первые стихи Пушкина изъ ссылки. Если не ошибаемся, въ Петербургѣ ждали отъ Пушкина, чтобы онъ показалъ раскаяніе, посвятивъ талантъ свой, по примѣру предшественниковъ, восхваленію отечества, славѣ Россіи, описанію воинскихъ подвиговъ и т. п. Такое ожиданіе по временамъ высказывалось и въ печати. Такъ въ *Сынѣ Отечества* 1822 года въ № X (Мартъ), въ посланіи какого то *А. М. Къ сочинителю поэмы Руслань и Людмила*, читаемъ между прочимъ:

Почто же восторги священныхъ часовъ
Ты тратишь для пѣсней любви и забавы?...
Оставь сладострастье коварнымъ женамъ!
Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!
Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтяхъ
Ревнивыхъ прелестницъ, пусть ищутъ другіе

---

[78]) Кромѣ того, безъ вѣдома Пушкина, напечатаны въ *Сынѣ Отечества* 1821 года въ № 11 (Мартъ) шутливая записка къ В. Л. Пушкину въ прозѣ и стихахъ, написанная въ 1816 г., да въ № 52 (Декабрь) посланіе къ Жуковскому по прочтеніи его книжки *Для немногихъ*, 1819 года. *Сынъ Отечества* въ 1821 году издавался А. Ѳ. Воейковымъ и Н. И. Гречемъ. Первый, какъ извѣстно, не слишкомъ уважалъ права литературной собственности и напечаталъ названные стихи, взявъ ихъ у В. Л. Пушкина и у Жуковскаго и не спросясь сочинителя. Да еще во 2-мъ номерѣ журнала *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1821 года появилась эпиграмма А. С. Пушкина *Исторія стихотворца*.

Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ!
Храни для героевъ восторги прямые!

Въ *Литературныхъ Листкахъ*, Булгарина (1824, № I, стр. 25) прямо сказано: „Геній Пушкина обѣщаетъ много для Россіи; мы бы желали, чтобъ онъ своими гармоническими стихами прославилъ какой-нибудь отечественный подвигъ. Это дань, которую должны платить дарованія общей матери, отечеству. Нѣкоторые отрывки въ *Кавказскомъ Пленникѣ* показываютъ, что Пушкинъ столь же искусно умѣетъ изображать славу, какъ и грацій“.

Но Пушкинъ не хотѣлъ насиловать своего таланта; онъ повиновался со всею искренностію единственно внушеніямъ внутреннимъ, и, можетъ быть, въ отвѣтъ на подобнаго рода вызовы, слышанные имъ безъ сомнѣнія и въ Кишиневѣ, сказалъ про себя:

Но не унизилъ въ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной [79]).

Кромѣ художественной добросовѣстности, желанія исправить и усовершить свои созданія, были еще и другія причины и соображенія, вслѣдствіе которыхъ, въ описываемую нами пору, стихи Пушкина такъ рѣдко появлялись въ свѣтъ. Во-первыхъ, не всѣ они могли быть напечатаны, а во-вторыхъ, у него бродила мысль

[79]) Эти стихи первоначально находились въ концѣ стихотворенія къ Овидію. Въ печати Пушкинъ долженъ былъ исключить ихъ; но ими не могло заключаться стихотвореніе, какъ сказано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № XI, столб. 342.

издать ихъ отдѣльною книжкою. Еще въ Петербургѣ, въ концѣ 1819 или въ началѣ 1820 года; вѣроятно, нуждаясь въ деньгахъ, онъ согласился на предложеніе пріятелей напечатать собраніе его стиховъ. Считая съ лицейскими, ихъ и тогда уже было довольно много. Рѣшили открыть подписку на изданіе, и друзья Пушкина успѣли уже раздать отъ 30 до 40 билетовъ, какъ вдругъ Пушкину велѣно было ѣхать въ Екатеринославъ. Въ торопяхъ и на безденежьи онъ взялъ у пріятеля своего, тогдашняго богача Н. В. Всеволожскаго, тысячу рублей, и за нее отдалъ ему рукопись свою. Весьма вѣроятно, что Всеволожскій и не имѣлъ настоящаго намѣренія издавать книгу, а изъ благороднаго побужденія воспользовался случаемъ, чтобы выручить поэта, не затрагивая его самолюбія. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ въ ссылкѣ своей ожидалъ выхода своей книжки, или *антологіи*, какъ онъ называетъ ее въ одномъ письмѣ (вѣроятно, потому, что стихи все были въ греческомъ духѣ, воспѣвалась любовь и наслажденія жизнію). Изъ Кишинева, отъ 27 Іюня 1821 года, Пушкинъ пишетъ брату: „Постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное (?) моими друзьями,— экземпляровъ 30.“ Между тѣмъ, время шло, а книжка не выходила. Въ 1822 году князь Александръ Лобановъ-Ростовскій вздумалъ купить у Всеволожскаго право изданія [80]). Пушкина это встревожило; онъ уже сталъ

[80]) Не тотъ ли это кн. Лобановъ, который напечаталъ въ 1821 году въ Парижѣ *Молитвы при божественной литургіи?*—

тогда, какъ мы видѣли, гораздо строже смотрѣть на свою литературную дѣятельность, хотѣлъ исправить прежніе стихи, прибавить новые и вообще явиться передъ публикою съ произведеніями отборными. Всего проще было бы возвратить Всеволожскому его тысячу рублей и вытребовать назадъ тетрадь свою. Но гдѣ было взять денегъ? Лучше терпѣть нужду, чѣмъ занимать, говорилъ онъ тогда, ибо, занимая и не имѣя потомъ воможности отдать, поневолѣ подвергаешь сомнѣнію свою честность. Кн. Лобановъ далъ знать Пушкину о своемъ намѣреніи черезъ общаго ихъ знакомаго Я. Н. Толстаго и дѣлалъ ему какія-то новыя предложенія, т. е., вѣроятно, обѣщалъ денегъ. Это могло быть около Августа 1822 года. Пушкинъ пишетъ брату изъ Кишинева, отъ 4 Сентября 1822 г.: „Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому, и скажи ему, чтобъ онъ ради Христа погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы, само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить“; а Я. Н. Толстому онъ отвѣчалъ (отъ 26 Сентября): „Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ, и было роздано уже 30

Упомянаемый ниже Я. Н. Толстой, съ которымъ Пушкинъ сходился у Всеволожскаго на вечерахъ *Зеленой Лампы*, самъ печаталъ статьи въ тогдашнихъ журналахъ.

билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить, и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ князю Александру, но.... милый другъ! Подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ и пр.“ [81]).

Такимъ образомъ, изданіе было пріостановлено. Мы увидимъ ниже, что за него брались А. А. Бестужевъ и Н. И. Гнѣдичъ; надѣясь самъ побывать въ Петербургѣ, Пушкинъ отклонялъ предложенія, и книжка вышла въ свѣтъ уже только въ 1826 г. Но, конечно, она много выиграла оттого въ содержаніи.

Когда шла вышеизложенная переписка, въ печати уже появилась новая поэма Пушкина *Кавказскій Пленникъ*. Она обновила имя ссыльнаго поэта въ памяти

---

[81]) См. у Анненк. въ Матеріалахъ, стр. 186—187. Тамъ сказано, что письмо писано въ 1823 году; но въ VII томѣ, въ перечнѣ сочиненій Пушкина, при немъ поставлено *Кишиневъ, 26 Сентября 1822*. Время, впрочемъ, опредѣляется выраженіемъ въ концѣ письма: „*два года и шесть мѣсяцевъ* никто ни строки, ни слова.“

публики и друзей его. Можетъ быть, успѣхомъ ея отчасти и возобновлена мысль объ изданіи мелкихъ стихотвореній. Своего *Пльнника* еще въ исходѣ 1821 года, Пушкинъ послалъ въ Петербургъ Н. И. Гречу, съ предложеніемъ напечатать. Гречъ издавалъ безспорно лучшій тогдашній журналъ, *Сынъ Отечества*, и Пушкинъ уже былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, помѣстивъ у него стихи свои. Но издатель первой поэмы, *Руслана и Людмилы*, Н. И. Гнѣдичъ, выразилъ неудовольствіе, отчего Пушкинъ опять не обратился къ нему. „Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ—пишетъ Пушкинъ брату (изъ Кишинева, 24 Января 1822)—онъ правъ: я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой; но у меня шла голова кругомъ; отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать, и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему *Пльнника*. Къ тому же ни Гнѣдичъ со мною, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума.“ Пушкинъ ошибался. Н. И. Гречъ самъ отклонилъ его предложеніе пріобрѣсти право на изданіе поэмы [82]). Тогда Пушкинъ поручилъ изданіе уже Гнѣдичу и при этомъ передалъ ему собственный, чрезвычайно

[82]) За разъясненіемъ этихъ сношеній я обращался къ Н. И. Гречу. Въ отвѣтномъ письмѣ, которымъ онъ почтилъ меня (Спб. 16 Іюля 1861), сказано: „Гнѣдичъ предлагалъ мнѣ, убѣждалъ меня пріобрѣсти рукопись *Кавказскаго Пльнника* для изданія ея на мой счетъ; но я не могъ принять этого предложенія.“

мѣткій судъ надъ поэмой, говоря, что долго не могъ рѣшиться ее напечатать,—такъ явны ея недостатки, но что передѣлывать не въ силахъ [83])

Ковказскій Плѣнникъ появился въ Петербургѣ изъ типографіи Греча, въ послѣднихъ числахъ августа 1822 года, тетрадкою въ 16 долю листа на 53 стр. (цензурное дозволеніе А. Бирюкова, 12 іюня 1822 г.). Къ нему приложенъ былъ портретъ автора, гравированный Е. Гейтмономъ. Пушкинъ изображенъ лѣтъ 15, лицеистомъ, въ рубашкѣ, какъ рисовали тогда Байрона, подпершн голову рукою, и въ задумчивости. Тутъ явственнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ [84]) портретахъ, арабскія черты его физіономіи.

---

[83]) У Анненкова, въ Матеріалахъ, стр. 96 и 97, помѣщено это письмо къ Гнѣдичу, съ чернового оригинала, оставшагося въ бумагахъ Пушкина.

[84]) Въ 35 № *Сына Отечества* (отъ 2 Сентября), въ первомъ извѣщеніи о выходѣ *К. Плѣнника*, сказано: „Цѣна на веленевой бумагѣ 7 р., на любской 5 руб. Продается у издателя, Кол. Сов. Ник. Ив. Гнѣдича, въ домѣ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библ., на Невскомъ проспектѣ.“ Гнѣдичъ тогда же издалъ и *Шильонскаго Узника* Жуковскаго. Про портретъ сказано: „*Издатели* (?) сей повѣсти говорятъ: „Думаемъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ!“ Портретъ этотъ перерисованъ въ *Русскомъ Художественномъ Листкѣ* въ 32-мъ номерѣ нынѣшняго (1861) года; но еще прежде онъ былъ повторенъ вскорѣ по смерти Пушкина, въ *Художественной Газетѣ* 1837 г., № 9 и 10. Тамъ сказано, что портретъ этотъ нарисованъ былъ съ памяти, безъ натуры, художникомъ *К. Б.*, „въ

Издатель прислалъ Пушкину въ Кишиневъ одинъ экземпляръ поэмы, съ письмомъ, и съ приложеніемъ 500 р. за право изданія. Плата показалась Пушкину мала, но на безденежьи онъ и тому былъ радъ [85]); потому, что, хотя передъ тѣмъ книгопродавецъ Слепинъ купилъ остальные экземпляры *Руслана и Людмила*, но деньги, вырученныя за это, не доходили до Пушкина (письмо къ брату отъ 21 Іюля 1822 года). „Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой *Плѣнникъ? A-t-il produit du scandale;* пишетъ мнѣ Orlof, *voilà l'essentiel.* Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характеръ

нѣжной молодости уже обратившимъ на себя вниманіе.“ Не означаютъ ли букры *К. Б.* Карла Брюлова? Въ такомъ случаѣ съ этимъ портретомъ связываются двѣ дорогія памяти русской жизни.—Когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, тамошній учитель рисованія и надзиратель лицеистовъ Чирисовъ снялъ съ него портретъ; но гдѣ онъ теперь, неизвѣстно.

[85]) Въ 1851 г. В. П. Горчаковъ передалъ намъ письмо къ нему Пушкина съ замѣчаніями на *Кавк. Плѣнника*. Г. Анненковъ списалъ его у насъ и помѣстилъ въ своихъ Матеріалахъ, стр. 97—98; но приложенныя къ письму поправки печатнаго текста, сдѣланныя Пушкинымъ въ посвященіи поэмы, переданы у Анненкова не вполнѣ. Пушкинъ очевидно хотѣлъ возстановить текстъ, искаженный вслѣдствіе особенныхъ соображеній. Въ третьемъ стихѣ посвященія вм. *пустынной лиры* первоначально было *изгнанной* лиры; въ 4-мъ отъ конца стихѣ вмѣсто нынѣшняго: *Но сердце укрытив терпѣньемъ* стояло: *Но сердце укрытив свободой и терпѣньемъ*. Надпись письма: „Горчакову въ Гурогулбинѣ“ (мѣстечко въ 40 верстахъ отъ Кишинева, куда Горчаковъ ѣздилъ по службѣ).

Плѣнника, онъ для нихъ созданъ; душа моя, я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки, не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.“ Передъ тѣмъ (отъ 4 Сентября 1822 г.) онъ поручаетъ брату: „Скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ... *Сына Отечества* 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.“

Явившись въ печати съ новою поэмою, Пушкинъ естественно любопытствовалъ узнать мнѣніе о ней. Успѣхъ былъ полный: Россія съ жадностью читалъ *Кавказскаго Плѣнника*. Можно навѣрное сказать, что если первая поэма Пушкина имѣла успѣхъ благодаря лишь легкости стиха и содержанія, всѣмъ равно понятнаго и доступнаго, то *Кавказскій Плѣнникъ* былъ встрѣченъ уже съ любовью и съ участіемъ къ молодому сочинителю: во-первыхъ, всѣ знали, что это произведеніе ссыльнаго, во вторыхъ, въ поэмѣ уже много теплыхъ, задушевныхъ стиховъ.

Еще весною прошлаго года, кончивъ *Плѣнника*, Пушкинъ писалъ Дельвигу, что у него въ головѣ уже бродятъ новыя поэмы. Онъ начиналъ ихъ, но былъ самъ недоволенъ ими, и либо вовсе бросалъ, либо уничтожалъ написанное. Только одна изъ этихъ поэмъ, именно *Бахчисарайскій Фонтанъ*, дошла до насъ вполнѣ; *Вадимъ* остался неконченнымъ, а *Разбойниковъ* онъ самъ сжегъ, и теперешній текстъ ихъ есть только отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевскаго (сына). Кромѣ того есть извѣстіе, что Пушкинъ началъ было писать, вѣроятно тогда же, сатирическую поэму, дѣйствіе ко-

торой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны; сохранилось лишь нѣсколько стиховъ о карточной игрѣ (VII, 88). Къ 1822-му же году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаивался, и которая впослѣдствіи возбудила противъ него справедливое негодованіе людей благомыслящихъ и навлекла непріятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ, и сердился, когда ему напоминали о ней. Увѣряютъ, что онъ позволилъ себѣ сочинить ее, просто изъ молодого литературнаго щегольства. Ему захотѣлось показать своимъ пріятелямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни.[86]).

Лѣтомъ 1822 года покинули Кишиневъ двое близкихъ знакомыхъ Пушкина: П. С. Пущинъ и М. Ѳ. Орловъ; первый былъ уволенъ вовсе отъ службы, второй отъ должности дивизіоннаго начальника, съ причисленіемъ къ арміи, оба, по непріятностямъ съ своимъ корпуснымъ генераломъ Сабанѣевымъ. Дивизіею въ Кишиневѣ сталъ командовать Нилусъ. Орловъ съ женою уѣхалъ въ Крымъ, куда такъ хотѣлось Пушкину, который писалъ тогда свой *Бахчисарайскій Фонтанъ*.

Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

---

[86]) Отъ П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкаго и другихъ.

Но ему пришлось сдѣлать совсѣмъ другого рода путешествіе, при этомъ обогатиться новыми впечатлѣніями, плодомъ которыхъ впослѣдствіи была четвертая поэма *Цыганы*. Во второй половинѣ 1822 года съ нимъ случилась опять исторія. Подробности намъ неизвѣстны; но есть положительное свидѣтельство, что въ это время Пушкинъ, опять за картами, повздоривши съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, снялъ сапогъ и подошвой ударилъ его въ лицо. Инзовъ разослалъ ихъ: Пушкина въ Измаилъ, а противника его въ Новоселицу [87]). Г. Анненковъ (Матеріалы, стр. 90) говоритъ, что на этотъ разъ Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи, и въ доказательство приводитъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ между прочимъ сказано:

Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный.

Между тѣмъ изъ этого еще нельзя заключать, чтобы стихи были вызваны посѣщеніемъ мѣста Кагульской битвы: памятника тамъ, сколько мы знаемъ, нѣтъ никакого, и стихи вѣрнѣе будетъ отнести къ 1827 г., къ извѣстной колоннѣ Румянцева въ Царскомъ Селѣ.

Гораздо опредѣлительнѣе указываетъ на тогдашнюю поѣздку Пушкина небольшое стихотвореніе 1822 года *Баратынскому изъ Бессарабіи:*

---

[87]) Зеленецкій въ *Москвит.* 1854, № 9, стр. 6, передавая этотъ случай со словъ одного изъ чиновниковъ Намѣстничьей Канцеляріи, В. З. Инсаренко, прибавляетъ, что П. С. Пущина тогда уже не было въ Кишиневѣ, и что Инзовъ послѣ помирилъ противниковъ.

Еще до нынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ...
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега *крутого*.

Берегъ Дуная въ Измаилѣ дѣйствительно крутъ, а выраженіе про тамошнюю сторону: *она Державинымъ воспита* прямо относится къ извѣстной одѣ на взятіе Измаила.

Во всякомъ случаѣ поѣздка въ Измаилъ, по Буджацкой пустынѣ, надолго осталась памятна Пушкину. Онъ наскучилъ кишиневскою жизнью; ему надоѣли городскіе толки, возбужденные его горячностью, и вообще городская жизнь. Въ степяхъ онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевою жизнью, снизойти на первую ступень человѣческаго общежитія. Встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ пристадъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ съ нимъ. Что это было дѣйствительно такъ, что воспитанникъ богатаго царскосельскаго лицея проводилъ ночи на голой землѣ, у костровъ и подъ шатрами, свидѣтельствуетъ братъ его, сообщившій одно выпущенное прежде мѣсто изъ поэмы *Цыганы:*

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

Тоже самое говоритъ Пушкинъ, разсказывая о своей Музѣ:

И позабывъ столицы дальной
И блескъ, и шумные пиры,

Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи, ей любезной....

Любопытно, что въ бумагахъ его нашлась замѣтка о происхожденіи и нравахъ Цыганъ [88]). Опять виденъ умный и зоркій наблюдатель, умѣвшій собирать съ жизни двойную дань поэзіи и знанія. Казалось бы, что чудныя южныя ночи у цыганскихъ костровъ, съ такою роскошью описанныя имъ, вполнѣ принадлежатъ міру поэзіи; но поэтическое упоеніе въ этой крѣпкой природѣ не исключало хладнокровной наблюдательности. Въ этомъ-то и сила Пушкина. Мѣстами (напримѣръ, въ *Цыганахъ*) по-

[88]) „Долго не знали въ Европѣ происхожденія *Цыгановъ* и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что *Цыганы* принадлежатъ къ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ *Parie*. Языкъ ихъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни—вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью—вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками“.

зія его, какъ самые роскошные, душистые цвѣты, что отуманиваютъ голову, и рядомъ тутъ же читатель отрезвляется стройными образами самаго яснаго, разумнаго міросозерцанія.

Поэма *Цыганы*, написанная позже, внутреннимъ содержаніемъ своимъ вполнѣ принадлежитъ этому степному странствованію. Весьма вѣроятно, что у Цыганъ Пушкинъ и назывался именемъ *Алеко* (Александръ). Можно догадываться, что тутъ не обошлось также безъ любви. Отъ того такая искренность, такая жизненность поэмы. Въ жилахъ поэта текла та же восточная кровь. Покинувъ душный городъ, гдѣ ему было столько непріятностей, Пушкинъ радовался широкою волею степной жизни:

Подъ сѣнью мирнаго забвенья.
Пускай Цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И горлой суеты наукъ....
Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести;
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайной жаждой мести.
О Боже! еслибъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой Остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса! (VII, 69).

Дорогою въ Измаилъ, или можетъ быть на обратномъ пути, Пушкинъ заѣзжалъ въ Тульчинъ, гдѣ находилась, какъ мы сказали, главная квартира корпуса и жили нѣкоторые знакомые его: при одномъ анакреон-

тическомъ стихотвореніи *Мальчикъ, солнце встрѣтить должно*, означено имъ: *Тульчинъ, 1822*.

Кажется, что къ Ноябрю мѣсяцу этого же года слѣдуетъ отнести новую и послѣднюю поѣздку его въ Чигиринскій повѣтъ Кіевской губерніи, въ село Каменку, къ Давыдовымъ. Тамъ встрѣтился съ нимъ одинъ его петербургскій знакомый, изъ записокъ котораго извлекаемъ слѣдующее мѣсто: „Пріѣхавъ къ Каменку,—разсказываетъ онъ—я былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.... Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я, мы пробыли у Давыдовыхъ цѣлую недѣлю, Пушкинъ и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки-матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостинной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена А. Л. Давыдова, впослѣдствіи вышедшая въ Парижѣ за генерала Себастіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался, и подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала, что дѣлать и готова была заплакать. Мнѣ стало ея жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: посмотрите, что дѣлаете! Вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили

бѣдное дитя. „Я хочу наказать кокетку,—отвѣчалъ онъ:— прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня.“ Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ Селѣ. При этомъ онъ расказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то пошло. За то, когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ одно изъ его неизданныхъ стихотвореній, и онъ очень удивился, какъ я его знаю.... Въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ наизусть его запрещенныхъ стиховъ [89]).

[89]) Въ запискахъ Я—на эта встрѣча съ Пушкинымъ отнесена къ Ноябрю мѣсяцу 1820 г.; но, по соображенію обстоятельствъ, это указаніе кажется намъ не точнымъ, Пушкинъ могъ быть въ Каменкѣ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ либо 1821-го, либо 1822 года.

Съ 1822 года положеніе Пушкина въ Кишиневѣ становится все тяжелѣе и для его горячаго нрава невыносимѣе. Разсказанныя нами исторіи должны же были оставить свои слѣды на немъ. Сонъ передъ поединкомъ Пушкинъ впослѣдствіи сравнивалъ съ ожиданіемъ замѣшкавшейся карты въ азартной игрѣ (VII, 139), и мы уже знаемъ, что, онъ дѣйствительно не слишкомъ дорожилъ жизнью и любилъ отважно идти на всякую опасность; но всеже эти встрѣчи со смертью необходимо потрясали все его нравственное существованіе и не могли проходить даромъ. Конечно, глядя теперь со стороны, можно съ увѣренностью утверждать, что кишиневская жизнь была полезна Пушкину, какъ поэту, что эти страсти разработывали его душу и вызывали намъ изъ нея новые живые звуки, которыми теперь мы такъ наслаждаемся; но каково было самому поэту въ болѣзненныя минуты поэтическаго развитія? Вотъ вопросъ. Нашлись ли люди, возлѣ которыхъ онъ могъ отдохнуть, которыхъ участіе было бы не оскорбительно, кому бы онъ могъ вполнѣ открыться и довѣриться? Онъ отвѣчаетъ отрицательно. У него были въ Кишиневѣ добрые пріятели, Алексѣевъ, Горчаковъ, Полторацкій и другіе: но не было настоящаго друга вродѣ Дельвига, Малиновскаго, Пущина (И. И.), или какимъ былъ позднѣе П. В. Нащокинъ; не было и такихъ людей, какъ Карамзинъ и Жуковскій, къ которымъ бы онъ могъ придти, разсказать все, требовать совѣта и не оскорбляясь выслушать упреки и наставленія. Вдобавокъ, на ту пору, разбрелся и кружокъ М. Ѳ. Орлова. Правда, ихъ го-

рячія, иногда только заносчивыя рѣчи и требованія, въ виду практической неисполнимости, которая не могла укрываться отъ наблюдательнаго и зоркаго поэта, должны были порою тревожить его и наводить грусть; но онъ искренно дорожилъ этими людьми, и отсутствіе ихъ, безъ сомнѣнія, было ему чувствительно.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда? (IV, 87).

Такого человѣка, конечно, не было. Между тѣмъ изъ Петербурга приходили неутѣшительныя вѣсти; надежда на возвращеніе изъ ссылки оставалась попрежнему только надеждою; положеніе при Инзовѣ, безъ опредѣленной дѣятельности, было какое-то праздное и двусмысленное, и въ довершеніе всего недостатокъ денежный. Впослѣдствіи Пушкинъ могъ говорить про себя, вспоминая прошедшее:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ вѣтренной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.... (1, 197).

Само собою разумѣется, что большинство людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Кишиневѣ, не могли дорожить высокими достоинствами поэта, и всего чаще

лишены были способности открывать и замѣчать ихъ. Къ тому же досадно бывало видѣть, какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высокопоставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается, и все ему проходитъ. Степенное кишиневское чиновничество не въ силахъ было простить ему напр. небрежнаго наряда. Досадно имъ было смотрѣть, какъ онъ разгуливаетъ съ генералами, въ своемъ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, неприбранный и нечесанный, и размахиваетъ желѣзною дубинкою. Вдобавокъ, не попадайся ему, оборветъ какъ разъ. Молодой Пушкинъ не сдерживалъ въ себѣ порывовъ негодованія и насмѣшливости, а въ кишиневскомъ обществѣ было, какъ и вездѣ, не мало такихъ сторонъ, надъ которыми изощрялся умъ его. Находчивостью, рѣзкостью возраженій и отвѣтовъ, онъ выводилъ изъ терпѣнья своихъ противниковъ. Языкъ мой—врагъ мой, пословица, ему хорошо знакомая. Сюда относится большая часть анекдотовъ, которые ходятъ про него по Россіи. Такъ, напр., на одномъ обѣдѣ въ Кишиневѣ, какой-то солидный господинъ, охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, вздумалъ увѣрять, что водка лучшее лѣкарство на свѣтѣ и что ею можно вылѣчиться даже отъ горячки. „Позвольте усомниться,“ замѣтилъ Пушкинъ. Господинъ обидѣлся, и назвалъ его *молокососомъ*.—„Ну, ужъ если я молокососъ, сказалъ Пушкинъ,

то вы, конечно, *виносовъ*.“—И вотъ уже врагъ, готовый радоваться всякой ошибкѣ и распускать всякую клевету! Какая-то дама, гордая своими прелестями и многочисленностью поклонниковъ, принудила Пушкина написать ей стихи въ альбомъ. Стихи были написаны, и въ нихъ до небесъ восхвалялась красота ея, но внизу, сверхъ чаянія, къ полнѣйшей досадѣ и разочарованію, оказалась помѣтка: *1 Апрѣля*[90]). Подобныхъ случаевъ, безъ сомнѣнія, было не мало. Кто-то выразился про Пушкина, играя словомъ *бессарабскій* съ намекомъ на его физіономію: *бѣсъ арабскій*. Иногда поэту приходилось тяжело во обществѣ, враждебно противъ него настроенномъ. Въ альбомѣ Онѣгина есть строфа, въ которой выражены эти отношенія:

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мущинъ неспосенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла;
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

Такъ онъ писалъ про себя, сознавая хорошо свое положеніе. Но пенять на судьбу, жаловаться на то, что его не понимаютъ, выставлять себя на показъ, было вовсе

[90]) В. П. Горчакова: *Выдержки изъ Дневника.*

не въ его нравѣ. „Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ,“—только этимъ и выражались его пени, даже и въ письмахъ къ ближайшимъ людямъ. Озлобленія въ немъ незамѣтно. Съ гордымъ равнодушіемъ, онъ продолжалъ являться всюду, и по прежнему посѣщалъ разнообразное кишиневское общество. На ту пору оно сдѣлалось еще пестрѣе. Вслѣдствіе греческаго возстанія, которое въ 1822 году охватило уже всю Турцію, многія семейства, изъ княжествъ и изъ самой Турціи, спасались бѣгствомъ въ Россію, и находили убѣжище между прочимъ въ Кишиневѣ. Такъ, напр,, въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ Пушкинъ мимоходомъ упоминаетъ, что въ 1822 году, какая-то „старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная,“ умерла въ его присутствіи отъ холерныхъ припадковъ (I, 281). Къ тому же 1822 году относится временное сближеніе его съ однимъ греческимъ семействомъ, какъ показываютъ тогдашніе стихи къ *Гречанкѣ* (*Ты рождена воспламенять воображеніе поэтовъ*). Это была извѣстная въ Кишиневѣ Калипсо, пріѣхавшая изъ Константинополя вмѣстѣ съ матерью своею Полихроніей и съ другими Греками. Калипсо была красавица, но ее нѣсколько безобразилъ длинный носъ. Она прекрасно пѣла съ гитарой турецкія пѣсни. Пушкинъ тогда восхищался Байрономъ, а про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встрѣтилась съ знаменитомъ лордомъ и впервые познала любовь въ его объятіяхъ:

Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;—

Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь къ его плечу...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ....

Сближеніе съ Байрономъ безъ сомнѣнія придавало Калипсѣ особенную заманчивость въ глазахъ Пушкина; но любовь къ ней была минутнымъ увлеченіемъ. Стихи свои (великолѣпные, но сравнительно—холодные) Пушкинъ скоро отдалъ въ печать (съ полнымъ своимъ именемъ), и уже одно это обстоятельство достаточно показываетъ, что настоящей любви тутъ не могло быть. Черезъ годъ Пушкинъ знакомилъ съ Калипсо и ея матерью одного пріѣзжаго [91]), и по словамъ сего послѣдняго, въ немъ уже не оставалось и слѣдовъ любовнаго жара.

Другое стихотвореніе, біографическаго содержанія, принадлежащее къ 1822 году, это *Къ друзьямъ*. Оно написано послѣ прощальной пирушки, которая устроилась у братьевъ Полторацкихъ по случаю отъѣзда изъ Кишинева общаго пріятеля ихъ свитскаго офицера *Валерія Тимоѳеевича Кека*. Пушкинъ говоритъ, что друзья отличили его особой почетной чашею:

---

[91]) Ф. Ф. Вигеля, пріѣхавшаго тогда на службу въ Кишиневъ. Покойный Вигель, въ 1853 году, позволилъ намъ сдѣлать отмѣтки изъ его записокъ и выписать мѣста, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ.

..... жажду скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

Пили изъ складныхъ походныхъ стакановъ, которые вставляются одинъ въ другой; Пушкину дали самый большой, наружный:

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Превосходный, художественный разборъ этой піесы, которая такъ живо изображаетъ положеніе ссыльнаго поэта въ Кишиневѣ, посреди военной молодежи, находимъ у Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 330). „Пушкинъ—говоритъ онъ—никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души, и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто встряхиваетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя облако уныніа, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій духу характеръ.“

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

Поэтъ самъ былъ доволенъ этими стихами, и отослалъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они потомъ прочитаны

были въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ домѣ Д. А. Державиной, и въ печати появились съ полнымъ его именемъ [92]).

Совсѣмъ другого содержанія, но также въ біографическомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и важны стихи 1822 года: *Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный*, набросанные, неконченные Пушкинымъ, и сохранившіеся въ двоякомъ видѣ, черновомъ и болѣе отдѣланномъ (II, 323—325):

Ты, сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка.
Я все не вѣрую въ тебя:
Ты чуждо мысли человѣка.
Тебя страшится гордый умъ!...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой

---

[92]) Въ XXII-й части Трудовъ Вол. Общества Люб. Р. Словесности (1823 года) въ Лѣтописяхъ Общества, въ описаніи этого публичнаго засѣданія (22 Мая), на стр. 296 и 297 сказано, что одинъ изъ членовъ Общества, „цензоръ библіографіи“ А. А. Бестужевъ прочелъ *Прощеніе*, сочиненіе А. С. Пушкина (въ стихахъ). Такого стихотворенія за то время мы не знаемъ у Пушкина, и думаемъ, что *Прощеніемъ* названы здѣсь стихи *Къ друзьямъ*.

Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?

Эти мысли о смерти, о загробной жизни, о безсмертіи души, находятся очевидно въ связи съ тогдашними его обстоятельствами. Можетъ быть, стихи эти и написаны наканунѣ одного изъ поединковъ.

Наконецъ, есть еще стихотвореніе 1822 года, въ которомъ отразилась его кишиневская жизнь, это *Уединеніе*. Послѣ сообщенныхъ выше подробностей, тутъ каждое слово становится понятно и получаетъ смыслъ автобіографическій:

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали *взыскательныхъ* невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

Такъ и видится Пушкинъ въ его уединенной комнатѣ, подъ развалинами, на отдаленномъ концѣ Кишинева: онъ на время мирится съ судьбою и работаетъ, полный памятью о прежнихъ веселыхъ дняхъ и оживляемый надеждою на болѣе свѣтлое будущее.

Эти воспоминанія и надежды относились къ Петербургу. Почти все время кишиневской жизни Пушкинъ разсчитывалъ, что ссылка его скоро кончится, и что ему позволятъ возвратиться въ столицу. Еще въ 1821 году въ письмѣ къ брату (27 Іюля) онъ говоритъ: „Пиши ко

мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ.“ Въ письмахъ 1822 года безпрестанно выражается надежда на скорое свиданіе. Къ брату онъ пишетъ, отъ 24 Января: „Постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе“; 21 Іюля: „Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться, мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь“; 6 Октября: „Я карабкаюсь, и можетъ быть явлюсь у васъ, но не прежде будущаго года.“ Тоже самое въ письмѣ къ Катенину, отъ 19 Іюля, говоря о постановкѣ на сцену Корнелевой трагедіи Сида, переведенной Катенинымъ: „Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимою, по крайней мѣрѣ постараюсь“; или къ Я. Н. Толстому, отъ 26 Сентября: „Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ.“

Такъ какъ оффиціальной ссылки не было, то Пушкинъ надѣялся, что его переведутъ по службѣ обратно въ Петербургъ, или хоть уволятъ въ отпускъ. Черезъ кого шли эти сношенія, у кого именно просилъ онъ ходатайства, опредѣлительно мы не можемъ сказать, по крайней мѣрѣ по имѣющимся у насъ матеріаламъ. Знаемъ только, что онъ писалъ письмо къ гр. Нессельроду, который тогда завѣдывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ [93]). Весьма вѣроятно, что заступниками и ходатаями были тѣ же лица, что и прежде: Карамзинъ, Жуковскій и братья Тургеневы. Но испросить помилованіе было

---

[93]) Въ письмѣ къ брату отъ 6 Октября 1822 г. „Министру я писалъ, онъ и въ усъ не дуетъ.“

довольно трудно. Обстоятельства не только не улучшились сравнительно съ 1820-мъ годомъ, когда Пушкинъ оставилъ Петербургъ, но напротивъ сдѣлались еще тяжелѣ. Въ самый годъ удаленія Пушкина, произошла Семеновская исторія; въ министерствѣ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ по роду своей дѣятельности, наступили времена крутыя: профессора Куницынъ и Арсеньевъ потерпѣли по службѣ; имѣлъ большое вліяніе знаменитый ревизоръ Магницкій, торжествовало его направленіе, и въ 1822 году даже самый Царскосельскій Лицей переданъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Къ тому же, удаленный по Высочайшему (хотя и не гласному) повелѣнію, Пушкинъ не иначе могъ быть и возвращенъ. Отлучки Императора Александра, его безпрестанныя поѣздки то во внутреннія губерніи, то за границу, на Люблянскій и Веронскій конгрессы, тоже могли быть помѣхою. Къ Императору естественно посылались только дѣла первой важности, и отнюдь не могла быть послана бумага о перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое какого-нибудь коллежскаго секретаря Пушкина. Оттого Пушкина такъ занимаетъ вопросъ, возвратился ли государь (письмо къ брату отъ 30 Января 1823 года). Неувѣренность въ своемъ положеніи, надежда, что, можетъ быть, завтра выйдетъ разрѣшеніе ускакать изъ Кишинева, должны были усиливать душевную тревогу Пушкина. Онъ жилъ изо дня въ день, какъ-будто не на мѣстѣ, и безпрестанно готовый въ дорогу.

За невозможностью свиданія, сношенія съ петербургскими друзьями ограничивались перепискою, и то

довольно рѣдкою, отрывочною. Переписка эта далеко не вся обнародована, и, можетъ быть, значительная часть ея утратилась; время и быстрая смѣна обстоятельствъ истребляютъ слѣды прошедшаго, и къ тому же не въ нашихъ правахъ было дорожить письмами и беречь ихъ. Впрочемъ, просимъ читателей помнить, что мы не пишемъ полной и связной біографіи Пушкина, а только собираемъ и приводимъ въ порядокъ матеріалы для нея. Доступа къ бумагамъ Пушкина и его ближайшихъ друзей мы не имѣли; можетъ быть, многое изъ тогдашней переписки его еще сберегается и со временемъ будетъ сообщено во всеобщее свѣдѣніе. Сколько можно судить по тому, что у насъ есть, Пушкинъ хотя и переписывался со многими лицами, но довольно рѣдко. Онъ былъ слишкомъ молодъ и безпеченъ и слишкомъ надѣялся на скорое свиданіе, чтобы вести правильную и постоянную переписку за полторы тысячи верстъ.—Съ Карамзинымъ, какъ кажется, онъ вовсе не переписывался: лѣта и положенія были слишкомъ розны. Не знаемъ, уцѣлѣли ли письма его къ А. И. Тургеневу; но онъ навѣрное писалъ къ нему. Самъ Тургеневъ говоритъ въ одномъ изъ отрывковъ своей *Хроники Русскаго изъ Парижа*, что, перебирая бумаги, попалъ на письмо къ нему Пушкина изъ Кишинева, отъ 21 Августа 1821 года. „Письмо коротко, замѣчаетъ Тургеневъ, но ноготокъ востеръ“ [94]). Въ 1822 году онъ послалъ свою *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*, такъ какъ Тургеневъ былъ большой охот-

---

[94]) См. *Современникъ* 1841 года, томъ XXV, стр. 5.

никъ до русской старины. Черезъ Жуковскаго шли, кажется, переговоры о возвращеніи изъ ссылки; но Пушкинъ жалуется брату, что рѣдко получаетъ письма отъ Жуковскаго, проситъ, чтобъ онъ, по крайней, мѣрѣ продиктовалъ своему человѣку Якову нѣсколько строчекъ къ нему. Дѣло въ томъ, что Жуковскій въ 1820 и 1821 г. ѣздилъ за границу съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной и потомъ былъ обремененъ своею должностью при Дворѣ. Тогдашнія письма къ Чадаеву, какъ мы видѣли, утратились; но Пушкинъ не забывалъ своего друга, что показываютъ два стихотворныя посланія, одно изъ Крыма, другое изъ Бессарабіи. Писемъ къ Баратынскому, тоже, какъ мы слышали, не сохранилось, хотя они навѣрное были, какъ видно по двумъ обращеніямъ къ нему въ стихахъ (1822), находящихся въ печати. Безъ сомнѣнія также шла переписка съ Н. Раевскимъ-сыномъ, съ М. Ѳ. Орловымъ, послѣ его отъѣзда изъ Кишинева, съ Д. В. Давыдовымъ и др. Изъ тогдашнихъ писемъ къ П. А. Катенину напечатано въ изданіи Анненкова (I, 58) только одно письмо отъ 19 Іюля 1822 г., и тамъ же изложены бывшія между ними недоумѣнія. Въ письмѣ этомъ особенно важно для біографіи Пушкина слѣдующее, для насъ пока не совсѣмъ понятное, мѣсто: „Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ былъ я жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайнѣй мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ?“ *Минутные друзья минутной молодости*, общество гусарское и Зеленой Лампы, Всеволожскій, Каверинъ, Юрьевъ, Мансуровъ, Молоствовъ,

Василій Олсуфьевъ и другіе забыли Пушкина въ его далекой ссылкѣ. „Два года и шесть мѣсяцевъ ни строки, ни слова“, пеняетъ Пушкинъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ одному изъ нихъ, Я. Н. Толстому (I, 187). Не знаемъ, была ли переписка съ Малиновскимъ и И. И. Пущинымъ; но къ третьему лицейскому другу своему, барону Дельвигу, Пушкинъ написалъ изъ ссылки въ первый разъ только въ Мартѣ 1821 года (см. выше) извѣстное письмо прозою и стихами. Все-таки, если бы можно было собрать и издать эти письма вмѣстѣ съ отвѣтами, такая книга вышла бы наилучшимъ поясненіемъ жизни нашего поэта, и въ то же время была бы живою картиною тогдашняго умственнаго и литературнаго движенія въ Россіи.

Переписка, болѣе или менѣе непрерывная, поддерживалась, кажется, только съ братомъ. Къ сожалѣнію, и она дошла, по крайней мѣрѣ до насъ, не вполнѣ: во первыхъ, мы не имѣемъ отвѣтныхъ писемъ брата, во вторыхъ, самыя письма Александра Сергѣевича, очевидно, не всѣ уцѣлѣли [95]). Левъ Сергѣевичъ, не кончивъ курса

---

[95]) Левъ Сергѣевичъ скончался въ Одессѣ въ 1854 году. Тогда же я обратился съ просьбою къ опекуну дѣтей его, С. А. Соболевскому, поискать въ его бумагахъ писемъ Пушкина. Изъ нижегородской деревни прислана была пачка писемъ, всего 34. С. А. Соболевскій позволилъ намъ снять съ нихъ копіи, которыми мы теперь и пользуемся. Потомъ письма эти были напечатаны въ *Библіогр. Запискахъ* 1858 г. (№ 1, 2 и 4), но не вполнѣ, и не въ строгомъ порядкѣ—Писемъ было, конечно, больше, нежели сколько теперь у насъ въ рукахъ.

въ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ, проживалъ въ Петербургѣ въ домѣ родителей, не имѣя опредѣленныхъ занятій, и не торопясь поступать на службу. Въ 1822 году, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, ему было всего 16 лѣтъ. Онъ былъ очень похожъ на брата и лицомъ, и отчасти нравомъ. Пріятели Пушкина любили его: онъ имъ живо напоминалъ ссыльнаго поэта. Къ тому же онъ имѣлъ родовую наклонность къ занятіямъ словесностью. Такимъ образомъ Левъ Сергѣевичъ прямо съ ученической скамейки вступилъ въ кружокъ друзей своего брата. Пушкинъ покинулъ его въ Петербургѣ еще совсѣмъ мальчикомъ, и долгое время потомъ сохранялъ въ отношеніи къ нему нѣжное и въ то же время покровительственное чувство старшаго брата. Въ воспоминаніяхъ о Петербургѣ онъ занималъ у него первое мѣсто, и мы видѣли, какъ онъ заботливо поручаетъ его Дельвигу. Переписываться съ нимъ, знать о немъ было для него потребностью сердца. Выше приведено письмо его къ брату съ разсказомъ о путешествіи, и другое, французское, съ наставленіями, какъ вести себя въ свѣтѣ. Отъ 1821 года уцѣлѣло только одно письмо (27 Іюля), изъ котораго два отрывка, съ вопросами о новостяхъ словесности, и съ порученіемъ къ Всеволожскому, также приведены выше. „Здравствуй, Левъ—пишетъ онъ ему—не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь; я на-

---

Недавно найдено еще одно чрезвычайно любопытное письмо (1825 года) г. Титовымъ въ бумагахъ П. М. Л—вой и напечатано въ *Библіогр. Запискахъ* 1861, № 13.

зываю дѣльнымъ все что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть (sic) я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью.... Скажи ему (Всеволожскому), что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, ламну его и все елико друга моего[96]). Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія Калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.“ Эти порученія ввели Льва Сергѣевича въ общество Зеленой Лампы и познакомили со всѣми его шалостями. „Пришли мнѣ Тавриду Боброва,“ заключаетъ Пушкинъ. *Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ*—старинная поэма. сочиненіе Семена Боброва (Николаевъ. 1798). Пушкину захотѣлось взглянуть на нее: онъ тогда занятъ былъ своимъ *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ*.

Отъ 1822 года сохранилось четыре письма къ брату. „Сперва хочу съ тобою побраниться—пишетъ Пушкинъ 24 Января—какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская

---

[96]) V. C. P.—значитъ Veuve Cliquot Pontchagrain—клеймо на пробкахъ шампанскаго. Что такое L. D., не знаемъ. Авдотья Ивановна Овошникова—петербургская танцовщица. Калмыкъ-мальчикъ, слуга у Всеволожскаго. См. о немъ замѣтку г. Журавлева въ *Москов. Вѣдом.* 1855 г. № 143.—Для характеристики этого общества молодыхъ повѣсъ можно прибавить, что у нихъ напр. разыгрывалось Изгнаніе Адама и Евы изъ рая, а одинъ изъ нихъ называется *содомскимъ гражданиномъ*. Кто такіе были Юрьевъ и Мансуровъ—не знаемъ.

кузина; во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки: ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ. Жалѣю: болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ (sic) не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать мою элегическую мизантропію,—и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя, это меня бѣситъ. Я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ, чортъ *съ ними;* постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе.“ Далѣе говорится о посылкѣ *Кавказскаго Пленника* Гречу, что приведено у насъ выше. „Спроси Дельвига, здоровъ ли онъ—продолжаетъ Пушкинъ—все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ; каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ *Сынѣ* (безъ подписи и безъ ошибокъ) [97]). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, въ ней каждый стихъ правда.“ Слѣдуетъ двѣ эпиграммы: *Иной пилъ мою Аллаю,* и другая на Каченовскаго. „Покушай, пожалуста—кончаетъ онъ. —Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.“ И стихи, и особенно эпиграммы, разумѣется, разнеслись по Петербургу. Левъ Сергѣевичъ становился вездѣ пріятнымъ гостемъ: отъ него можно было узнать новые стихи и остроты ссыльнаго брата.

---

[97]) Какіе именно эти стихи, мы не могли доискаться.

Отъ 21 Іюля: „Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ, пожалуйста, и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу. Мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора. ей Богу пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь, слѣдственно разочти. Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ, а я тебѣ говорю: служи, ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему. Скажи мнѣ, выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ. Скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ *И сплетней разбирать игривую затью:* я получилъ отъ него полукислое письмо, онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ. Не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя. Что мой *Руслань?* Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что *Пльнникъ?* Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли

къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался. Быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь, и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? Есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. Отцу пишу въ деревню“ [99]).

Отъ 4 Сентября. „На прошедшей почтѣ (виноватъ, съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ, о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную, вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ: служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ не-

[98]) Батюшковъ въ это время, вернувшись изъ Италіи, жилъ на Каменномъ острову, уже нѣсколько поврежденный въ умѣ. Вскорѣ его послали лѣчиться въ Крымъ: въ Симферополѣ онъ покушался было на жизнь свою, но потомъ къ нему опять приходили ясныя минуты, умъ его проявлялся во всемъ своемъ природномъ блескѣ, и онъ даже писалъ прекрасные стихи. Въ Январѣ 1823 г. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ брату: „Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ“—Дельвигъ служилъ тогда въ Имп. Публичной Библіотекѣ.—В. К. Кюхельбекеръ, кажется, жилъ въ Парижѣ, на службѣ въ канцеляріи Нарышкина.—Баратынскій, тогда подпрапорщикъ Нейшлотскаго пѣхотнаго полка, пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Фридрихсталя. Нѣкоторое сходство участи влекло особенно къ нему Пушкина.—О В. И. Козловѣ знаемъ только, что въ 1823 году онъ издавалъ съ Воейковымъ *Новости Литературы*.

множко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго, скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію. Раевскій и Киселевъ оба не откажутся. Подумай объ этомъ, да, пожалуйста, не слегка, дѣло идетъ о жизни. Теперь, моя радость, поговорю о себѣ." Слѣдуетъ опять порученіе къ Всеволожскому касательно запроданныхъ стиховъ.

Какъ ни мало печаталъ Пушкинъ въ сравненіи съ другими писателями, но литературное значеніе его быстро возрастало. Еще до появленія въ печати *Кавказскаго Пленника*, къ Пушкину обращены уже были ожиданія любителей словесности и читающей публики. Издатели журналовъ начинали заискивать его участія. Въ первой половинѣ 1822 года, гвардіи драгунскаго полка поручикъ *Александръ Александровичъ Бестужевъ* и отставной артиллеріи подпоручикъ (печальной и тяжелой памяти) *Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ* задумали составить сборникъ изъ разныхъ новыхъ произведеній русской словесности, на подобіе тѣхъ литературныхъ календарей или альманаховъ, которые тогда въ Германіи и Англіи во множествѣ выходили къ каждому новому году. У насъ, кажется, такого рода изданій прежде не было, если не считать *Аонидъ* Карамзина, появившихся еще въ прошломъ столѣтіи. Оба издателя, люди молодые и талантливые, побывавшіе съ войсками въ чужихъ краяхъ и въ Парижѣ, были уже довольно извѣстны въ печати. Рылѣевъ напечаталъ уже нѣсколько историческихъ *Думъ*, а Бестужевъ (прославившійся впослѣдствіи подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*) еще до 1822 года принад-

лежалъ къ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ словесности. Перебирая тогдашніе журналы съ 1819 года, безпрестанно встрѣчаешь его имя и удивляешься разнообразію его занятій. Онъ переводитъ съ польскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, обнаруживаетъ замѣчательныя познанія и въ русской исторіи и въ старинной нашей словесности, представляетъ въ Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія (гдѣ былъ цензоромъ библіографіи) какой-то каменный ленъ, пишетъ повѣсти и разсказы, изъ которыхъ сдѣлалась особенно извѣстною *Поѣздка въ Ревель*, но всего чаще является какъ остроумный критикъ [99]). Мнѣнія его были всегда оригинальны и свѣжи, выражались смѣло и съ убѣжденіемъ. Преслѣдуя, напр., своими замѣчаніями Катенина, одного изъ представителей шишковской партіи, онъ въ то же время не только не увлекается Карамзинымъ, но даже отвергаетъ предложенія его почитателей, которые хотѣли познакомить его съ исторіографомъ. [100])

Изъ своей ссылки Пушкинъ не могъ не обратить на него вниманія. Впрочемъ, и Р. и Бестужевъ встрѣчались съ Пушкинымъ еще до 1820 года и были по-

---

[99]) Псевдонимъ *Марлинскаго*, подъ которымъ впослѣдствіи такъ прославился Бестужевъ въ нашей словесности, былъ имъ принятъ еще въ 1822 году. Въ *Сынѣ Отечества* встрѣчаются его критическіе разборы съ этою подписью. *Марли* — такъ называется одинъ изъ Петербургскихъ дворцовъ. Тамъ, вѣроятно, стоялъ драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Бестужевъ.

[100]) См. *Русскій Вѣстникъ* 1861, Мартъ и Апрѣль, въ письмахъ Бестужева къ братьямъ Полевымъ.

томъ хорошо знакомы съ его пріятелями, барономъ Дельвигомъ и Баратынскимъ. Собираясь издать *Полярную Звѣзду*, Бестужевъ обратился къ Пушкину съ просьбою о стихахъ для этого альманаха, или, какъ они тогда называли, календаря. Вотъ отвѣтное письмо Пушкина, изъ Кишинева, отъ 21 іюня 1822 года: „Милостивый государь Александръ Александровичъ, давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ, и благодарю васъ какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, желаю, чтобы они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ. Кажется, голубушка еще не поумнѣла. Не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія. Отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Старушку, повидимому, постращали моимъ именемъ; не называйте меня, а подносите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напримѣръ, услужливаго Плетнева, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по *Таврида*). Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ

удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; они порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи."

Этимъ начались сношенія. Вскорѣ Пушкинъ заочно подружился съ Бестужевымъ, и между ними завязалась довольно дѣятельная переписка, продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ сряду, и судя по тому, что у насъ есть изъ нея, очень важная для исторіи Русской словесности. Въ то время Бестужевъ еще принадлежалъ къ числу пылкихъ почитателей Пушкина. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ перемѣнилъ мнѣнія свои.

Бессарабскими бреднями. отданными въ *Полярную Звѣзду*. Пушкинъ называетъ *Мечту воина*, *Овидію*, *Гречанкѣ* и *Элегію* (*Увы! зачѣмъ она блистаетъ*). О первыхъ трехъ стихотвореніяхъ мы уже говорили; кому или про кого написано четвертое, относящееся къ 1819—1820 годамъ, намъ неизвѣстно. Печатаніе стиховъ, видимо, занимало Пушкина. „Въ посланіи къ Овидію — поручаетъ онъ брату (4 Сент. 1822)—перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ, дивись, Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и пр....."

Мы уже видѣли, что любимые стихи эти появились въ печати не такъ, какъ они были написаны. Въ это

же самое время вышелъ въ свѣтъ и *Кавказскій Пленникъ*. Пушкинъ, какъ кажется, оживился; письма его наполняются запросами о томъ, что дѣлается въ литературѣ. „Кстати объ стихахъ—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ—то, что я читалъ изъ *Шильонскаго Узника*, прелесть. Съ нетерпѣніемъ жду успѣха *Орлеанской*....; но актеры, актеры! 5-стопные стихи безъ риѳмы требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ *Глухорева*. Трагедія будетъ сыграна тономъ смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господи, защити и помилуй, но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя.“ Предположенія Пушкина не сбылись: Жуковскій не ставилъ на сцену своего перевода Орлеанской Дѣвы, и актеру Глухареву не пришлось декламировать пятистопныхъ стиховъ безъ риѳмъ.—Далѣе въ томъ же письмѣ Пушкинъ говоритъ о литературныхъ упражненіяхъ своего товарища Кюхельбекера, какихъ именно, мы не могли доискаться: „Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ, славянорусскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іереміи. Что бы сказали Гомеръ и Пиндаръ, но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? *Ода къ Ерм.* лучше, но стихъ: *Такъ тьмъ въ Суворова влюбленъ Державинъ*.... слишкомъ уже греческой. Стихи

къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный, толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, Боже! число, великій, унылыхъ Тебя просящихъ сохранить имъ цѣль, трудъ многимъ людямъ принадлежащій и проч. Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига.“ Видно, какъ Пушкинъ весь былъ преданъ словесности, какъ его занимали самыя мелочи въ этомъ отношеніи.

Слѣдующее за тѣмъ мѣсто того же письма дало Пушкину новаго корреспондента изъ Петербурга и повело потомъ къ крѣпкой на всю жизнь дружеской связи. Мы говоримъ о возникшей въ 1822 году перепискѣ нашего поэта съ другимъ тогдашнимъ критикомъ и стихотворцемъ *Петромъ Александровичемъ Плетневымъ*. Въ первый разъ П. А. Плетневъ встрѣтилъ Пушкина въ домѣ его родителей, когда онъ былъ еще лицеистомъ. Потомъ, служа вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ въ Екатерининскомъ институтѣ, онъ черезъ него сошелся и подружился съ Дельвигомъ. Всѣ трое хаживали на литературные субботніе вечера къ Жуковскому, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ. Тамъ они и познакомились. Любовь къ словесности соединяла молодыхъ людей. Поздними вечерами они возвращались вмѣстѣ отъ Жуковскаго, и въ одушевленныхъ бесѣдахъ не замѣчали дальнихъ разстояній столицы. Плетневъ напечаталъ тогда романъ одного своего покойнаго товарища студента *Ивана Георгіевскаго: Евгеній или письма къ другу*“ (Спб. 1818. 12о 2 части), и къ этому довольно слабому произведенію написалъ предисловіе, въ которомъ разсказана жизнь рано

умершаго сочинителя. „Зачѣмъ вы напечатали романъ?— замѣтилъ ему Пушкинъ—вамъ бы выдать одно предисловіе: это вещь прелестная.“ Сношенія пока ограничивались обыкновеннымъ знакомствомъ, а потомъ Пушкинъ уѣхалъ. Въ 1821 году, въ 8-мъ (Февральскомъ) номерѣ *Сына Отечества* появилась, безъ подписи, Элегія Плетнева, подъ заманчивымъ заглавіемъ *Б—овъ изъ Рима*[101]). Поэтъ Батюшковъ жилъ тогда въ Италіи, и отъ него ждали новыхъ стиховъ. Вышла забавная мистификація. Профессоръ Кошанскій въ Лицеѣ. прочитавъ Элегію своимъ слушателямъ, говорилъ: Вотъ сейчасъ виденъ талантъ, чувствуется стихъ Батюшкова. Въ литературныхъ кружкахъ разошелся слухъ, будто Элегія написана Батюшковымъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ: но въ 1822 году поэтъ возвратился въ Петербургъ, и какъ извѣстно, въ безпокойномъ, близкомъ къ помѣшательству состояніи. Слухъ объ Элегіи дошелъ до него. и по справкѣ оказалось. что она получена въ журналъ отъ Плетнева. Батюшковъ подозрѣвалъ тогда, что у него множество враговъ, желающихъ уронить его славу, что противъ него какой-то заговоръ и что Плетневъ нарочно выбранъ, чтобъ повредить ему. Пушкину обо всемъ написали въ Кишиневъ, и на это онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева: на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. *Б. изъ Рима* не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что но-

[101]) Въ *Сынъ Отечества* 1822 г., № 7 напечатано стихотвореніе Плетнева *Ж—ій изъ Берлина*, съ подписью. Жуковскій передъ тѣмъ ѣздилъ въ Берлинъ.

вость на Олимпѣ очень мила[102]). Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели (sic) стихи. Онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня и пр.“ Левъ Сергѣевичъ не отличался скромностью. Письма отъ брата читались у него цѣлою компаніею. Тогда Плетневъ послалъ въ Кишиневъ по почтѣ извѣстное, прекрасное посланіе свое:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы;
И, можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь. На поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта:
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта и пр.

Читая теперь это посланіе, видишь, какъ сбылось предчувствіе, выраженное въ концѣ его:

Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано,
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ[103]).

---

[102]) Что такое *Новость на Олимпъ*, намъ не понятно.

[103]) Въ то время не спѣшили печатаніемъ. Посланіе Плетнева появилось въ свѣтѣ только въ 1824 году, въ *Трудахъ Вольнаго Общ. Люб. Рус. Слов.* въ XXVI-й (Апрѣльской) части.

Такое простое, благородное и откровенное обращеніе не могло не тронуть Пушкина; онъ отвѣчалъ Плетневу. какъ давнишнему пріятелю, а своему брату написалъ 6 Октября: „Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами; вся моя ссора съ Толстымъ [104]) происходитъ отъ нескромности к. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства. Она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему“.—Надо прибавить, что передъ тѣмъ, въ Іюльской (XIX) части *Трудовъ Общества Любителей Русскій Словесности* появилась статья Плетнева объ антологическихъ стихотвореніяхъ, гдѣ нѣсколько теплыхъ, сочувственныхъ страницъ посвящено разбору Пушкинскихъ стиховъ *Муза*, а въ слѣдующей за тѣмъ Октябрьской части того же журнала напечатанъ его разборъ *Кавказскаго Пленника*, замѣчательный по строго-нравственному требованію, предъявленному критикомъ въ отношеніи характера самаго *Пленника* (стр. 41 и 42) „Несчастный любовникъ могъ бы сказать ей: „мое сердце чуждо новой любви“; но кто имѣетъ причину признаваться, что онъ *не стоитъ восторговъ* ненависти, тотъ

---

[104]) Съ гр. Ѳ. И. Толстымъ.

разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности.... Впрочемъ, встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи". Кстати сказать здѣсь, что пропуски, означаемые рядомъ точекъ и впослѣдствіи въ такомъ обиліи появившіеся въ *Онѣгинѣ*, давали поводъ къ обвиненію, будто Пушкинъ нарочно ставитъ ихъ для возбужденія любопытства читателей. Издѣваясь надъ этимъ, Грибоѣдовъ прислалъ однажды письмо въ Петербургъ, начавшееся множествомъ точекъ.

Вскорѣ въ перепискѣ между Пушкинымъ и Плетневымъ *вы* замѣнилось словомъ *ты*. и они совершенно сблизились.

Намъ остается сказать еще о двухъ припискахъ въ томъ же письмѣ къ брату отъ 4 Сентября. Одна французская: „Mon père en a une idée lumineuse, c'est selle de m'envoyer des habits, rappelez la lui de ma part". Это порученіе напоминаетъ стихи 1822 года *Жалоба:*

Увы! никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ [105])

---

[105]) Кромѣ упомянутыхъ нами, къ 1822 году относятся еще слѣдующія стихотворенія:

1) 2) *Два Путника* и *Сонъ*—

это отрывки неконченной поэмы *Вадимъ*, изъ которой пріятели Пушкина помнятъ еще два неизданные стиха:

Другая приписка относится къ Рылѣеву. Въ *Сынѣ Отечества* того года (№ 23, Іюнь) Пушкинъ прочелъ *Думу* его: *Богданъ Хмѣльницкій*, которая начинается стихами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ *полдень* проникалъ,

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Жива въ ихъ памяти славянская свобода

3) *Посланіе къ Ѳ. И. Глинкѣ.* (Когда средь оргій жизни шумной).

Ѳ. И. Глинка служилъ тогда при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ гр. Милорадовичѣ. Не черезъ него ли, можетъ быть, шли сношенія о позволеніи Пушкину возвратиться въ Петербургъ? Позднѣе Пушкинъ писалъ о немъ брату: Я радъ что Глинкѣ (sic) полюбились мои стихи, это была моя цѣль; въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ, мы съ нимъ пріятели". Къ чему это сказано, мы пока не можемъ себѣ объяснить; равно не попятно, почему Пушкинъ нѣсколько разъ пишетъ *Глика* вм. *Глинка*.

4) *Горишь ли ты, лампада наша?—*

въ упомянутомъ письмѣ къ Я. Н. Толстому.

5) *Адели.*

По общему преданію написано къ дочери А. Л. Давыдова; но въ Крыму живетъ семейство, приписывающее эти стихи одному изъ своихъ членовъ.

6) *Пріятелю* (Не притворяйся, милый другъ).

7) *У Клариссы денегъ мало.*

8) *Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,*

Намеки, заключающіеся въ послѣднихъ трехъ стихотвореніяхъ, остаются пока непонятны для насъ. Всего, отъ 1822 года имѣемъ *восемнадцать стихотвореній,*—меньше предыдущаго года; но теперь Пушкинъ занятъ поэмами.

Скользя по сводамъ, лучъ *денницы,*
И ужасъ мѣста озарялъ и пр.

„Милый мой — приписываетъ Пушкинъ съ боку письма—у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ, вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ, чего онъ смотритъ“ [106])?

---

[106]) Тоже замѣчаніе повторено въ письмѣ къ брату, написанномъ въ началѣ слѣдующаго года, при вторичной посылкѣ стиховъ къ Глинкѣ (въ первый разъ они не дошли до него): „Душа моя, какъ перевести порусски *Bevues?* Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Bevues*. Мы бы помѣстили тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Р., его же гербъ Россійскій на вратахъ византійскихъ. (Во время Олега герба русскаго не было, а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на зап. и вост.; у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bevues*; поговори объ этомъ съ нашими.—Говорится о стихахъ въ *Думѣ* Рылѣева, *Олегъ Вѣщій*:

Прибилъ свой щитъ *съ гербомъ Россіи*
Къ Царьградскимъ воротамъ.

Черезъ два года, когда вышло собраніе *Думъ* Р., Пушкинъ не позабылъ написать ему: „Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ *герба* Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій и принятъ у насъ во время Іоанна III-го, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: „тоже повѣсп щитъ свой на вратѣхъ, на показаніе побѣды“.

Слѣдующее за тѣмъ письмо (отъ 6 Октября) Пушкинъ оканчиваетъ опять вопросомъ о своихъ стихахъ: „Къ стати, получено ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ ли напѣчатано? (sic) Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый“.

Ожидаемый Пушкинымъ календарь Бестужева, или *Полярная Звѣзда, карманная книжка для любительницъ и любителей Русской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ*, вышла въ послѣднихъ числахъ Декабря 1822 года (ценз. дозволеніе А. Бирюкова 30 Ноября), въ 16 долю листа 390 и 4 нен. стр. Успѣхъ былъ небывалый. И новость предпріятія, и самое содержаніе, даже и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, не утратившее отчасти своихъ достоинствъ, и наконецъ имена издателей обратили всеобщее вниманіе на этотъ первый у насъ альманахъ. Публика, еще до объявленія о выходѣ, стала раскупать его [107]). Кромѣ Карамзина, занятаго своей исторіей и никогда не раздроблявшаго ее въ печати, тутъ участвовали всѣ лучшіе писатели: Жуковскій, кн. Вяземскій, Давыдовъ, Дельвигъ, Гнѣдичъ и пр. Объ участіи Пушкина мы уже говорили. Много шуму возбудила передовая статья Бестужева *Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи*. Послѣ общаго обозрѣнія, Бестужевъ перечислялъ

---

[107]) Такъ именно сказано въ послѣднемъ номерѣ *С. Отеч.* 1822 года. Цѣна *Полярной Звѣзды* была на бѣлой бумагѣ 8 р., на веленевой 10; за пересылку 2 р.—по теперешнему это очень дорогая цѣна.

писателей, и о каждомъ сказалъ по нѣскольку довольно уклончивыхъ, но замысловатыхъ изреченій. Одни обидѣлись этими приговорами, другіе тѣмъ, что объ нихъ вовсе не было упомянуто, и въ журналахъ поднялась полемика. Приверженцевъ старины, представителемъ которыхъ былъ *Вѣстникъ Европы*, особенно оскорбляло то, что молодой драгунскій офицеръ-самоучка судилъ и рядилъ заслуженныхъ писателей. Но къ Пушкину *Полярная Звѣзда* была очень любезна. Онъ поставленъ на ряду съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, и про него сказано (стр. 24—25): „Еще въ младенчествѣ, онъ изумилъ мужествомъ своего слога, и въ первой юности далъ ему кладъ русскаго языка, открылись чары поэзіи. Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь, и, обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами.... Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты; языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ—это музыка; не упоминаю о плавности ихъ—по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ!“ Кромѣ того Бестужевъ помѣстилъ четыре стиха изъ *Кавказскаго Пѣльника* эпиграфомъ въ своей повѣсти изъ быта древнихъ Новгородцевъ: *Романъ и Ольга*, напечатанной въ *Полярной Звѣздѣ*. Повѣсть эта очень замѣчательна, какъ одна изъ первыхъ попытокъ разсказа, съ соблюденіемъ исторической обстановки. Мысль, очевидно вызванная романами Вальтеръ-Скотта, отъ которыхъ всѣ тогда сходили съ ума, и сильно занимавшая потомъ Пушкина.

Альманахъ былъ немедленно посланъ къ Пушкину вмѣстѣ съ деньгами за стихи. «Благоразумый Левинька—

пишетъ Пушкинъ къ брату 30 Января 1823 года—благодарю за письмо. Жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно *Кавказскому Пленнику*. Бестужевъ прислалъ мнѣ *Звѣзду*, эта книга достойна всякаго вниманія. Жалѣю, что Баратынскій поскупился[108]), я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и *Руслан*ъ, и *Плѣнникъ*, и Noel и все—дрянь въ сравненіи съ ними. Ради Бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Папаеву, знаменитому Р. и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта мечта напечатана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто *взыванье, тревожныхъ думъ*—слово употребляемое знаменитымъ Р., но которое по-русски ничего не значитъ. *Воспоминаніе и брата и друзей*—стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоской[109]). Но все это не бѣда, были бы деньги. Я радъ, что Гликѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели.... Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку:

[108]) Баратынскій далъ въ *П. Звѣзду* 1823 года стихи *Весна* (На звукъ цѣвницы голосистой) и автобіографическое *Къ Дельвигу* (Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой).

[109]) Слѣдовало *привычныхъ* думъ; а вмѣсто *и брата* въ *Звѣздѣ* было *и братьевъ*.

Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный

и проч. непростительно прелестно; зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя, добился ты, наконецъ, до точности языка, единственной вещи, которой тебѣ недоставало. En avant! marche".

Намекъ о Глинкѣ остается для насъ непонятенъ, Гнѣдичъ заслужилъ такую похвалу за Элегію *Тарантенская Дѣва*, гдѣ описана смерть Эвфрозины, которая плыла на кораблѣ къ жениху и утонула; двумя звѣздочками помѣчены два стихотворенія самого Пушкина; а Дельвигъ помѣстилъ въ *Полярной Звѣздѣ* извѣстную пѣсню свою: *Ахъ ты, ночь ли ноченька, Сельскую Элегію*, прекрасный сонетъ *Вдохновенье* и еще пѣсню *Роза ль ты, розочка*, которую до сихъ поръ распѣваютъ наши провинціальныя барышни.

Довольно замѣчательно, что къ самому Бестужеву на присылку *Полярной Звѣзды* Пушкинъ отозвался только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ его письмо къ нему, уже отъ 13 Іюня 1823: „Милый Бестужевъ! Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за *Полярную Звѣзду*, за твои письма, за статью о литературѣ, за *Ольгу* и особенно за *Вечеръ на бивакѣ*. Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. *О взглядѣ* можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ не хочется такъ спорить, какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ

жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Русской Словестности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу, а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. *Елисей* истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

— А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась,
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ; а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ,
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ,
Что видѣнъ и поднесь въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно[110]). Въ разсужденіи 1824 г. постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни, но

[110]) Во *Взлядѣ* Бестужева сказано: „Въ шутовскомъ родѣ извѣстны у насъ *Майковъ* и *Осиповъ*. Первый (1725—1778) оскорбилъ вкусъ своею поэмою *Елисей*. Второй, въ *Энеидѣ на изнанку*, довольно забавенъ и оригиналенъ“. Елисей дѣйствительно неприличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но смѣшонъ необыкновенно, и едва ли не выше *Опаснаго Сосѣда*.—Въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Словесности*, И. И. Греча, появившемся къ началѣ 1822 года, не сказано ни слова о Ради-

нельзя ли вновь осадить цензуру и со второго приступа овладѣть моей анѳологіей. Разбойниковъ я сжегъ, и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ *Полярной Звѣзды*, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются; онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви [111]). Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня. Онъ васъ, т. е. тебя, обниметъ за меня. Прощай до свиданья“.

Письмо это уже писано изъ Одессы. Когда именно Пушкинъ переѣхалъ туда, мы не можемъ опредѣлить съ точностью. Въ Январѣ 1823 года онъ еще не теряетъ надежды возвратиться въ Петербургъ, какъ видно по

щевѣ. Про себя Пушкинъ прочелъ тамъ такой отзывъ: „Важнѣйшее его сочиненіе есть романтическая поэма *Русланъ и Людмила:* въ ней видны необыкновенный духъ піитическій, воображеніе и вкусъ, которые, если обстоятельства имъ будутъ благопріятствовать, обѣщаютъ принести драгоцѣнные плоды“....

[111]) *Аркадій Гавриловичъ Родзянка,* стихотворецъ и пріятель Пушкина. То, что о немъ здѣсь говорится, требуетъ поясненія, котораго мы дать не можемъ.

письму его къ брату отъ 30 числа этого мѣсяца: „Прощай, душа моя! если увидимся, то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ... Непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется“. Но видно Пушкину надоѣло дожидаться разрѣшенія изъ Петербурга, и захотѣлось непремѣнно прогуляться. Къ тому же и средства на этотъ разъ нашлись. Онъ въ это время былъ при деньгахъ. Такъ, на святкахъ съ 1822 на 1823 годъ, въ Кишиневѣ устроился большой балъ по подпискѣ. Молодые Молдаване задумали было дать праздникъ, но приглашали на него по выбору. Тогда Русская молодежь, нарочно имъ въ укоръ, сложилась между собою и на свой балъ пригласила все общество, не обходя никого. Пушкинъ тоже далъ вкладу 100 рублей: „Смотри же, ни копѣйки больше“, сказалъ онъ, отдавая эти деньги В. П. Горчакову. Кстати здѣсь привести любопытную черту, сообщенную тѣмъ же пріятелемъ Пушкина. У него накопилось нѣсколько золотыхъ монетъ: онъ суевѣрно берегъ ихъ, и ни за что не хотѣлъ тратить, какъ бы ни велика была нужда.

Самъ Пушкинъ такъ разсказывалъ брату о своемъ переселеніи въ Одессу: „Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я на силу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Рестораціи и итальянская опера напоминали мнѣ старину и, ей Богу, обновили

мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково; объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется, и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь; мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически, и выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ“ [112]).

Это писано изъ Одессы, 25 Августа; но выраженіе *три мѣсяца,* кажется, не точно; вышеприведенное письмо къ Бестужеву, отъ 13 Іюня, противорѣчитъ этому показанію. Кромѣ того, въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля опредѣлительно сказано, что Пушкинъ пріѣзжалъ изъ Одессы въ Кишиневъ на двѣ недѣли, въ половинѣ Марта мѣсяца. Стихотвореніе 1823 года *на выпускъ птички* по тону своему принадлежитъ еще, какъ намъ кажется, Бессарабіи и свидѣтельствуетъ, что день Благовѣщенія онъ провелъ въ Кишиневѣ. Вигель написалъ ему въ Одессу, что старикъ Инзовъ зоветъ его къ себѣ назадъ и что кишиневскія дамы соскучились по немъ. Пушкинъ тотчасъ явился проститься съ Кишиневомъ. Эти двѣ недѣли онъ прожилъ въ квартирѣ Н. С. Алексѣева, которому писалъ впослѣдствіи (въ Ноябрѣ 1826 года), вспоминая Бессарабію, и начиная письмо стихами Жуковскаго:

---

[112]) Сличи заключательные стихи *Шильонскаго Узника*:

Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ,
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ,

„Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ своихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ или у тебя, мой милый, въ свѣтлой чистой избушкѣ".

Вскорѣ переѣздъ Пушкина въ Одессу получилъ оффиціальное подтвержденіе. Указомъ 7 Мая 1823 года, новороссійское генералъ-губернаторство и вмѣстѣ намѣстничество въ Бессарабіи поручены были графу М. С. Воронцову. Инзовъ остался, какъ за три года передъ тѣмъ, только попечителемъ колонистовъ южнаго края. Бессарабская намѣстничья канцелярія переѣхала въ Одессу, которую гр. Воронцовъ назначилъ по прежнему центромъ управленія. Вмѣстѣ съ другими чиновниками, и Пушкинъ перечислился въ Одессу, что огорчило старика Инзова. Несмотря на хлопоты, которыя доставлялъ ему Пушкинъ, старый добрый генералъ горевалъ о немъ и говорилъ про него Вигелю: „Вѣдь, я могъ бы удержать его; онъ былъ присланъ ко мнѣ, попечителю, а не къ бессарабскому намѣстнику".

Такъ отзывался человѣкъ, приставленный смотрѣть за его поведеніемъ. Такъ точно было и во всемъ кишеневскомъ обществѣ: Пушкину простили его дуэли, заносчивыя рѣчи и шалости, и имя его остается памятно и любезно городу Кишиневу.

3Dk